

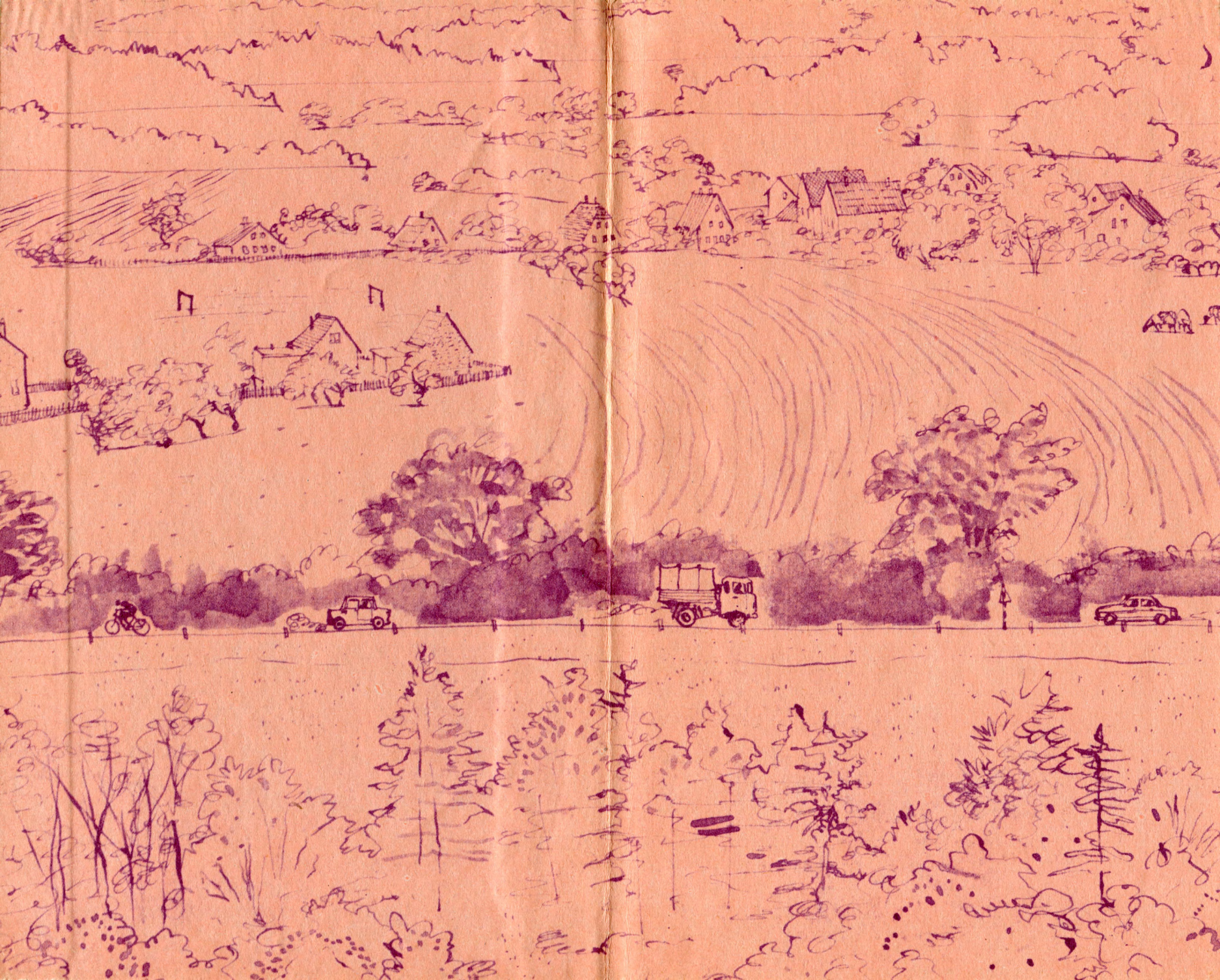
Уве Кант

ПУТЕШЕСТВИЕ
ИЗ НОУКЛЮКОВА
В НОВОСИБИРСК

45 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

УВЕ КАНТ

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ НОЙКУКОВА В НОВОСИБИРСК

Перевод с немецкого
Вс. РОЗАНОВА

Рисунки
М. ШТЕРЕНБЕРГА

И (Нем)

К 19

Uwe Kant

DIE REISE VON NEUKUCKOW
NACH NOWOSIBIRSK

Der Kinderbuchverlag Berlin
1980

Кант У.

К19 Путешествие из Нойкукова в Новосибирск: Повесть/ Пер. с нем. Вс. Розанова; Рис. М. Штеренберга.— М.: Дет. лит., 1983.— 143 с., ил.

В пер.: 45 к.

Повесть о мальчике-подростке, о его приключениях и становлении характера.

К $\frac{4803020000-490}{M101(03)83}$ 437—83

И (Нем)

НАПУТСТВЕННОЕ СЛОВО

Я тоже люблю путешествовать и однажды, лет десять мне тогда было, отправился в путь на... самокате. Это такая дощечка с двумя колесиками, а двигатель у нее — твоя левая или правая нога. Самокат мой почему-то немилосердно визжал, и я помню, что мама дала мне с собой пузырек с гусиным жиром, в пузырьке торчала кисточка. Время от времени я останавливался и смазывал кисточкой колесики. Не скажу, чтобы я тогда очень далеко уехал, но путешествие вышло настоящее. Запомнил я его на всю жизнь. Так что путешествовать интересно и малому и старому, и ничего удивительного нет в том, что герой книги известного писателя Германской Демократической Республики Уве Канта — Юрген Рогге тоже отправился в путь, правда, уже на мопеде. Ему-то, признаюсь, не просто хотелось посмотреть белый свет, повидать, как люди живут. Ему надо было... Чуть не проговорился! Куда, зачем и почему поехал Юрген Рогге, вы узнаете из самой книги. Тут только необходимо помнить, что, отправляясь

в путешествие, надо выбрать направление и цель. И встретится тебе немало крутых поворотов, попадутся и перекрестки, и придется тогда решать: направо пойдешь... налево пойдешь... а прямо пойдешь... И будешь ты стоять на перекрестке, не зная, как быть. Тогда-то и выяснится, что совсем не безразлично, какое ты примешь решение.

Вот мы и подошли к самому главному, самому важному, к тому, о чем эта книга. Она о том, какой путь выберет в своей жизни Юрген Рогге, а вместе с ним и ты, читатель.

Встретившись с человеком-медведем, кряжистым стариком Люттояном, великим поклонником энциклопедии, и прожив на его усеченной пирамиде целые сутки, Юрген Рогге выберет путь Хауке Хайена — всадника на белом коне! Жил этот Хауке Хайен очень давно, может быть, сто, а может, и двести лет назад. Но люди на побережье помнят о нем и по сей день. Там он стал человеком-легендой... Когда с моря наползают клочья тумана и где-то истошно кричит чайка, жители прибрежных деревень говорят: «Это всадник на белом коне скачет по дамбе!..»

Дамбу эту построил смотритель дамб и плотин, по имени Хауке Хайен. Сам он погиб вместе со своими близкими, но дамба, которую он рассчитал и воздвиг, стоит и поныне. Никакая волна, никакой шторм ей не страшен. Она защищает мирный труд людей, возделывающих свои поля на отвоеванной у моря земле. Построил же ее Хауке Хайен наперекор всем препятствиям, недоброжелательству, суевериям, вопреки невежеству и инертности людей, потому что он познал законы природы, а познав, заставил их служить человеку.

Книгу о Хауке Хайене, отважном строителе, «всаднике на белом коне», написал замечательный немецкий поэт и новеллист Теодор Шторм, живший в прошлом веке (1817—1888). Многие произведения его переведены на русский язык. Школьники Германской Демократической Республики изучают их на уроках литературы, увлекаются ими и дома...

А теперь и правда пора вместе с Юргеном Рогге отправляться в путешествие, и начинается оно в Нойкукове, Кукушкине, как говорит его брат.

Итак, в путь добрый!

Всеволод Розанов

— Нет, ты погляди, погляди, мать, какой денек нынче выдался! — говорит Людвиг Прюверман своей жене, фрау Прюверман. — Нет, ты только взгляни!

Фрау Прюверман так и поступает: она выглядывает в окошко, но смотрит совсем не туда, куда хотел бы ее муж Прюверман. Он-то, может быть, думает — она смотрит на липу напротив, что цветет и цветет, будто она одна такая во всем Нойкукове, а то и во всем мире, одна за все липы на белом свете старается! А может быть, он думает, что жена любит небо? Оно сегодня такое синее, как самое синее небо на картинках местного живописца и стекольщика Роггентина, что живет на Гольденбоверштрассе, — он-то знает толк в синей краске! Нет, фрау Прюверман смотрит на «минимакс», на термометр, прикрепленный к карнизу сразу же за двойной рамой.

— Только девять утра, а уже двадцать два градуса! Да что ж это будет, если так дальше пойдет? И ночью ниже семнадцати по Цельсию не спускалась, — говорит она.

А Людвиг Прюверман упрямо ей в ответ:

— Чего там Цельсиус или Ромулус — и так видно: отличнейший денек — ничего не скажешь.

Жена не сдаётся:

— Я тебе вот что скажу, Людвиг Прюверман! Мечтания одни у тебя в голове. Как были, так и остались. И ничего больше!

Людвиг Прюверман все так же упрямо кивает головой: нечего ей сказать, вот и долдонит — «мечтания да мечтания». Сколько раз она ему это говорила — тысячу! В первый раз ровно пятьдесят два года назад, когда Людвиг Прюверман спросил Маргариту Заксенбрехер: «Не поженишься ли нам?» Может, она и права. Но какое это теперь имеет значение? Ведь вышла она за него. И ей уже семьдесят один... А она еще хоть куда. Недавно взяла да купила у Иоганна Фридриха Мёллендорпа — «Часы — оптика» — хитроумный такой термометр — «минимакс».

Иоганн Фридрих Мёллендорп — «Часы — оптика» — уже стоит за прилавком. Магази́нчик свой он называет залой для клиентов, а сам сейчас занят подсчетом солнечных очков. Двадцать одну оправу насчитал. А в городе Нойкукове — 7469 жителей. Да, да, надо немедленно заказать еще несколько солнечных очков, решает Иоганн

Фридрих Мёллендорп. И так он всегда. Вдруг все и решает.

По правде-то сказать, он терпеть не может эти свето-защитные очки. И всякий раз, когда их продает, ему кажется, будто его, солиста Большой оперы заставляют петь в оперетте. Что-то в них есть несоolidное, в этих солнечных очках. И еще он терпеть не может новомодные очки, в которых у человека глаза делаются как у собаки в какой-то сказке — с чайное блюдце. Вот он держит одну такую оправу в руках. Двадцать первая. Бережно кладет ее в ящик, выложенный красной замшей. Да, да! У Иоганна Фридриха Мёллендорпа свой вкус, и слава богу. Но что там ни говори, он и коммерсант. А коммерсанту следует считаться с чужими вкусами. Даже если покупатель спросит, есть ли у него треугольные очки, то он и такие должен выложить на прилавок. И пусть никто не посмеет утверждать, будто в Нойкуове ничего достать нельзя, будто Нойкуков — заштатный городок!

Нойкуков — районный центр. И если его жители во что-бы то ни стало хотят обезобразить свои физиономии, то у Иоганна Фридриха Мёллендорпа они найдут для этого полный ассортимент. А потом и о туристах забывать нельзя. Эти ведь теперь тоже сообразили, о чем он, Иоганн Фридрих давно говорил: озеро в Нойкуове — самое красивое, да и чище оно, чем Даллендорфское. И народу здесь меньше, чем на Гривецком озере. Куда как меньше, позвольте вам сказать!

На другой стороне улицы показался прохожий. Шагает он так медленно, как это делают только отпускники. Они-то знают: день большой, а город — маленький. Меньше Берлина, например, и Шверина, и Ростока — это уж точно. Но зато больше Золтова, Перкюна и Гюцова. Да нет, не отпускник это вовсе — это старшенький Клифота, Эрихом его зовут. Так и есть, Иоганн Фридрих не ошибся. Еще бы, не хватало, чтобы Иоганн Фридрих Мёллендорп ошибался, когда у него мёллендорпские очки на носу! И все же он дал маху! И тут уж самые хорошие очки не спасут. Он не подумал о том, что вполне можно быть отпускником и проводить отпуск в родном городе.

Старшенький Клифота, Эрих Клифот, — моряк. На «Эренфридерсдорфе» он бороздит Балтийское и Северное моря и еще Индийское или как они там все называются.

На самом-то деле Эрих всего только один раз побывал на всех этих морях — моряк он совсем еще молодой. Но все равно в Нойкукове самый что ни на есть бывалый. Прошлой ночью он после своего первого морского путешествия вернулся домой, в отпуск. Его отец, учитель Клифот, на мотоцикле с коляской встретил его еще в Ростокском порту.

— Там ведь всякие рестораны и нехорошие женщины, — сказала фрау Клифот, радуясь, что ее старшенький нигде не застрял и теперь спит наверху в своей каморке.

До этого она накормила его завтраком. Проснувшись, он переоделся в выходной костюм, затянул потуже галстук и вышел прошвырнуться. Внимание! Всем-всем-всем! Нойкуков, замри! Эрих-моряк гуляет!

Но когда он доходит до Гольденбоверштрассе, ему делается жарко, да и недоволен он. То, что ему жарко, вовсе не удивительно — он же при галстукке, в парадной куртке. Надо было бы ему перед выходом спросить главного метеоролога Нойкукова — фрау Прюверман. Скорее, следует удивляться, чем это он так недоволен? Может, тем, что в Нойкукове, пока он плавал по морям и океанам, алмазов не нашли? Нет, не такое это место Нойкуков!

В Нойкукове все идет по порядку: тихо, спокойно. Нойкуков не Париж, не Новосибирск и не «Шварце Пумпе»¹. Но Нойкуков не пустое место. В Нойкукове пять школ, трикотажная фабрика, газовый завод, горчицная фабрика, завод кормов, сельскохозяйственный производственный кооператив, ратуша из красного кирпича, такая же церковь, четыре булочных, аптека, кафе-мороженое, кондитерская, почта, вокзал, сберкасса и много других нужных заведений. Здесь есть все, что нужно для жизни города с семитысячным населением. А теперь есть и настоящий моряк!

Именно он шагает сейчас по Гольденбоверштрассе мимо дома Мёллендорпа, солнечные очки у него уже есть — в Джибути купил. А других ему и не надо: еще чего! Молодой матрос — и в очках!

На углу Розенштрассе он поворачивает вправо. На Марктплац, значит, идет. Так и есть: идет на Марктплац.

¹ Промышленный центр в ГДР.

Витрины посмотреть. Может и покрасоваться в них, в галантерейном магазине Дорис Шредер гребенку купить, хотя у него уже три, и одна из Хайдарабада. Но это уже другая история. Потом он пойдет на речку Дёбель, постоит у шлюза, поглядит на речников — этих пресноводных дедов. А там пора идти на вокзал: в 10 часов 11 минут приходит ростокский поезд — надо ж поглядеть, кто на нем приехал. Но еще до этого на углу Розенштрассе с Эрихом К्लифотом, старшим сыном учителя К्लифота, происходит нечто исполнившее его немалым удовлетворением.

Два пятилетних шкета сначала уставились на его спину, а затем, обогнав, без всякого стеснения принялись рассматривать спереди. Должно быть, теряются в догадках — кто перед ними: адмирал или штурман дальнего плавания? А Эрих К्लифот тем временем небрежно опускает руку в карман, собираясь достать из него пачку японских сигарет — тех, что способны с первой затяжки быка свалить. Но так их и не находит. Гр-р-ом и молния! Мать реквизировала. Нет, так дело не пойдет! Вот напротив пивная «Заходите к Рабе!». Наверняка там можно купить сигарет. Если уж есть у кого в Нойкукове сигареты «Кабинет», то только у Джони Рабе. Он их из Берлина на своем «польски-фиат» привозит.

Половину улицы Эрих пересек и увидел: выходной.

Гр-р-ром и молния! Надо ж, забегаловка Рабе и та сегодня выходная!

Но сам Джони Рабе трудится вовсю. Правда, в данную минуту он сидит на корточках. Но сейчас поднимется. И это ему удастся, хотя и не с первой попытки. Двадцать первое приседание делает Джони, и на плечах у него мешок с песком — пятьдесят килограммов! Стареешь ты, Джони Рабе! Стареешь! Двадцать девять приседаний — это ж раньше только половина была! А теперь ты уже сейчас готов скинуть мешок и еще будешь радоваться, что до сорока дойдешь. Для человека его возраста сорок таких приседаний — немалое достижение. В Нойкукове никто с ним не сравнится! Однако Джони Рабе не позволяет себе таких утешений, и сколько ему лет — Джони тоже знать не хочет. Да и что ему Нойкуков? Разве это для него масштаб? Ему для сравнения подавай рекорд страны, Европы! Мира! Иногда ему это даже снится. Но постепенно

буквы, которыми написано про мировой рекорд Джони Рабе, становятся все меньше, меньше, а когда их уже и разобрать нельзя, он просыпается, вскакивает и хватается за штангу. А если оказывается, что он уже не в силах выжать ее, он становится перед зеркалом и смотрит на себя. Перед ним влажное от пота лицо, прямой широкий нос, ровно очерченные скулы и тяжелый, разделенный надвое подбородок. Стоит ему закрыть глаза — он все еще видит свое лицо и слышит голос, доносящийся из громкоговорителя: «Метание молота. Победитель с рекордом Европы — Рабе (Мекленбург) — столько-то метров и сантиметров!» И только после этого он отправляется под душ.

Если бы он ориентировался только на Нойкуков, то не было бы у него потребности в таких снах. Сейчас ему уже за сорок, но все равно Джони Рабе держит рекорд района по метанию копья, диска, молота и толканию ядра. Копье там, диск, ядро — все это распрекрасно, однако все это детские игрушки. А вот молот... К молоту он сердцем присох. Молот он охотнее всего закинул бы так далеко, что он улетел бы из Мекленбурга в далекий мир, на олимпийский пьедестал, в заголовки газет, — так имя Рабе навсегда осталось бы в памяти человечества. Джони — король, и молот — его скипетр!

Вот он и закончил сороковое приседание и сбросил мешок с песком. У него даже в глазах потемнело, но это сейчас пройдет. Он прислонился к стене, глубоко вздохнул, наполнив свои легкие, свою могучую грудь кислородом и на две секунды прижал к лицу китайское полотенце.

Давно-давно, многие годы тому назад, в городке Нойкукове, что стоит на земле Мекленбург, у трактирщика Карла Людвига Рабе и его жены фрау Лины родился сын. Окрестили его Иоганном, однако скоро стали звать Джони, по причине веселого нрава, голубых глаз, белокурых волос и близости моря. Всем тогда казалось, что родился новый Геркулес. Всего восьми лет от роду Джони одолел грозного гусака крестьянина Гризе. Схватив могучую птицу за шею, он покрутил ее вокруг головы и швырнул в кусты смородины. Достигши десяти лет, он однажды схватил за рога козла Оскара, хозяином которого считался его дядя Вильгельм, и поставил животину на колени. Тринадцати лет он возглавил мальчишескую ватагу на Розенштрассе и во-

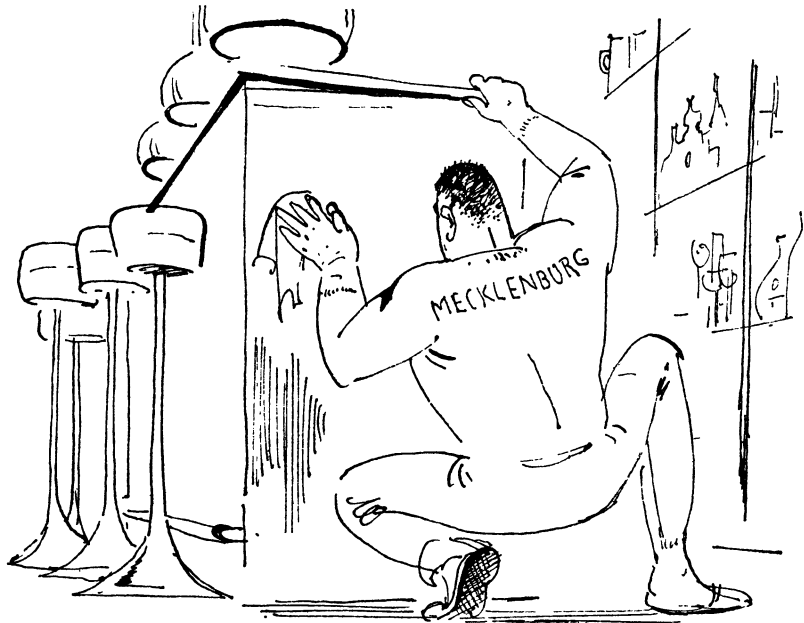
дил ее в сражение против такой же на Гольденбоверштрассе. А когда ему исполнилось восемнадцать, военврач, который его ощупывал, присвистывая от восторга, заявил, что наконец-то эта заштатная дыра Нойкуков подарила фюреру свое чудо-оружие. И весило оно 91 килограмм, а ростом было 1 метр 91 сантиметр.

Ну, а так как в ту войну водились куда более сильные штучки, чем сильные парни, ибо воевали тогда уже не мечом и копьём, то Джони очень скоро попал в плен. И когда его отпустили, то ростом он был уже 1 метр 95 сантиметров, однако временно весил только восемьдесят четыре килограмма. И шел тогда холодный 1947 год.

У Джони все еще не было ни одной золотой медали. Но в то время это его мало трогало. Он тогда и не знал никаких золотых медалей. Но зато хорошо известны ему были золотые значки нацистов, Железный крест, значок за участие в атаке. Ничего-то не знал он и о спортивном инвентаре, но хорошо знал бильярдные шары и молотки, которыми забивают гвозди. Сны его были только об обеде, о кровяной колбасе и картошке с творогом.

...Вот и вышел Джони из-под душа, растерся докрасна и открыл маленький шкафчик. Висит в этом шкафчике одна-единственная вещь — синий тренировочный костюм; хоть и не очень он ему нравится, но он его надевает. Рукава короткие, в плечах и в груди узок, да и выцвел немного. На брюки смешно смотреть — теперь такие не в моде. Их увидишь разве на старой фотографии. На груди пришит герб — косоглазый зубр с вывалившимся красным языком. На спине от плеча до плеча белые буквы — «М е к л е н б у р г». «М» и «г» уже чуть растянуты. Старый тренировочный костюм. Сразу видно, что старый. Удивительно, что такие еще носят! Да и Джони Рабе надевает его только один раз в неделю, в свой выходной, и только дома. Первым делом — тренировка, потом душ, и уже после него Джони надевает этот старый костюм и спускается в залу — чистить и мыть стойку. Каждый понедельник так. Когда-то раньше выходной у него был в среду. Но это было очень давно.

Итак, по возвращении Джони Рабе, которому когда-то прочили быть Геркулесом, а потом — чудо-оружием, исправно кушал кровяную колбасу и картошку с творогом.

Когда снова выросли у него мышцы на руках и жирок на ребрах, он пошел туда, где на вывеске значилось: «Спортобщество «Локомотив», Нойкуков». В этом обществе в ящике для спортивного инвентаря валялось старое копьё. Никто не знал, что с ним делать, потому его и отдали Джони Рабе. Джони подхватил копьё — в его руках оно ничего не весило — и метнул. Довольно далеко, между прочим. Во всяком случае, в Нойкукове никто никогда не видел, чтобы так далеко улетало копьё, разве что сын книготорговца Альбрехта — тот ведь побывал на Олимпиаде 1936 года в Берлине. Но его уже нет в живых: убит под Днепропетровском в 1941 году... А Джони Рабе посмотрел вслед своему копьё и усмехнулся. Но довольным он был только до того дня, как в Нойкуков приехал худенький, сухой старичок.

Приехал он на ростокском поезде, с тяжелым помятым чемоданом в руках, присел на этот самый чемодан, вы-

курил несколько сигарет «Унита» и все поглядывал, как Джони Рабе свое копьё мечет. Целый час так курил и щурясь смотрел на Джони. Однако с чемодана ни разу не сошел. Под конец это разозлило Джони. Он бросал и бросал, чуть плечо себе не вывернул. А копьё-то падало все ближе и ближе. Но тут сухонький старичок поднялся со своего чемодана и сказал:

— Это не для вас. Разбег у вас плохой, да и технику вам не освоить. К тому же копьёметатель у нас уже есть. Из Пархима он. А вам я сейчас кое-что покажу.

Тощий старичок открыл свой выдавший виды чемодан и достал главный предмет своих забот — почти восьмикилограммовое ядро, к которому была прикреплена стальная проволока примерно в метр длиной, в конце снабженная ручкой.

— А это, — сказал старичок, — и есть молот. — Схватил странный предмет своими высохшими желтыми ручками, несколько раз повернулся на месте так, что ядро поднялось благодаря центробежной силе, и отпустил.

Так называемый молот пролетел метров десять, что великим достижением никак не назовешь.

— Разумеется, это пустяк, — сказал он. — Молот можно метнуть метров на пятьдесят. Я знаю, как этого добиться, но сам не могу. Вы не знаете, как это делается, но м о ж е т е. А это уже лучше: у вас все впереди.

Напоследок тощий старичок призвал Джони Рабе быть внимательным, соблюдать все меры предосторожности.

— Сетку, — сказал он, — я не могу достать. — И, оставив молот и тетрадочку, в которой было написано, как достичь успеха в метании молота, отбыл из Нойкукова в неизвестном направлении.

Так Джони приобрел свой скипетр, но королем еще не стал. Однако, как правильно заметил старичок, у Джони все еще было впереди.

Но с тех пор этот почти Геркулес, этот еще не король каждый день отправлялся на лесную полянку. Ездил он туда на стареньком велосипеде: футболисты прогнали его со стадиона — нечего, мол, на футбольном поле ямки выбивать! А здесь, скрытый от людских глаз, Джони метал и метал, да так, что все живое разбежалось, а бабы, собиравшие в лесу хворост, вскоре стали всякие небылицы пле-

сти о сумасшедшем великане из Нойкукова. Так прошло два месяца, а когда начался третий, Джони Рабе с Розенштрассе стал окружным королем — или чемпионом округа. Это еще не много, но все-таки король!

Сперва-то его не хотели выпускать — сетки не было. Да и не с кем ему было состязаться — один же! Но не на того напали — неужто вся его тренировка псу под хвост? А мозоли на руках? Сколько он деревьев облазил — снаряд застрявший доставал! И на старичка из Росток он сослался: это же он ему задание дал — стать первым метателем молота на мекленбургской земле. И в конце концов добился своего. А снаряд свой он и чистил, и тер порошками собственного изготовления, какими обычно пивные краны и стойку в отцовской пивной надраивал. Вот так-то и продвинулся он по стезе спортивной славы, где победить ему надо было только самого себя да разве еще насмешников. Официально зарегистрированная и внесенная в протокол состязаний отметка нового чемпиона округа равнялась 28 метрам 92 сантиметрам.

Довольно ему чистить и убирать свою ресторацию да одергивать смешной тренировочный костюм. Шутки ради он выжимает тяжелый стол для постоянных посетителей. Затем он отправится наверх и переоденется. Натянет брюки, сшитые у лучшего портного, английские ботинки, шотландский пуловер и куртку из мягкой коричневой кожи. Спустится в гараж, выкатит свой «польски-фиат» и отбудет в Росток обедать. Случается, что он и в Варнемюнде ездит. Джони Рабе человек состоятельный. Его питейное заведение — лучшее в Нойкукове. И весь доход ему одному — ни жены, ни детей. Время от времени он заводит себе подружку в Росток, но ни одной до сих пор не разрешал навещать его в Нойкукове, разве когда на лодке с ней катается. И ни одной еще не признался, что он единственный владелец ресторанчика. Для них он тренер, и все.

...Так Джони Рабе стал королем в районном масштабе, и почти в то же самое время пивная перешла в его руки. Родители умерли один за другим и оставили ему питейное заведение «Нойкуковер Хоф». Джони выдержал сроки траура, а затем поручил мастеру, маляру Брумму, нарисовать новую вывеску. Теперь на ней значилось: «Заходите к Рабе!» В какой-то книжке он прочитал — иногда

ведь он и книги читал, — что в Берлине есть знаменитый ресторан того же названия, но в Нойкукове это мало кто знал, разве что книготорговец Альбрехт, аптекарь да священник. Они же первыми заказали постоянный столик у него. Остальные нойкуковцы не торопились, только приговаривали: «Свихнулся, что ли, этот Рабе?»

Не-е-ет, не свихнулся Джони. Он все хорошо обдумал. Он же решил стать молотометателем и хорошо знал, что метателю молота надо кушать, и хорошо кушать. А так как он к тому же знал, что ничему не обучен, кроме как стрелять и разливать пиво, то и решил зарабатывать свой хлеб ресторатором. А для этого ему надобен был клиент-посетитель. И такой, чтобы посидел немного и деньжат толику оставил. Потому он и приказал всю залу перекрасить и обставить так, как ни у кого другого. Начал он с вывески. Сняв старую, он не сразу новую повесил. Прежде всего он, заперев дверь, засучил рукава и чистил, и малевал, и лучшую посуду с чердака притащил, из комода матери достал все ее столовое белье, объездил все деревни и выменял у новых крестьян и управителей старых замков у кого старинное кресло, у кого замысловатую кружку, а один бургомистр подарил ему двадцать три рисунка, застекленные, в рамках, на которых были изображены всякие графы и господа в цилиндрах: они скакали по полям и лугам на разномастных лошадях с подвязанными хвостами.

— Забирай, парень, — сказал тогда бургомистр, — к чему нам все эти графья?

И Джони Рабе разукрасил свое заведение старинной посудой, скатертями, пивными кружками и «графьями». А когда все уже было готово, он прикрепил и вывеску, но дверей не отпирал, целую неделю не отпирал. «Совсем свихнулся!» — решили нойкуковцы. Но ни один из них не проходил мимо, не заглянув внутрь: «Что это там делается?» — но только так, ненароком, потому как нойкуковцы считают себя людьми нелюбопытными и соответственно этому должны себя соблюдать. А Джони, прикрепив вывеску, отправился к старому Брегенфельду — «Печатное дело. Брегенфельд и Геве» (Геве-то уже лет тридцать как помер) и за бутылкой тминной повел с печатником Брегенфельдом неторопливую беседу. В конце концов старый Брегенфельд, хлопнув Джони по плечу,

достал из потайного ящика около сотни карточек твердого желтого картона и торжественно обещал самым красивым шрифтом напечатать на них следующий текст:

ПРИГЛАШЕНИЕ

«Многоуважаемый

Вы окажете мне великую честь, если совместно со своей уважаемой супругой придете на открытие полностью обновленного ресторана «Заходите к Рабе!», Розенштрассе, 14, кое имеет быть 24 июня в 6 часов пополудни».

Ресторатор Иоганнес Рабе.

Джони-то хотел написать «состоится», но старый Бренфельд настоял на «имеет быть». Впрочем, «состоится» или «имеет быть», а приглашительные карточки произвели в городе фурор, хотя хладнокровные нойкуковцы и виду не показали. Те из них, кто получил приглашение, восклицали: «Нет, вы поглядите только!», а остальные: «Говорили ж люди — свихнулся он!» Но это еще ничего не значило. Это ведь могло обратиться и признанием, но могло вылиться и в злорадство. Сам-то Джони ничуть не сомневался в успехе. Он-то был уверен, он-то знал, что делал, знал, что умел, и знал, что это было немало.

И снова Джони стал ездить в лес, часами метать молот. Прикладывая к земле длинную бельевую веревку, узлами разделенную на метры, он установил, что все чаще и чаще снаряд улетал за тридцать метров и однажды упал так далеко, что совсем немного оставалось до тридцати пяти. Тогда-то он и понял: все пойдет как надо. Да и весь вид его говорил об этом. Но только до того дня, когда до открытия «Заходите к Рабе!» осталась ровно неделя. В тот день почтальон принес ему небольшую посылочку и письмо от сухонького старичка. В посылочке Джони обнаружил новенький тренировочный костюм с гербом на груди и белыми буквами на спине. Гербом был косоглазый зубр, а из букв складывалось слово «Мекленбург». Еще до того, как распечатать письмо, Джони трясущимися руками натянул на себя тренировочный костюм. Оказалось, «будто сшит на него». Письмо было очень коротким:

«Дорогой друг Рабе!

С той же почтой посылаю тебе тренировочный костюм команды земли Мекленбург. Предназначен он для республиканских состязаний, которые состоятся в Берлине. Встречаемся 24 июня в 15 час. 00 мин. у здания театра в Шверине. В Берлин едем на автобусе. Не опаздывай, а то не поспеешь на состязания. Если у тебя обнаружится травма или болезнь, сообщи заблаговременно.

ФИЗКУЛЬТ-УРА!»

«Не может этого быть! — сказал себе Джони Рабе. — Невозможно! Я, наверное, неправильно прочитал». Однако все было правильно, двадцать четвертого июня в пятнадцать ноль-ноль. Когда он прочитал письмо в пятый раз, он упал на кровать и заревел. Давненько этого с ним не случалось, и сперва даже звучало как-то неуверенно. Но чем дальше, тем громче. В ту ночь впервые после большого перерыва ему приснился сон, в котором он видел, как буквы его имени делались все меньше и меньше и под конец уже ничего нельзя было прочитать... Все следующие дни до самого двадцать четвертого июня пролетели очень быстро. Оказывается, Джони Рабе придумал способ заставить их пролететь очень быстро. Каждое утро, поднявшись с постели, он вставал перед зеркалом и говорил себе: «Поеду вслед. Возьму да поеду вслед. Вот увидишь: двадцать пятого утром в шесть ноль-ноль выеду на велосипеде на Берлинское шоссе. Там много машин. Кто-нибудь меня подкинет. Так и сделаю! Только бы молот не забыть. Известно, можно ли в Берлине молот напрокат взять».

После такой утренней молитвы он еще долго гримасничал перед зеркалом, непоколебимо веря в то, что ему наплел этот самый Джони Рабе. Плохо было только двадцать четвертого июня в пятнадцать ноль-ноль. Джони так и видел, как сухонький старичок вышагивает у остановки автобуса, как он закуривает одну «Унита» за другой, как достает свою обшарпанную «луковицу», как объясняет всей мекленбургской команде, что этот самый нойкуковский Рабе — парень что надо! Да, да! Мекленбург может положиться на него, но все, мол, сами знают, как нынче поезда ходят. Так что немного придется его подождать. Но такого парня стоит подождать.

Сколько они еще будут ждать? Полчаса? Час?

А когда стенные часы пробили четыре, Джони повязал свой кожаный фартук и спустился в залу, Джони Рабе — хозяин «Заходите к Рабе!».

И хозяин-ресторатор еще раз осмотрел своего помощника, нанятого на этот торжественный день, чист ли и опрятен? Проверил и в последний раз запасы светлого пива, неочищенного шнапса и молодого вина, темного пива, чистого шнапса и старого вина — немало побегал, прежде чем добыть его, — и занял свое место за стойкой.

«Нет, не-е-ет! — сказал ресторатор Рабе метателю молота Джони Рабе. — Всему свой черед. Иначе никак нельзя! Народ со смеху покатился бы, глядя на нас: сперва, мол, карточки с золотым обрезом, а потом — фьють! — ничего. Все у нас рухнуло бы в Нойкукове, и так до второго пришествия. На сегодня отключись, успокойся, Джони, а завтра можешь поехать вслед...»

Никуда Джони Рабе так и не поехал. Утром двадцать пятого он лежал в кровати, в желудке у него горел адский огонь, а в голове было как после землетрясения. Во рту пересохло, ноги дрожали, и думал он при этом: «Пусть сухонький старичок сам свою железку бросает. Чтоб его черти слопали!»

Здесь надобно пояснить, что хороший хозяин-ресторатор своей собственной сивухи никогда не пьет. Но тут ведь какое дело? Открытие! И все-то хотят с тобой чокнуться, успеха тебе желают. Никак не откажешься.

«Чего говорить, такими молодыми мы ведь больше никогда не встретимся!»

«Ах если бы это твой покойный отец увидел!»

«Очень ты все солидно устроил.»

«Как бы ты на это посмотрел, если бы мы у тебя заказали столик, так сказать, на постоянно?»

Да, открытие прошло с блеском. Полнейший успех! И с того дня дела Рабе пошли в гору. И дошли они и до «польски-фиат», и до яхты со шведским мотором... Но когда он в белых холщовых брюках, закрытом свитере, синей куртке и фуражке, шитой золотом, ходил на яхте по речке Дёбель и очередная подружка принималась осторожно расспрашивать, откуда у него все это, он скромно отвечал:

— Кое-что получил в наследство, а потом, я же тренер.

Тренер будущего чемпиона мира — стайера Юргена Рогге! Ты разве не знаешь этого паренька?

Но ни одна подружка не знала Юргена Рогге. И Джони потягивал албанскую трубочку, покачивал тяжелым подбородком и говорил:

— Ну, этого вы еще узнаете! Осенью на районных соревнованиях — кросс по пересеченной местности! Там он себя покажет.

Юрген Рогге сидел у окна своей каморки на втором этаже и смотрел на двор позади красного кирпичного дома. Он ждал. Ждал, когда уедут родители. Должно быть, скоро. «Траби» («Трабант-601»), загруженный доверху, уже выкатили из гаража, и он стоит посреди двора. Из глушителя вылетает синий дымок. Сейчас отец уже выйдет в выходном костюме во двор и ласково пнет ногой покрышку. Потом мать, как-то по-особому чуть скривив рот, втиснется на переднее сиденье рядом с водителем. Дверь она захлопнет только со второго раза и после этого скажет: «Я хорошо закрыла, отец?» А он ответит: «Да, да, теперь ты закрыла. Но так недолго и машину разбить».

— Юрджи! — зовет мать с крыльца. Имя Юрген она почему-то произносит «Юрджи».

— Иду, иду, чего ты! — отзывается Юрген.

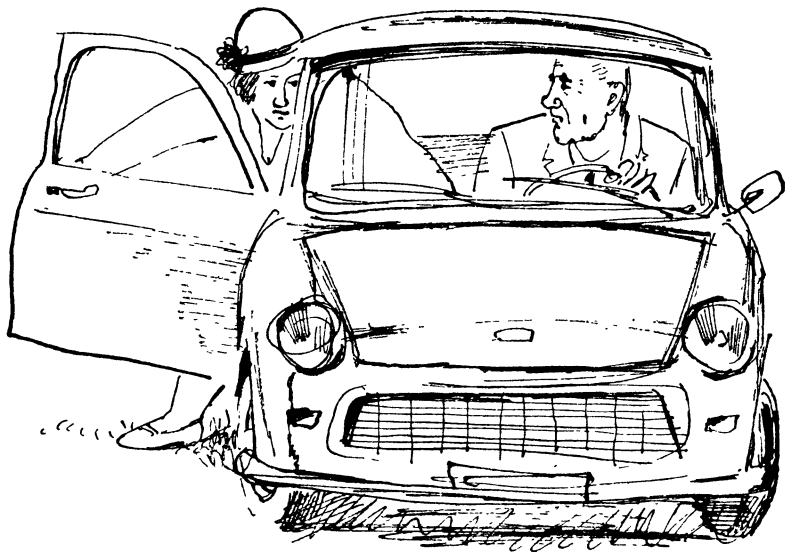
Схватив транзистор, он бежит вниз. На матери ее новый серый костюм и круглая высокая шляпа, которую Юрген прозвал обсерваторией.

— Вот так, сынок, — говорит она, — а теперь попрощайся с родителями. Но может быть, ты передумал? Да выключи ты свою дуделку!

Юрген ей в ответ:

— Нет, нет, что ты! Поезжайте! Всего вам хорошего!

Он пожимает руку матери, потом и отцу, который ради этого должен перекинуть ключи зажигания из правой руки в левую. Затем Юрген идет по двору за родителями, стоит и смотрит, как отец ласково пинает ногой покрышку и как его мать, по-особому скривив рот втискивается на правое переднее сиденье. При этом «обсерватория» чуть сбивается набок, и дверцу ей действительно удастся закрыть только после второго раза. Отец дает сразу слишком

много газу, двор еще раз заполняется синим дымом. Юрген небрежно машет левой рукой. Вот он и один. Ура!

И сразу трехкомнатный домик с кухней, ванной и мансардой превращается в шикарную виллу с башенками, эркерами, балкончиками и бассейном! Из нижних комнат ведет внутренняя лестница к трем спальням и гостиной наверху. А Йорг, хозяин всей этой роскоши, бережно опускает мурлыкающего котенка, разумеется, сиамского, на персидский ковер, затягивает на своей стройной фигуре пояс халата и направляется в библиотеку: ему необходимо еще кое-что просмотреть...

Однако вся эта картина довольно быстро улетучивается. И Юрген, собственно, не знает, что же дальше? Знает он только одно: целую неделю весь дом предоставлен в его распоряжение и надо подумать, что бы такое предпринять? Родители уехали на неделю в отпуск в Польшу, на Мазурские озера.

Они очень хотели взять его с собой, но Юрген отказался. Стены ходили ходуном в маленьком доме, где жили

Рогге. Мать рыдала и ломала руки. Отец не ломал. Ему это ни к чему. Все переживания и нервные потрясения мама всегда берет на себя. Она пришивает пуговицы к его железнодорожной форме, готовит бутерброды, наливает кофе в термос, а когда у отца неприятности по службе, он спокойненько рассказывает о них, а она переживает вместо него. Так у них все распределено.

Мать, значит, ломала руки и всякий раз, когда ей что-нибудь новенькое приходило в голову, поднималась к Юргену на мансарду и произносила громкие решительные речи по адресу неблагодарного отпрыска, совершенно сумасшедшего мальчишки, избалованного сына... Продолжалось это недели три и вынести было совсем не легко. Привлекла она на свою сторону и «профессора Зауэрбруха» — как Юрген прозвал своего старшего брата, Рудольфа. Рудольф Рогге — терапевт (с частной практикой). Юргену нравится называть его «профессор Зауэрбрух» — так ведь звали очень известного когда-то доктора.

— Что это мы тут устраиваем? — сказал тогда «профессор Зауэрбрух» голосом домашнего учителя, и сразу у него появилось такое отеческое выражение. — Будем благоразумны и не будем портить родителям их вполне заслуженный отдых.

Но Юрген не отступил ни на шаг. Был тверд, как скала, на которую накатывают волны бушующего моря. Он сказал, что не выносит долгую езду в автомобиле. На самом-то деле он очень даже любит ездить на машине, и чем дальше, тем лучше. Пригласи его кто-нибудь прокатиться из Берлина во Владивосток, он в одной рубашке сиганул бы из окна прямо в машину. А вот с родителями он ездить не любит. Впрочем, никому об этом не говорит. Он понимает, что это будет несправедливым, даже чем-то злым. А он совсем не злой. Как же тут быть? Все последнее время родители его раздражают. Все как-то не так. Один вид «обсерватории» способен вывести его из себя. Его коробит, когда отец говорит владельцам «вартбургов», что у него, мол, всего-навсего «трабант», но что там ни говори, а своя «тачка» — маленькая, да удаленькая. У него нет сил выносить, когда мать за обедом в ресторане без конца спрашивает у отца, хорошо ли он запер «тачку». Одно слово «тачка» способно заставить Юргена выть. Как-то

раз он схватил пожарную кишку и стал поливать садовую тачку — это мать попросила его помыть «трабант».

«Трабант» подарил им «наш Рудольф», то есть «профессор Зауэрбрух». И для родителей это — «чудо на колесах», так же как и сам Рудольф — «чудо в белом халате». Когда они, как и все в этом поселке, на каждом кирпиче экономили, строя свой дом, никто не мог даже мечтать об автомобиле. Только у владельца продуктового магазина был тогда трехколесный пикапчик «Голиаф».

Все это Юргену хорошо известно, хотя сам он не был при этом, но слышал, много раз слышал. Один раз в неделю родители обязательно вспоминают былое время и не перестают удивляться. Но Юрген не удивляется. Для него «трабант» — маломощный автомобиль с двухтактным двигателем, а диплом доктора — нечто вроде аттестата зрелости, который все, кто хоть немного соображает, могут получить в любом вузе. И никакое это не чудо. А вот чудо для него: как это человек с никудышным голосом, по имени Адамо, способен доводить слушателей до иступления.

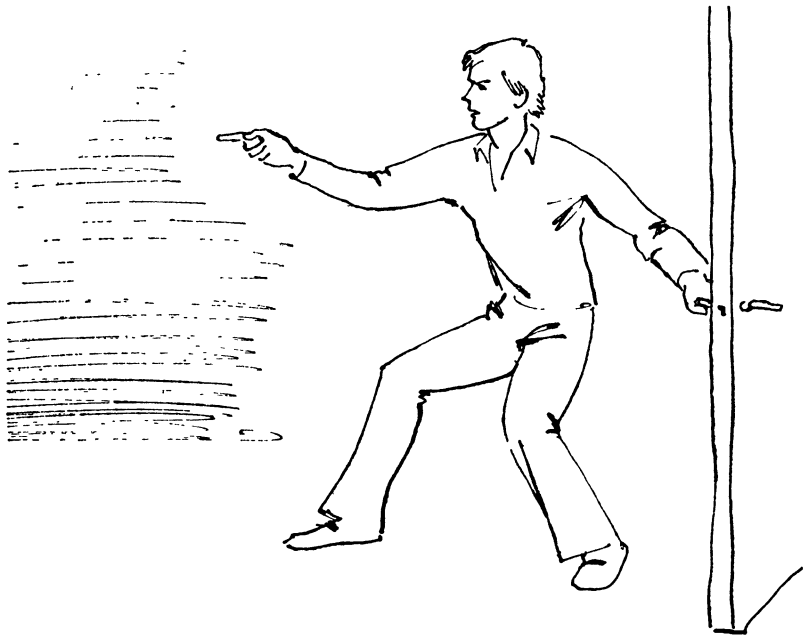
Или, например, что Сусанна Альбрехт — его подружка.

Вернее, была. Сейчас в этом вопросе какая-то неясность. Они здорово поругались. А ведь он был уверен, что они никогда не будут ссориться. Никогда не будут говорить друг другу злых слов...

Началось у них все еще зимой, на льду нойкуковского озера. Она пришла со «снегурочками», а ключ забыла дома. Он остался на кухонном столе. Юрген катил мимо. Ключ, как это у ребят заведено, висел на шее. Он ей и подал его. А когда увидел, что пальцы у нее совсем замерзли, отобрал ключ, опустил на колени и потуже закрутил коньки.

Ничего при этом такого не было. Он только мельком взглянул снизу вверх и увидел, что она смотрит ему прямо в глаза. Медленно, очень медленно, хотя он и успел затянуть два болта, его лицо начало заливать краской, и, когда выпрямился, он уже весь покраснел. Какую-то легкость он ощутил. Но может быть, это чуть-чуть кружилась голова...

— «Норвеги» с ботинками, как у меня, лучше, — сказал он и услышал свой голос будто со стороны, будто издалека, будто он стоит метрах в трех от себя самого.

Отбежав немного, Юрген обернулся и увидел, что она совсем не умеет кататься, шага сделать не может! Тогда он подъехал к ней и стал показывать. И так до самого вечера он ей показывал. Потом они вместе пошли домой. Вроде бы по пути это было. Она сказала:

— До завтра. Да?

Он сказал:

— До завтра.

Зима стояла холодная. Лед на озере был толстый, почти совсем черный. Хорошо было кататься! Очень даже здорово! Но все же они поссорились. И оба этому удивились. А удивляться-то было нечему. Когда оба такого высокого мнения друг о друге, как это было у них с Сусанной, они всегда считают, что обо всем должны думать одинаково, и страшно разочаровываются, если это не так. Однако в таком случае тоже может быть два выхода: или один подчиняется другому или они ссорятся. Вот они и поссорились.

Конечно, это было лучше. Но все равно чего же тут хорошего!

Осторожно и очень тихо Юрген крадется вверх по лестнице, на мансарду. Перед дверью в свою каморку он выдергивает из кобуры служебный револьвер, тихо нажимает на ручку двери и вдруг врывается в каморку.

— Упорхнула птичка! — цедит он сквозь зубы. — Обыскать! — приказывает он помощнику, следующему за ним по пятам.

Опытным взглядом он окидывает помещение: слева — белая железная кровать, заправленная голубым, в клеточку, одеялом, на стене — две бадминтонные ракетки, плакат, призывающий к борьбе с гусеницей златогузкой, пара шиповок и отличный чертеж пифагоровых штанов; рядом с кроватью ночной столик, на нем огромный, сильно помятый будильник. Под длинным, низким двустворчатым окном такая же длинная чертежная доска, на ней настольная канцелярская лампа, светящийся глобус, стопка книг вперемешку с тетрадами, две ракушки, спортивный таймер, глиняная пивная кружка с карандашами, старыми авто-ручками и всякой всячиной.

Справа полка, на ней томик энциклопедии, словарь иностранных слов, атлас, олимпийская серия, детективы, фантастика, учебники прошлых лет. С одной из полок свешивается противная пластмассовая обезьянка. На полу низенькая переносная кафельная печь, дальше — темно-коричневый шкаф и снова кровать.

— Вперед! — приказывает Юрген.

Помощник берет со стола пачку тетрадей.

— Вон оно что! Не очень остроумно спрятано.

Помощник размахивает зажатой между двумя пальцами почтовой открыткой.

— Спокойно! — приказывает Юрген. — Возможно, она нам подкинута. Давай сюда писульку!

Не писулька это вовсе, а весьма даже изящная открытка с тисненым шрифтом, исписанная мелким круглым почерком: первопричина великой ссоры. «Возможно, мы не подходим друг другу» — таковы слова, значащиеся на открытке. Мрачно все и безнадежно. Не удастся тебе зацепиться за словечко «возможно», и ты погиб. Юрген пока держится.

На это «возможно» вся надежда. Но он не спешит с ответом. Может, она сама догадается, первая протянет руку, поможет ему обрести почву под ногами... Ничего подобного. Оба горды очень.

По правде, у Юргена гордости осталось очень мало.

— Установить адрес отправителя! — приказывает он помощнику.

— Адрес установлен: Фогельзанг, 34.

— Завтра в девять машину!

Конечно, Юрген мог бы и сейчас пойти туда, сегодня же. И то, что он этого не делает, вовсе не продиктовано гордостью. Скорее, это страх. Да такой, когда зуб на зуб не попадает!

Но Юрген еще не так умудрен жизнью, чтобы это признать. Он же не мудрец, убеленный сединой. Неожиданно на него нападает непреодолимое желание немедленно убрать на своей чертежной доске! Ах, сколько шкафов, столов, кухонь и каморок подвергалось тщательной уборке только ради того, чтобы не делать что-то другое! Посему и следует признать, что образцовый порядок в доме далеко не всегда хороший признак.

И Юрген наводит прежде всего порядок на своей доске. Для этого у него есть простой и весьма удобный прием, с помощью которого ему удастся перехитрить даже мать. Нет, он не мучает себя сложной, трудоемкой уборкой. Просто он быстро сдвигает все от края до края и устанавливает симметрию. Теперь все выглядит даже очень прилично. А если под руку попадается что-нибудь особенно строптивое и он не знает, как быть, он выкидывает это за дверь и милостиво прикрывает ее. Случается, он сует что-нибудь и под одеяло, но это редко.

Таким вот способом он и сегодня очень быстро наводит порядок на своем, так сказать, письменном столе. Видны уже только аккуратные пачки тетрадей и книг: большой формат вниз, а все остальное — корешок к корешку: бумажки, записки, отдельные страницы — между книгами! На такую вот стопку не насмотришься, а захочешь — не прочитаешься.

Юрген не знает, хочет он или нет. Но это-то скоро решится. Вот он, учебник биологии, из него торчит начатое письмо, между прочим им самим написанное. Разумеется,

он его знает назубок. Но все равно перечтет. В последний раз! С каждым днем оно ему кажется все глупей и глупей, а сегодня оно ему представляется совсем дурацким. Уши горят, как подумаешь, что его может кто-нибудь прочесть. Юрген рвет письмо на клочки и отправляет в мусорную корзину; они падают, как дождик, и вместе с этим бумажным дождем в мозгу Юргена начинает действовать противопожарное устройство. Но конструкция его несовершенна: не всегда срабатывает. Надо еще раз попробовать.

Под учебником биологии лежит бумажка, на ней — алфавит новой тайнописи, нового кода: он состоит из черточек, точек и кружков. Это пятая тайнопись, изобретенная Юргеном. Он даже дал ей название «Альдебаран». Она превосходит всех своих предшественниц в совершенстве системы, но, как и все предыдущие, имеет весьма существенный изъян: у изобретателя, единственного человека, кто владеет этой тайнописью, нет никаких тайн. Что он, например, написал на «Альдебаране»? «Зигифорс — дурак». Но какая же это тайна? Это и так все знают, или: «Я люблю Сусанну Альбрехт». Тоже не тайна! Все знают, что они ходят друг с другом. Однако то, что это написано рядом с кодом тайнописи, рядом с ее алфавитом, нехорошо. Приказ: стереть немедленно!

А ведь правда: у Юргена нет никаких тайн для своей же тайнописи! Все ясно и открыто. Да и нет ничего такого в Нойкукове, против чего стоило бы составлять заговор. Враги и заговорщики только в кино и фильмах бывают. Журнал «Юнге Вельт» пишет, что ребята идут работать в слаборазвитые отрасли производства. Но таких ведь нет в Нойкукове. Че Гевара тоже переправился в Боливию, к партизанам в джунгли. Прямо из-за своего письменного стола в министерстве — в джунгли.

Говорят, ему и на Кубе дел хватало. Может быть, это и так, но вообще-то его понять можно. А в Нойкукове все от тебя чего-то требуют. Этот Рабе, например, старый тяжелоатлет, непременно хочет, чтобы ты бегал до коликов в бок и даже пятилетним ребенком рекорды устанавливал.

«Ты это можешь, Юрген. У тебя для этого все есть. Ты только представь себе, как газеты о тебе писать будут: «Великолепное достижение! Юрген Рогге снова добился

успеха. Этот чудо-стайер еще себя покажет! Молодой блондин из Нойкукова оставил всех позади!»

Кто его знает, чего этот Рабе от него хочет. Может, он только и хочет, чтобы Юрген Рогге подарил ему фотографию с автографом: «Юрген Рогге из Нойкукова в объятиях своего заслуженного тренера, мастера спорта Джони Рабе».

А родители? Они хотят, чтобы в семье был настоящий профессор. Нужен он им, видите ли! «Трабант» у них есть, художница в семье — тоже, сестра Ева. Она в Аренского керамику разрисовывает. И «профессор Зауэрбрух» у них есть, а теперь им еще настоящего профессора подавай.

Но, может, им еще и генерала надо? Мать, правда, считает, что Юрген склонен больше к научной деятельности. Оказывается, это она из его годовых отметок вычитала. Не знает, должно быть, что теперь генералы тоже народ ученый. Она-то думает, что генерал обязательно скачет на коне и, вытянув правую руку, указывает солдатам, где им с противником сражаться.

— Мой Юрджи, — любит она говорить, — будет профессором. Когда он родился, доктор сразу сказал: «Голова великовата, и если в ней, фрау Рогге, сплошь серое вещество, то он далеко пойдет». Так оно и оказалось, правда ведь?

Голова у него работает, что тут говорить. Недаром он первый ученик во всей школе. Даже во всем городе. В таблице у него одни пятерки, кроме эстетического воспитания и чистописания. Тут у него четверки. Четверку за чистописание мать ни во что не ставит: всем известно — профессора люди рассеянные. Правда, по рисованию и Руди и Ева шли лучше, но по остальным предметам им далеко до Юргена было. А ведь и они, как говорят, «в люди вышли». «Юрджи, наш младшенький, непременно профессором будет».

На голову Юргену действительно жаловаться не приходится. Но иногда он все же думает: неудачно на свете кое-что устроено. От середнячка никто ничего не требует, а от отличника вечно всем чего-то надо. Иной раз он и правда задумывается: не прикинуться ли ему дурачком — вот весело было бы! Сначала напишешь на двойку, потом

на троечку — пусть похвалят «за прилежание». Но не может он этого делать, не может он с завязанными глазами брести по такому ясному пути решения математической задачи и в конце концов, будто старый осел, так и не найти этого решения. Ничего в этом веселого нет, да и не весело совсем скакать на одной ноге, как этот скороход в сказке «Шестеро весь свет обойдут». Да и поздно дурачком представляться. Ведь не только мать убеждена, что у нее в мансарде живет будущий профессор. Полгорода так думает.

В Нойкуове народа крепкого, толкового, знающего свое дело хватает. Но вот гениев нет. Не уродились они здесь. И когда нойкуовцы произносят это слово, то звучит оно несколько иронически и должно вроде бы означать: «Нас, нойкуовцев, не удивишь, мы и сами кое-что соображаем». А подразумевают они при этом: «У нас теперь свой гений есть». И это значит, что от него опять чего-то требуют. Правда, это только вообще и не страшно совсем. Куда хуже те, которые точно знают, чего им от Юргена Рогге надо: и Джони Рабе, который хочет ногами Юргена мировой рекорд побить, и мать, чтобы он непременно профессором стал, и Сусанна Альбрехт, которая ему по почте всякие вопросыки задает.

И Блюменхаген. Да, пожалуй, Блюменхаген вреднее всех. Да, да, вреднее всех!

Доктор Блюменхаген стоит у себя в саду, и вид у него совсем не вредный. Садовник садовником — таких на картинках рисуют. Зеленый фартук. Глаза небесно-голубые, усы белые, на голове широкая соломенная шляпа, в одной руке сверкающие садовые ножницы, в другой — курительная трубка. Позади — плоды трудов его, то, что сделано за время отпуска, впереди — урок на сегодняшний день. За ним — свежезацементированная дорожка до самого домика, выкрашенного в красную и белую краску, и крылечко — терраской можно назвать. Дождается, чтобы его покрыли гофрированным полиэстром. Справа и слева от дорожки — коротко подстриженная трава, молоденькая, жидковато посеянная, но зато ярко-зеленая, как и положено траве; два куста роз, большой куст сирени, куст «Форсайт», ряд крыжовника и пять фруктовых деревьев, аккуратно окопанных и вымазанных известкой.

А перед ним живая изгородь, в этом году сильно разросшаяся, — получала и воды и подкормки как никогда.

Но доктор Блюменхаген вовсе не то, что называют образцовым садоводом. И стоит он не для того, чтобы фотографироваться. Мысленно он себе говорит: «Дамы и господа! Теперь я намерен приступить и приступаю ко второй подрезке». Он действительно хочет подстричь разросшуюся изгородь. Но он готов и объяснить вам, зачем и почему. Правда, на это уйдет слишком много времени, а сказать это можно очень коротко: «Чтобы она лучше росла». «Итак, вперед» — решает про себя доктор Блюменхаген. — Вторая подрезка!» На следующей неделе грузовое такси привезет небольшую кафельную печь: осенью он все подготовит к зиме и тогда спокойно может дожидаться весны. А вместе с ней — своего шестьдесят пятого дня рождения, когда он уйдет на заслуженный отдых. К этому времени все будет готово, и он переберется в свое Сан-Суси, свой замок, и будет жить в нем с апреля по октябрь, может быть, даже до ноября, если осень выдастся сухая. «Итак, вперед!» — решает доктор Блюменхаген. Зажав зубами трубочку, он щелкает в воздухе ножницами...

С тех пор как он три года назад переехал в Нойкуков, он без устали искал клочок земли для своего заслуженного отдыха. Каждое воскресенье, прихватив палку, он отправлялся на один из трех нойкуковских садовых участков, с тоской поглядывая то на живые изгороди, то на готовые домики, подсчитывал квадратные метры земли, вел «экономические» беседы о плодородии земли и о пользе свежего воздуха с владельцами участков, которым немало завидовал. А в будни, по вечерам, изучал толстый справочник «Наш сад», просматривал каталоги из города цветов Эрфурта, помечая крестиками те сорта, которые посадит сам, и без конца набрасывал проекты как самого садового домика, так и будущих посадок. Всякий раз, когда он проходил мимо лавки Братфиша «Скобяные изделия» и видел выставленные на улицу лейки и садовые тачки, его будто кто под руку толкал. И действительно, однажды он купил маленькие детские грабли. Они у него потом долго в подвале лежали. Но зато теперь висят на своем месте, там, позади домика, в сарайчике для садового инвентаря. Теперь-то все в порядке.

Все случилось в одно из мартовских воскресений. Дни стояли солнечные, и земля хорошо просохла. И в такой-то день кто-то позвал его с улицы. Оказалось — старая, очень худенькая женщина, с живыми темными глазами. Заговорщически она спросила:

— Послушайте, уважаемый. Вижу, вы все ходите, будто ищете чего. Может, участок хотите купить?

Он тогда ответил ей:

— Вы не так далеки от истины. — И сердце у него застучало быстрее.

— Недалека, говорите? А вы ступайте сходите к старухе Винтерфельд. У них там что-то не ладится. Вы зайдите к ним да спросите.

И он пошел и спросил, стал уговаривать, предложил хорошую цену. Затем все документы оформил у нотариуса. И так набросился на работу в саду, как другие бросаются в Черное море.

В ту пору садик Винтерфельдов находился в запущенном состоянии. Но это только еще больше разжигало доктора Блюменхагена. И все то, что он вычитал в разных садоводческих трудах, он теперь осуществлял на практике. И копал, и перекапывал, и рыхлил, и сеял, и сажал. И молотком стучал, и пилой пилил, и красил, получая огромное удовольствие: добился-таки своего! Вот видите? Он снова щелкает никелированными садовыми ножницами, и первые чересчур длинные веточки падают на землю...

Доктор Блюменхаген приехал в Нойкуков три года тому назад. Приезд его немало озадачил нойкуковцев. Все три конкурирующие агентства новостей — почтальон Папендик, жена булочника Шлееде и пономарь Грютелюшен из храма святого Георгена — прикидывались, будто боятся проговориться, на самом же деле не знали ничего.

В Нойкуков прибыла машина с мебелью из университетского города на побережье, привезла несколько старинных кресел и стульев весьма изящной работы, комнатную липу и ящики с книгами. Владелец этого скарба предстал перед «впередсмотрящими» нойкуковцами как изящный господин, совершенно седой, с белыми усиками и в очках с золотой оправой. Вместо галстука у него была повязана «бабочка», в руках — черная трость с серебряным набалдашником. Занятно! Но понять ничего нельзя.

И никто тогда не поверил городскому садовнику Тюбке. Этот всегда прежде всех высказывал, потому как его мать переехала в Нойкуков с берегов Рейна. Между третьей и четвертой кружкой пива Тюбке изрек:

— Я так думаю: вроде бы он сочинитель.

Впрочем, зачем сочинителю переезжать в Нойкуков? Это же не Венеция, в конце концов. Да и нынешние сочинители совсем по-другому выглядят: в вязаных свитерах, все молодые. А когда приезжий два дня спустя прибил на дверях медную дощечку с надписью: «Доктор Арнольд Блюменхаген», в городе образовалось два лагеря: большой, где удрученно констатировали, что это просто-напросто новый практикующий врач, и маленький, состоящий только из городского садовника Тюбке. Как истый рейнландский враль, он утверждал, будто бы это высланный на разведку геолог и скоро в Нойкукове тоже начнется проклятое бурение на нефть.

— Но уж не внутри городских стен! — добавлял он решительно. — Только через мой труп! Это уж я вам точно говорю.

Если бы садовник Тюбке жил во времена Тридцатилетней войны, шведам не так легко было бы взять штурмом городские укрепления Нойкукова.

Загадка разрешилась только через два дня.

И только благодаря инициативе одного молодого человека, которого еще не было на свете, но который так и рвался поскорее его увидеть. Случилось это около двадцати трех часов, по сути среди ночи, когда белый как мел и дрожащий от страха скотник из ближайшей деревни прикатил на своем «Москвиче» цвета морской волны в Нойкуков. На заднем сиденье сидела теща, не устававшая погонять его, и жена, родовые схватки у которой начались ранее намечавшегося срока. Единственный человек, попавшийся им на дворе в тот неурочный час, принадлежал, как легко установить с помощью теории вероятностей, не к лагерю Тюбке. Потому-то и случилось, что скотник и теща в поисках медицинской помощи очень скоро принялись неистово нажимать на пуговку звонка доктора Блюменхагена и нагнали на него такого страха, какого он отродясь не испытывал.

— Однако, — возопил он, когда наконец понял, чего,

собственно, от него хотят. — Дорогие коллеги, убедительно прошу вас, я же самый обыкновенный учитель математики!

Впрочем, помочь ему это не помогло, потому как теща скотника, то ли полагая арифметику за часть медицины, то ли рассматривая присутствие человека с университетским образованием как некую надежду на спасение, сурово отрезала:

— Чего там! Доктор есть доктор! — и затолкнула доктора Блюменхагена в дом.

Ну а так как кровать стояла на положенном месте, а скоро нашлась и горячая вода и чистые простыни, да к тому же опыт и жажда деятельности тещи счастливо сочетались с осмотрительностью доктора Блюменхагена, то великое дело было почти завершено, когда высланный на поиски зять явился с акушером, то есть настоящим человеческим доктором.

А теща, обнаружив в серванте бутылку румынского коньяку, чокнулась с доктором Блюменхагеном и обнародовала свое окончательное решение, что внук ее будет наречен прекрасным именем Арнольд.

Полуночные события стали известны нойкуковцам на следующий же день. Сенсация, произведенная ими, далеко превзошла впечатление от самого события и чуть не заглушила его. Человек-то с «бабочкой» и тростью оказался доктором математики, которому в новом учебном году предстояло вести свой предмет в десятилетке. Но об этом почти забыли, до того громкой оказалась его слава как опытного акушера. Один только Тюбке не устал утверждать, будто он давно это знал. Математик — он что-то вроде геолога, только в земле не копается, а потому не представляет никакой опасности для древних крепостных сооружений града Нойкукова.

Но время шло, и нойкуковцы, задумавшись над случившимся, задались вопросом: что, собственно, надо математическому доктору, пожилому, изящному господину, в нойкуковской школе? Но этого они так никогда и не смогли понять. Во всяком случае, им не за что было уцепиться — ни за какое-нибудь чрезвычайное происшествие, ни за какое-нибудь число или год, а то и за жуткую тайну. Обычная биография без взлетов и падений.

Появился на свет. Имеются фотографии — снят на шкуре белого медведя, затем шести лет, в матросском костюмчике. Штудировал математику в Геттингене, написал докторскую работу, отмеченную похвалой... Некоторое время казалось: быть ему если и не блестящим, то, во всяком случае, толковым математиком и преподавателем университета. Но вместо этого стал бестолковым солдатом гитлеровской армии, из которой вернулся усталым и сильно помятым человеком. Он все же стал университетским преподавателем, но ни новых идей, ни темперамента — ничего не осталось, что называется, вечный доцент. Более молодые обходили его, получали профессорские звания, он уже чувствовал, что студенты потихоньку посмеиваются над ним, слышал, как они обзывали его ископаемым, стал побаиваться собственных семинаров и в конце концов, решив вновь обрести душевный покой, чувство собственного достоинства, собрался с духом и уехал в Нойкуков, где в первые же дни принес человечеству столько пользы, сколько, может быть, никогда не приносил. Покой он надеялся приобрести, проработав три года в школе маленького городка, а затем уже на многие годы уйдя на пенсию. А достоинство он надеялся восстановить здесь благодаря своим знаниям и своему званию, которые в университете уже никто не ценил. Здесь, в маленьком городке, с ним непременно должны считаться! «Да, да, должны!» — думал он, хотя в исполнение этой части своего замысла верил меньше всего.

...Доктор Блюменхаген успешно закончил обрезку живой изгороди. Чуть больно руки, но он доволен. Нет-нет, он и впрямь доволен. И не вредный он совсем. Ну а если же он самый вредный? Юрген ведь так считает?

Жарко в мансарде! Всю ночь окна были открыты настежь, но это не помогло. Тепло предыдущего дня засело в уголках чердака. Юрген проснулся и видит: подушка лежит на голом животе, простыня сбита к ногам. Он думает: «Как бы удержать сон, который я только что видел?» Но ничего не получается. И всегда так: только что все виделось сногшибательными четкими картинками, а при свете дня сразу рассыпалось на мелкие осколки бессвязных ощущений...

Однажды он решил сконструировать такой аппарат, при помощи которого можно было бы потоки мыслей переключать на обыкновенный телевизор, и они на экране превращались бы в нормальные картины. Назвал он свою конструкцию очень просто: «Седьмая программа».

И если у тебя достаточно большая и достаточно сонливая семья, то для «Седьмой программы» представятся немалые возможности.

Юрген откинул подушку, высвободил ноги из-под простыни и сел на край кровати. Со скоростью, на которую он только был способен, он просчитал от одного до ста, извлек квадратный корень средней сложности, а затем упал на пол и тридцать один раз выжался. Такова была его норма. Он мог бы и тридцать пять раз, но тридцать один ему больше нравилось. Число очень интересное.

— Ну а что же дальше? — произнес он громко.

В обыкновенные дни в это время заявлялась мать: «Юрджи, ты уже проснулся? Бассейн свободен.» С тех пор как отец переделал прачечную и поставил там бойлерную колонку, Юрген не переставал спорить с матерью о том, как назвать новое достижение. Стоило ей сказать «бассейн», как он дважды повторял «ванная». Так же, как «бассейн», он не выносил, когда она говорила «тачка», вместо «трабант». Мать это, правда, мало трогало, разве что скажет иногда: «Что это ты? Радоваться надо, глупыш, что у нас свой бассейн».

Итак, теперь мать на очереди! Но, не услышав ее обычного «Юрджи», он вспомнил: он же один в доме! Одиноким холостяком, богат и молод. «Иоганн! — позвал он самого себя, — на завтрак прошу яйцо всмятку. И желток чтобы как летнее масло для «трабанта» — не круче и не жиже». — «Слушаю-с, господин, но сначала водная процедура в нашем домашнем бассейне, не правда ли?»

Потом, уже придя на кухню, Юрген немного растерялся. Подумал, достал масло и молоко из холодильника, рядом поставил банку с малиновым джемом (болгарским), взял из ящика нож со сточившимся лезвием, который все называли острым, включил динамик — «отпускную волну», еще успел услышать, что температура воды у Балтийского побережья плюс 18 градусов, и, гордый своей многогранной и осмотрительной деятельностью уже в са-

мом начале самостоятельной жизни, сел за стол, покрытый белоснежной клеенкой.

Ну что, Рогге, что же дальше? Сейчас, пожалуй, вкусим хорошую ложку джема или сперва попробуем его с ножа? Похоже, что придется сбегать в булочную. И кто же из нас двоих? Конечно же, опять меня посылают! Он припомнил одну из весьма многочисленных директив мамы и действительно в самой глубине верхнего ящика кухонного шкафчика обнаружил картонку с надписью: «Мелочь на хлеб», выудил из нее монету в пятьдесят пфеннигов, сунул ноги в стоптанные тапочки и, посвистывая, вышел на улицу. Улица здесь — это еще проселочная дорога. Мостовую сюда не дотянули. Ничего. Почва здесь глинистая, и проезжая часть хотя вся и в ухабах, но твердая. Слева и справа изредка попадаете подорожник, а по краям, вдоль участковых изгородей, вьются узенькие, укатанные велосипедные дорожки — хорошо по ним кататься! «По закону-то, — говорит младший лейтенант Хольтфрер, участковый уполномоченный народной полиции, — дорожки эти не велосипедные, они предназначены для пешеходов». Впрочем, тут бояться нечего: люди, здесь живущие, — это целое племя велосипедистов. Каждый прохожий — будущий, бывший или только что соскочивший с седла велосипедист. Он уж обязательно сочувствует вам и обязательно уступит дорогу.

В булочной Шлееде стоит такой гул, что страшно делается. Запахи сахара, джема и всяких кремов привлекли сюда целые тучи ос. А фрау Шлееде, хозяйка булочной, стоит себе спокойно за прилавком, будто она жена пасечника, и вместе с фрау Кликерман выбирает батон хлеба. При этом они ведут беседу о некоем господине Лерше с Корнблюменштрассе, отличившемся тем, что он недавно женился в третий раз. Юрген встал по стойке «вольно», переключил дыхание и пульс на «самый малый» и принялся наблюдать за одной из ос, старавшейся проникнуть в надломленную булочку. Если уж фрау Кликерман приходила за хлебом, то всем остальным, находившимся в булочной, следовало набраться терпения. Эта самая фрау Кликерман принадлежала к тому типу женщин, которые всю свою долгую жизнь посвятили выбору идеального белого хлеба. Возможно, что свой идеал они когда-нибудь

и видели, но только во сне. Дело в том, что у них имеется определенное представление об этом идеале, однако в суровой действительности обнаружить его не удастся. Один батон недостаточно пышен, другой черств, этот рас- трескался, а у того надо, чтобы корочка треснула спереди, а не сзади, справа или слева или в каком-нибудь другом таинственном месте.

— Меня-то это, конечно, не касается, и дела мне до этого никакого нет,— заметила фрау Кликерман, подозри- тельно рассматривая очередной батон, как будто это был слиток золота, который она приобретает для Английского банка.— Это же по бутылкам видно, которые он у контей- нера ставит. Нет-нет! Этот дурно пропечен. Вы мне вон тот достаньте, вон тот слева наверху — на прошлой неделе там сразу четыре бутылки стояло. Разве это может не сказаться на счастье семьи?.. Нет-нет, этот подгорел, мне же отсюда не видно было! Э, эта новенькая, она еще спохватится. Говорят он ее где-то в Тюрингии подцепил, а там они все попрыгуны... Мне бы румяненький, фрау Шлееде, нет, чуть посветлее. Первая-то жена у него была неинтересная. Но вот вторая — ах, какая это была жен- щина!.. Фрау Шлееде, знаете, я все-таки вон тот, первый возьму. Вон тот, который вы туда наверх положили. Очень он, правда, мягкий. Но ничего, он у меня дома полежит... До чего ж интересно, как все устроится у этого Лерше? Правда, меня это не касается. И мне до них нет никакого дела, своих забот хватает... Насчет дрожжей я завтра загляну. Всего вам доброго, фрау Шлееде.

— А, это ты Юрген? — говорит фрау Шлееде.— Как дома управляешься? Сам теперь себе хозяин.

«Какое ей дело до меня? — думает Юрген.— Она ведь только так спрашивает». Но вслух он говорит:

— Так себе.

— Матери-то твоей невесело было уезжать. Но я ей сразу сказала: «Охота пуще неволи, фрау Рогге. Ну, не- охота ему — что ж поделаешь».

— Да-да,— соглашается Юрген.

— А ты правда не хотел ехать?

Юрген понимает, что ему не отвертеться.

— Конечно,— говорит он,— хотеть я, может быть, и хотел, но, знаете, это я из-за... тошноты.

Фрау Шлееде вытерла чистые руки о чистый фартук и вдруг сделала круглые глаза.

— Из-за чего, говоришь?

Юрген, изобразив страдание на лице, говорит:

— Из-за тошноты. Меня всегда тошнит. Сперва-то кажется, будто кончики пальцев чешутся, потом в ушах начинает свербить, я сразу покрываюсь холодным потом, и меня с души воротит. Особенно на этих... поворотах. Когда их много. А в Польше — там без конца повороты.

— В Польше, говоришь? И чего только на свете не бывает! И никакие лекарства не помогают?

— То есть только если глаза крепко закрыть и так закрытыми держать все время. Но вы же сами понимаете, так ведь тоже нехорошо.

— Это ты верно говоришь,— соглашается фрау Шлееде.— И надо же! А люди болтают, что это только мы, старухи, все охаем да охаем.

— Четыре булочки с маком,— говорит Юрген.

— Ишь ты,— говорит фрау Шлееде.— А сетка у тебя с собой? Нет, говоришь? А ведь сколько их у вас! Ну, ладно, дам тебе пакетик. Так и быть, раз ты здешний.

Закрыв за собой застекленную дверь, Юрген вдруг почувствовал, будто у него чешутся кончики пальцев и начинает свербить в ушах.

После завтрака на кухню заглянул помощник.

— Помните?.. Фогельзанг, 34. О'кей?

— В нашем деле никакой поспешности, Гендерсон. Так и запишите себе. А теперь принесите все для крокета,— отрезал Юрген, вытирая молочные усы тыльной стороной руки.

Набор для игры в крокет ему подарил «профессор Зауербрух» на рождество. Мать тогда еще не без гордости заявила: «Какая дорогая игра!», а Юрген определил, что это самая блестящая идея брата за последние пять лет. Тогда, под рождество, к нему привязалось словечко «полагаю».

«Полагаю, что мне следует съесть еще один бутерброд с колбасой, мама...» — и тому подобное.

Только доктору Блюменхагену удалось отучить его от этого словечка, после того как Юрген, стоя у доски, раза четыре повторил его.

«А вы,— вежливо, однако твердо заметил Блюменхаген,— не коннозаводчик и на базаре лошадьми не торгуете, вы решаете математическую задачу, и здесь ничего не надо «полагать». Здесь необходимо считать! Прошу вас, продолжайте».

И все. Но этого было достаточно. В то время Юрген слушался этого доктора математических наук и еще не подозревал, что он-то самый вредный и есть. Это он уже потом решил. За свою короткую нойкуковскую жизнь Юрген еще ни разу не встречал человека, который так сросся бы со своим делом, со своей профессией и владел бы ею в таком совершенстве. Доктор Блюменхаген с безмерным спокойствием делал именно то, что считал правильным. Порой даже казалось, будто он и живет-то по геометрической аксиоме — прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками.

Прежние учителя математики Юргена тоже знали свое дело, задачи умели решать. Но как-то по-другому у них получалось. Был, например такой: все добивался, чтобы у учеников создавалось впечатление, будто двигаешься по границе какого-то таинственного мира, который тщательно оберегает свою тайну, и человеку, только приложив огромные усилия и прибегая к самым изощренным приемам, удастся отвоевать малую толику этих тайн. Другой прикидывался жизнерадостным спортсменом, эдаким физкультуринструктором, который показывает, как всемогущий человеческий разум на турнике, именуемом математикой, великолепно выполняет «солнце», «перекидки» и «соскоки». Оба эти направления очень даже нравились Юргену. Первое породило у него ощущение, будто он Христофор Колумб, открывающий Америку, а второе — что он Андрианов или как еще этих чемпионов зовут.

С доктором Блюменхагеном все было иначе. Поначалу он Юргену совсем не понравился. Но это очень скоро прошло. Новый учитель словно бы ни во что не ставил счет и все такое прочее. Когда он считал, то создавалось впечатление, будто это самое обычное дело, как, например, дыхание или передвижение ног при ходьбе. А тем, кому это не удавалось, Блюменхаген, не впадая в отчаяние, не делая никаких иронических замечаний, с нескрываемым

удивлением, как бы ласково недоумевая, говорил: «Вот как? Неужели? А ну-ка, давайте посмотрим!»

Не понравилось это Юргену — он же не был при том ни Колумбом, ни чемпионом акробатики. Впрочем, скоро это прошло. Взамен он получил что-то более интересное, какую-то уверенность в том, что он отличный, даже совершенный человек, а это было нечто большее, чем «человек особенный». Спокойствие и собственное достоинство стали чертами его характера. Как-то вечером мать сказала отцу: «А знаешь, наш Юрген какой-то уверенный стал». И потому ему показалось чуть ли не предательством, чуть ли не ловушкой, когда этот доктор так хладнокровно сообщил: «Теперь твердо, как один плюс один равно двум, известно, что в следующем учебном году Юрген Рогге уже не останется в Нойкукове, а перейдет в специальный подготовительный класс для поступления в высшую школу». Со своей стороны он, Блюменхаген, все для этого уже сделал, скоро переговорит и с родителями. Они, разумеется, ничего против иметь не будут и только удивятся, какую штуковину выкинул старый Блюменхаген.

Выказал он это точно так, как излагал ход решения математической задачи. Впрочем, своим замечанием относительно того, что родители сильно удивятся, Блюменхаген окончательно разоблачил себя в глазах Юргена.

Еще, значит, один такой! Стоит себе скромненько с секундомером в руках, а другие за него бегай! Да, да, еще один нашелся. Этот, конечно, поопасней и повредней. Не мечтатель, за спиной которого можно и посмеяться, а такой, который стоит на том, что самое короткое расстояние между точками есть прямая. Нет, нет, такой не расписывает, такой все точно рассчитывает. И сверх всего — а это еще хуже! — с которым ты внутренне согласен, потому что, по правде говоря, сам так думаешь. С таким и спорить не будешь, а потому ты перед ним беспомощен и бессилен.

Да Юрген и не спорил. Но надо сказать, что он тут же взял в библиотеке несколько книг о мхах и лишайниках (надо же!) и все уговаривал себя, что теперь он должен посвятить свою жизнь исследованию этих низших видов растений. Но как-то не грело его это, не сумел он сам себя уговорить, не сумел ботанику использовать против математики и очень скоро подчинился Блюменхагену, а вместе

с ним и родителям, разумеется, пришедшим от этого в неописуемый восторг. (Отец: «Да, да, где уж нам...» Мать: «Господин доктор, а он у нас профессором будет?»)

Вот результат: В Нойкукове ему оставалось жить считанные дни, сразу после каникул предстоял отъезд. Он бы и рад был этому, если бы сам все затеял, если бы сам все это сначала придумал, а потом бы и организовал. А так, в который уже раз, может быть, даже в тысячный раз, другие за него думали, другие за него делали. Ах, какое это чудо — тебе позволили взять в руки вилку и нож! Не уколись! Не порежься!

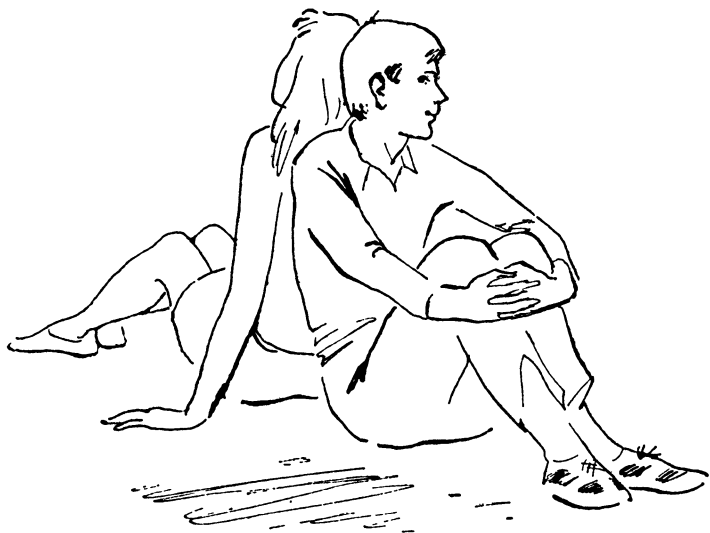
Сыграв на лугу против самого себя партию в крокет, за которой он ужасно скучал, но упорно не признавался себе в этом и, проглотив обед, которым его, в соответствии с договоренностью, кормила соседка, он вымыл голову, второй раз почистил зубы, натянул вельветовые брюки, надел выцветшую рубашку с погончиками и кармашками... вызвал машину... и протопал своим ходом через весь город прямо на улицу Фогельзанг, к дому № 34.

А что ей сказать? Ах, да, надо сказать: «Привет, сестричка! Айда купаться!» Но может, лучше: «Давай прошвырнемся?..» Да, да, вроде бы ничего и не случилось, небрежно так процедить пару слов с этакой неотразимой улыбочкой...

Он прорепетировал улыбочку. Но, заметив обалделое выражение лица у тетки в железнодорожной форме, шедшей навстречу, подумал: «А может, не стоит? Может, надо: «Ты уж извини меня Анна-Сусанна?» — вкрадчивым таким голосом. Вкрадчивый голос он тут же отрепетировал. Не понравилось. Но может быть, сказать что-нибудь среднее, вроде бы: «Знаешь, Сус, давай лучше по-хорошему! Все это ерунда! Я же совсем не то хотел тогда сказать. Правда ведь?»

«Нет, не правда, дорогой мой Юрген,— подумал он.— Именно то я и хотел сказать, дьявол его возьми, стишок-то в самом деле ерундовенький, халтура, чистой воды халтура!..»

Они тогда сидели на берегу речушки Дебель. Он положил ей руку на плечо и все старался подавить в себе страх, который охватывал его при мысли — что дальше-то делать? А она возьми, да начни стишок читать. Чего там

говорить, она и раньше стихи сочиняла. И в рифму вроде бы получалось. Например: «Весна цветет, и все кругом полно прекрасным ароматом». И ничего тут плохого нет. Почему не сочинять? Но нельзя же такую муру писать, какую она тогда на речке читала. Еще встала, потом села спиной к спине, затылок к затылку с ним — тоже выдумала! — и продекламировала свое новейшее произведение. Они, конечно, поссорились. Потому он так хорошо все и запомнил. Вот этот стишок:

Я молода, как стебель травы. Выросла из земли, и стара, как сама земля, родившая этот стебелек. Узнала соседа — крылатого дракона. И скоро узнаю крылатых мужчин.

При других обстоятельствах Юрген, возможно, нашел бы стихотворение не таким уж плохим. Да и не было оно таким уж плохим, если учесть, что автор его девчонка. Основная мысль стиха, правда, не так уж нова, но оно не болтливо. Довольно оригинально сформулировано. Не понадобилось ей, значит, много слов, а это ведь хороший признак. Однако обстоятельства были таковы: Юрген нашел стишок гораздо худшим, чем он был на самом деле, и к тому же высказал свое мнение.

Почему-то он сам себя обозвал тогда дураком, и в то же время ему очень хотелось не быть им. Должно быть, потому он тогда возьми и выпали:

— Ишь ты, если ты уж такая старушка, может, ко мне в бабушки пойдешь?

По родному языку у него тоже была пятерка, но как эти самые поэты относятся к собственным стихам, он, конечно, не знал. А когда она даже не улыбнулась, он решил, что сострил неудачно, и постарался добавить:

— А это с крылатым драконом ничего получилось. Бреникенмайер в роли крылатого дракона — это ты точно поймала.

Бреникенмайер был обыкновенным кровельщиком и жил по соседству с Альбрехтами, улица Фогельзанг, дом 35. Но дело в том, что этот Бреникенмайер прогнал с дорожки Юргена, когда тот перед домом Сусанны выписывал восьмерки...

Сусанна тогда вдруг резко встала, отошла на два шага и бросила:

— А ты, оказывается, дурак, Юрген Рогге!

Он так и рухнул на спину в траву и чуть не заверещал: «Чего-чего?» — и даже рот не закрыл. Лет десять уж его никто дураком не обзывал!

— Знаешь, — сказал он ей, — разве тебе не известно, что я гений и что в самое ближайшее время меня произведут в профессора?

— Подумаешь, это и так все знают, — ответила она. — А ты все равно дурак. И в бабушки я к тебе не пойду. И стихотворение это совсем не про Бреникенмайера. Это стихотворение о человеке. А если ты этого не понял, значит, ты дурак.

Вдруг он что-то уловил в ее голосе, вскочил, схватил ее за плечи, попытался повернуть к себе лицом.

— Слушай, ну послушай!

В какую-то долю секунды ему почудилось, что это говорит «профессор Зауэрбрух», а не он сам. Но она вдруг стала вся как деревянная, вырвалась и убежала. А тут как раз Джони Рабе на своей яхте поднимался вверх по реке. Размахнувшись канатом, он заорал во все горло:

— Ты что, спятил, Рогге? Так ты никогда в районе первое место не возьмешь. А ну, живо — давай на спорт-

площадку и десять кругов без передышки! Это из тебя сразу всю дурь выбьет, черт бы тебя побрал!

Во время этого словоизвержения из каюты яхты поднялась длинноногая блондинка и стала успокаивать Рабе, похлопывая его по загорелой спине.

— Отстань! Я тебе не ломовая лошадь! — рыкнул на нее Джони.

Однако эта небольшая перепалка привела к тому, что яхта сбилась с курса. Фарватер-то узенький. Раздался отвратительный скрежет — бортом, отделанным красным деревом, яхта задела старые причальные мостки.

Само собой понятно, что Юрген предпочел немедленно испариться. Присутствовать при том, как разъяренный Джони Рабе употребит все свои недюжинные силушки и разнесет яхту на куски или взвоется в небо, он просто не хотел. Отказавшись от погони за Сусанной, он направился домой. С каждым шагом он все свирепей проклинал себя, скрежетал зубами и в конце концов, обливаясь холодным потом, шмякнул за собой дверь в мансардную каморку.

Улица с несколько странным названием Фогельзанг — Птичья слобода, так же как и улица, на которой жил Юрген, находилась на окраине Нойкукова. Но на другой окраине — противоположной. И была она улицей совсем другого рода — улицей, где стояли одни виллы. Улица вилл старого Нойкукова. Сады здесь просторные, впереди домов, а не позади, и зелени в них гораздо больше, видны подстриженные секвойи и большие голубые ели. И сами дома больше, и все — разные. Такие — с флюгерами и башенками, в которых не поместилась бы даже Спящая красавица, или такие — круглые, со всякими выступами, эркерами. Так и кажется, что они сидят на газонах, будто грибы. Но больше всего Юргену нравились красные кирпичные дома с белыми углами, низко нависшими крышами и ставнями, как у деревенских помещичьих домов. В таком именно доме и жила Сусанна на улице Фогельзанг, дом № 34.

Для матери Юргена слово «Фогельзанг» звучало как музыка. Однажды ей удалось все выведать у Юргена, но каким образом — он так и не понял.

— Послушай, Юрджи... Альбрехт? — сказала она. — Фогельзанг... Это не дочь директора газового завода?

Юрген сказал тогда:

— Да, да.

А мать:

— Вот как? Именитые люди там живут. Бабушка твоя там в горничных служила у коммерции советника Менке, а он...

Юрген уже не раз слышал про этого коммерции советника, особенно о его привычке заходить на кухню и выпивать там пиво «прямо из горлышка» и еще рассказывать прислуге всякие чудеса про Лондон, где он, оказывается, научился двойной бухгалтерии.

Юрген тогда еще поскорей добавил:

— Да, да, там теперь Онушкаты живут. И знаешь, Вильфрид Онушкат у нас в классе показывал: носом втянет нитку и изо рта вытаскивает. Наоборот, правда, не может.

— Что-что? Фу, гадость какая! Не смей у меня обезьянничать! — сказала тогда мать и передернулась. Потом добавила: — Что ж, теперь ведь все по-другому. Теперь наш Рудольф тоже мог бы так жить, умей он себя поставить. Врачей ведь не хватает. Я ему это прямо в глаза скажу: дипломированный врач имеет право там жить!

Но еще больше его удивило замечание матери, что на улице Фогельзанг именитые люди живут. Сама ж сказала, что все теперь по-другому. Но он ведь не понял — это мать говорила о чуде. Правда, о чуде, которое так и не произошло, но вполне могло произойти, а именно о том, что ее сын Рудольф мог бы жить на улице, на которой ее мать — его бабушка служила когда-то в прислугах! И насчет «именитый» он не понял. Какого дьявола! Самый именитый из всех, кого он знал, был же он сам — Юрген Рогге! Но с матерью он тогда спорить не стал, а только радовался, что она ничего не сказала о его дружбе с Сусанной Альбрехт и даже увеличила выдачу карманных денег с двенадцати до пятнадцати марок в месяц.

Так думал Юрген, проходя мимо дома № 28 по улице Фогельзанг. Можно ведь еще и повернуть, пока не поздно. Но он не повернул, и ноги его на сей раз сработали быстрее, чем голова: когда он открыл калитку дома № 4, он совсем забыл, как надо вести себя. Навстречу вышла мать Сусанны — в руках ведро и швабра. Красивая женщина, лет на десять или пятнадцать моложе его матери. И всегда-

то он смущался при встрече с ней, а сейчас и подавно.

— Здравствуй, Юрген, — поздоровалась она. — Что это ты редко так заходишь? Мне даже кажется, что ты подрос с последнего раза. Иди посиди на веранде. Я сейчас, только воду вылью.

На веранде стояла угловая скамейка с поролоновыми подушками шотландского рисунка. Юрген присел на краешек, прислушиваясь к тому, что делалось в доме. Странно, но он так ничего и не услышал — а у Сусанны было две сестры, обе моложе ее и... проигрыватель!

— Жарко сегодня! — войдя, проговорила мать Сусанны. Включив маленький вентилятор, она спросила: — На этот раз вы, что ж, всерьез?

— Что всерьез?

Мать Сусанны ласково улыбнулась и добавила:

— А ты как думаешь? Вы ж поцапались. И знаешь, что Сусанна сказала?

Это он очень хотел бы узнать. Но пока не знал. Впрочем, кое-что он ведь знал. «Дурак» сказала она ему и «возможно, мы не подходим друг другу». Д-да! «Возможно»! «Возможно, не подходим друг другу». Да, это он все знал. Это было не очень много, и ничего хорошего в этом не было. Ощувив необыкновенный прилив любознательности, он сказал:

— Нет, не знаю.

— «Этот Юрген Рогге, — сказала о тебе Сусанна, — со всеми его пятерками духовно абсолютно отсталый тип. Какой-то высушенный арифмометр».

Опять не очень ясно. И означало тоже что-то вроде дурака, только немного вежливее.

— Сумасшедшая. Ей-богу, сумасшедшая! — рассмеялась фрау Альбрехт. — Потом, представляешь, подхватила гитару и давай напевать: «В тот день, в тот день, когда скончался Джонни Крамер, колокола звонили до утра...» Сдохнуть можно было! Она же петь совсем не умеет! А воображает, что умеет. Может, вы все-таки поладите?

Юрген смотрел на дверь в коридор и думал о том, что слово «ладить» стоит на одном из первых мест среди слов, которые он ненавидел. «Дайте друг другу руку и ступайте играть. Надо ладить друг с другом». — Когда он слышал такое, ему делалось так же противно, как если бы

его заставили опустить руку в теплую манную кашу. Но он все смотрел на дверь и думал: «Все на месте. Все как надо! Достается нам, остолопам, в жизни! «Поладить нам еще велят».

— Сразу как начались каникулы,— заговорила ффрау Альбрехт,— позавчера это было, Сусанна вместе с Ингой Кёнтон уехала на море, в Рёригк. У Инги там тетка живет. Она какой-то курятник еще не сдала. И ты мог бы пораньше заглянуть, арифмометр ты эдакий!

— Вон оно что! — только и сказал Юрген, почувствовав одновременно облегчение и разочарование: столкнувшись в его голове, они породили какой-то туман. — Вон оно что,— еще раз сказал Юрген. — Да это и не важно. Я только... я думал: загляну на минутку... Да и пора мне уже.

— Да что ты! — удивилась ффрау Альбрехт. — Куда это ты торопишься?

— Мне на кладбище надо, на Карницкое.

— На Карницкое кладбище? — удивилась ффрау Альбрехт.

— Да, да. Говорят, там папоротник растет под стеной ризницы. Только там и растет. И нигде больше во всем нашем районе. Пойду запишу все и зарисую.

— Да что ты! — сказала ффрау Альбрехт, приветливо и как бы ободряюще улыбнувшись ему.

Вдоль неровной опушки высокого соснового леса в село Карниц вела разъезженная песчаная дорога. Тень от деревьев прикрывала половину проселка. Но Юрген Рогге, наш путешественник и исследователь, шагал по середине, по самому солнцепеку, сочиняя про себя свой первый научный отчет: «Как мне удалось найти и описать карницкий папоротник».

«...Каждый шаг под беспощадными лучами солнца сто́ит невероятных усилий. Справа и слева от меня белеют обглоданные кости. С тех пор как я оставил верного Бастиана в оазисе Фуци-Вуци, моими единственными спутниками стали огромные стервятники, неизменно преследующие меня. Во рту пересохло. Глотку сжимают спазмы. Язык распух. Руки плетями висят вдоль туловища. Лишь одна мысль заставляет меня упорно двигаться вперед: еще

немного, и я буду держать в своих потрескавшихся руках бесценные стебли карницкого папоротника, этого удивительного растения, с которым связано столько тайн, ради которых столько исследователей заплатились жизнью...»

Когда Юрген проходил мимо вывески перед въездом в село, у него под мышками образовались большие темные пятна. Он испытывал искреннее восхищение перед самим собой.

Кладбище он нашел без труда. Колокольня, сложенная из серого песчаника, все еще была самым высоким сооружением в общине Карнице, поселке Карнице, как значилось на упомянутой вывеске. Не отрывая глаз от самого высокого сооружения, он продефилировал мимо киоска сельского кооператива, где громоздились ящики с пустыми бутылками, размышляя о том, сколь различни люди, живущие на нашей планете: кто веселится на модных курортах, а кто посвящает свою жизнь научным исследованиям!

На какие-то мгновения перед ним предстала Сусанна Альбрехт, довольно, между прочим, известная поэтесса, и помахала ему загорелой рукой. Она была в васильково-голубом купальнике. Он не ответил на ее приветствие и сразу же снова оказался в Карнице: широкая деревенская улица, вымощенная булыжником, высокие скамейки для молочных бидонов, памятники жертвам войны, тенистые липы — все как полагается. Тишь да благодать.

Рогге это хорошо знакомо — чего там, весь мир ему прекрасно знаком. Вот привстал одна из дворняжек, проковыляла немного в его сторону и принялась сердито облаивать. Но Юрген Рогге, не обращая на нее никакого внимания, шагает себе и шагает в пропотевшей рубашке, мужественных горных ботинках — «кларки» называются — и чувствует себя как эта дворняжка без роду без племени... Но почему-то это ему очень нравится.

Ржавую кладбищенскую калитку он открыл презрительным пинком, прошел мимо покосившихся, выветрившихся надгробий давно заброшенного погоста и задержался только у одного — на нем было высечено: «И вверх бежишь, и вниз бежишь, а все равно — во гроб спешишь.» Он одобрительно кивнул, хотя с некоторых пор и считал

себя рьяным противником всякой поэзии. Но ведь тут не форма, не рифма, а содержание, смысл привлекли его. Впрочем, вид кладбищенской стены вновь несколько приглушил его хорошее настроение. Возможно, на ней и впрямь рос этот редкий вид папоротника, как о том когда-то поведал ему учитель биологии Манке. Но рос-то он на ней отнюдь не в одиночестве. На этой потрескавшейся, кое-где обвалившейся стене росли даже березки и корвяк, не говоря уже о том, что большие участки скрывались за зарослями ежевики. Да к тому же доступ к стене охраняла крапива в рост человека. Невольно ему вспомнилась сказка о Спящей красавице и ее принце. Только этого ему не доставало! Не помог и клич «Долой феодалов-помещиков!», с которым он бросился вперед и одним махом палки сразил целый эскадрон этой самой крапивы. Стена была не менее семидесяти метров длиной. Юрген тщательно осмотрел ее от одного конца до другого, ободрал себе руки и локти, несколько раз ударился коленкой и очень старался не попасть ногами в заржавевшие банки из-под маринованной селедки, которые какой-то нечестивый и неряшливый житель Карница время от времени перекидывал через кладбищенскую ограду. Однако желанный папоротник он так и не нашел. Но это не страшно. Это можно назвать судьбой ученого исследователя. Теперь, значит, полагалось вместе с честным Бастианом в оазисе Фуци-Вуци переждать период больших дождей, а затем начать все сначала.

— Диау Махадж Паклатар, — пробормотал он.

В свое время этому изречению его научил великий вождь Найрдер. Смысл его он так и не понял, но звучало здорово.

Когда он снова поравнялся с кооперативной лавкой, все уже как рукой сняло. Представление об отважном, самоотверженном ученом-путешественнике быстро таяло, и рождалось другое: надо ж быть таким ослом — удрать за восемь километров от опустевшего дома фрау Альбрехт! Да еще в такую жару и по пыльной дороге! И вообразить себе, что намерен отыскать какую-то жалкую травку из семейства многоножек!

И тут он увидел на низеньком кирпичном доме вывеску «Телефон». Нащупав монетку в заднем кармане

брюк, он постучался в дверь. Через некоторое время кто-то очень медленно и осторожно надавил на ручку изнутри и чуть-чуть приоткрыл дверь. Показался темный коридор и маленькая девчушка, которая тут же выпалила:

— Бабушка к козе пошла, — и сразу принялась грызть большую морковь, над которой, должно быть, трудилась уже давно.

— А козу как зовут? — спросил Юрген.

— Козой! — сердито ответила девчушка, не отрываясь от своей морковки.

— Мне бы позвонить, — несколько озадаченно попросил Юрген.

— М-м-м-м, — прожужжала девчушка, закинув голову назад и вертясь в этой горделивой позе из стороны в сторону.

— Слышь! — немного удивившись, сказал Юрген. — Может, бабушку позовешь — десять пфеннигов дам. Леде-нец себе купишь.

Опустив голову, девочка очень внимательно осмотрела его ботинки — настоящие, светлой кожи «кларки», вынула морковь изо рта и звонко выкрикнула: «У кого ботинки стащил?», молниеносно ударила его туфелькой по голени и исчезла в темном коридоре.

«Так они, что ли, тут в Карнице по телефону разговаривают? Но мы не сдадимся», — решил Юрген и небрежно прислонился к дверному косяку.

Несколько погодя, к его великому облегчению, вместо очаровательной поглотительницы моркови возникла кругленькая пожилая женщина в платке и больших резиновых сапогах. Она нажала на выключатель, и в коридоре зажглась тусклая лампочка, при свете которой можно было бы прочитать плакат на стене, если бы буквы были побольше, да еще сами светились бы.

— Козе корм задавала, — сказала женщина.

— Я знаю. Девочка мне сказала.

— Риточка наша. Маленькая совсем, а соображает.

— Это верно, — согласился Юрген. — Мне бы позвонить.

— Можно. Местный или междугородный?

— С Нойкуковом.

— Нойкуков — местный.

«Ишь ты,— подумал Юрген.— Топаешь-топаешь, а все ты местный».

— А номер?

Да, ведь номер же надо знать. Немного подумав, он набрал девять и четыре. Где-то далеко-далеко, в далеком Нойкукове, гордо отозвался женский голос. Гордый, должно быть, оттого, что она разговаривала по собственному телефону.

— Нойкуков девяносто четвертый. Котлы и рефлекторы. Дювель...

На фрау Дювель, значит, он нарвался. Она с недавних пор шиньон «гонконг» носит, и сзади ей больше двадцати двух не дашь.

— День добрый,— сказала она в трубку.— Служба наружного наблюдения. Карниц. Запишите.

Хотя фрау Дювель и отдавала предпочтение шиньону «гонконг» и покупала все иностранное, однако подобный телефонный разговор ее озадачил.

— Что-что? В данный момент у нас нет. Сейчас, одну минутку, я мужа позову.

Юрген оборвал ее, строго сказав:

— Разумеется. Прошу записать. Абсолютно отрицательный.

— Нойкуков говорит. Девять — четыре. Котлы и рефлекторы. Дювель! — кричала женщина на другом конце.

— Говорите громче, коллега,— сказал Юрген.— Ничего не слышу.

— Котлы и рефлекторы. Дювель...

— Надеюсь, что это так. Передайте нижайший поклон господину доктору Дювелю. Рад буду вас скоро вновь слышать. Всего доброго.

Кругленькая женщина, бабушка сообразительной маленькой Риты, даже виду не показала, что не слушала разговора, а сразу же вставила:

— Доктор Дювель? Это новый доктор, что ли?

— Нет. Он в ботаническом саду работает.

— Вон оно что! А я и не знала, что такие есть. Столько забот, столько хлопот по дому — и не выберешься никогда.

— Телеграмму отсюда можно отправить? — спросил Юрген.

— Почему нет? Только бланки куда-то задевались.

Рита-а-а! Ну надо ж! Бумажки летают, будто голуби. Уйду я отсюда. Чего тут наработаешь! Досада одна. Уйду я! А, вот они!

Она приподняла лампочку со столика, на котором стоял телефон, и достала из-под нее тоненькую пачку бланков.

Юрген сел. Вынул ручку. С телефонным звонком все получилось как надо. Правда, не ново. А вот телеграмма, текст которой он уже придумал, — дело другое. Тут ведь потом хлопот не оберешься. Ему надо ведь только не захотеть — и ничего не будет. Но вот он уже пишет крупными печатными буквами:

«Ваше присутствие на конференции в Рёригке крайне необходимо. Ждем нетерпением». И отправитель: «Августин. Спецгруппа Папоротники и мхи». Адрес получателя гласил: «Юрген Рогге. Визенринг, 17».

Женщина прочитала текст, смерила отправителя недоверчивым взглядом и тут же принялась подсчитывать. Вид молодого человека, довольно рослого, кстати, вызвал у нее доверие. При этом она тяжело вздыхала, часто облизывала губы, проверяла свои подсчеты по потрепанной брошюре и в конце концов назвала довольно неуверенно весьма незначительную сумму. Юрген достал монету и спросил:

— Сегодня отправят?

— Да, придет зять. Он же и передаст вместе с той, что написала старуха Ляймкуль. И сама старуха Ляймкуль скоро заявится. Скоро четыре.

— Без пяти три, — сказал Юрген.

— Вот и я говорю: скоро четыре. Она всегда в четыре заходит. По вторникам. Не надо бы ей ходить. Ноги-то у нее совсем плохи. Я бы и сама за нее все справила. «Выигрыша не последовало. Твоя мать». И так каждый вторник. Сколько горя на свете! Слава тебе господи, пронесло!

Так Юрген Рогге узнал еще одну историю: о несчастной матери Ляймкуль, которая каждую неделю играла в лото, чтобы возместить своему сыну автомобиль, который разбился по ее вине. Она совсем некстати схватилась за руль, как раз когда громадный автобус выехал из Лютцова им навстречу, а страховка еще не была оформлена. Выслушав внимательно всю историю, Юрген пришел к выводу, что у Ляймкульши очень плохой сын. А он, Юрген, для своего возраста, конечно, молодец молодцом.

— Сколько горя на свете! — все причитала кругленькая женщина.

Юрген опустил сдачу в карман, поблагодарил и вышел. На улице стало еще жарче.

После столь длительного похода Юрген прежде всего отправился в душ, с благодарностью подумав об отце, руками которого был сделан этот душ, но затем и о матери, доведшей отца до нужной кондиции. Все это заняло считанные секунды. Другая мысль — та, что закралась где-то на полпути в Карниц, разрослась и теперь резвилась у него в голове в свое удовольствие. «Чего там, старина Юрджи, ты парень что надо! — так она ему нашептывала. — Это мы сдюжим. Это нам ничего не стоит!» Юрген в ответ, правда, еще поскрипел немного и поохал: «Да как сказать, вот если бы...» и т. п., но только так, для виду, и с каждым разом все нерешительнее. Очень скоро он и сама мысль стали чем-то единым, неразрывным целым. Он стремительно соскочил с нижней ступени лестницы, ведущей во двор, на которой он сидел в майке и джинсах цвета какао, и даже напряг правый бицепс. Недурно! Хотя вообще-то он скорее сухопарый тип, идеальный стайер. Р-р-рогге! Неутомимый скороход с севера нашей республики. «Ничего подобного», — сказал он себе и тут же направился в оштукатуренный сарай за домом.

Позади каждого дома этого микрорайона стояла уменьшенная копия жилого здания, будто люди хотели содержать здесь своих домашних карликов. Внутри сарайчика пахло сеном и поджаренной на солнце пылью. Напротив двери у выбеленной стены стоял громадный, почти черный платяной шкаф, в котором вполне мог бы поместиться рысак средних размеров. Хранились в шкафу мелко наколотые дрова. Когда Юрген был маленьким, он все просил отдать ему шкаф, хотел устроить в нем пещеру, но сколько он себя помнил, там всегда лежали дрова, и никогда их количество не убывало. Родители так и не решались трогать неприкосновенный запас, а топили свежими, к тому же сырыми дровами, — странные они все-таки люди.

Юрген отпер шкаф, сдвинул шпингалет с левой половинки и распахнул ее до предела. Зеркало на внутренней

стороне дверцы никогда не было хорошим, а сейчас делало ноги такими короткими, а голову такой длинной, что тебе невольно приходило в голову: а вдруг ты и в самом деле такой урод? К тому же оно кое-где потрескалось и было покрыто толстым слоем пыли. Дверца загораживала слабый свет верхней лампочки, и в зеркале предстало существо, очень похожее на героев книг Станислава Лема. Юрген прокричал «Му-м-м-му». Хорошо получилось! Сперва низко так, а под конец все выше и с завыванием... Затем он из дома для карликов пошел в человеческий дом и очень скоро вернулся с тяжелым торшером. Мать его очень любила. Торшер — это такая лампа, вокруг которой хорошо водить хоровод, если нет поблизости соответствующей старой липы. Ножка была из искусственного, но все равно зверски тяжелого мрамора, стойка — из крученого темно-коричневого дерева, будто из рога коварного единорога. Четырнадцатигульный абажур из промасленной бумаги Юрген предусмотрительно оставил дома. Но затем он ввернул в торшер две двухсотсвечовые лампочки. Поставив сооружение рядом с зеркалом, он при помощи удлинителя соединил его с розеткой, но свет еще не включил. Нет, нет! Самая красота под конец — и никаких! Теперь он отправился к железному гаражу и довольно ловко открыл замок отмычкой — о существовании ее родители и не подозревали. Отмычки они вообще терпеть не могли. Даже при виде обыкновенной отвертки у них возникала мысль о грабителях и взломщиках.

Закутанный в несколько одеял мопед стоял прислоненный к левой стенке. Почему-то в доме Рогге о мопеде никогда не говорили, как в иных домах не говорят о неудачных детях. Случилось это в один прекрасный день. Во двор на этом самом мопеде въехала Евочка. Да, да, сестра Юргена, керамистка из Аренскога, в вылинявших джинсах, ковбойке, штормовке и разрисованном шлеме. Вдобавок ко всему на ней были сине-голубые кроссовки. Она прикатила с дальнего побережья — шесть часов пути! Мать несколько дней не могла успокоиться. Хлопнув в ладоши, как будто скомандовала: «Ручками мы хлоп-хлоп-хлоп!», она поскорее затащила Еву в дом, пока соседка не успела высунуть голову из окошка уборной. Мама и так больше всех пострадала от Евиного визита, потому что странной ката-

лочке с мотором от швейной машинки, хитро приспособленным бачком и смешным багажником, приклепленным над передним колесом, предстояло навсегда остаться здесь в Нойкукове, на берегу речки Дёбель. И не как-нибудь, а в качестве подарка от вполне современной дочери — маме, которую она решила модернизировать.

И уже не в первый раз! Во всех шкафах, во всех углах валялись подарки Евы. То миниатюрный электрический утюг, которому надлежало вытеснить старый чугунный, то зонтик, якобы открывавшийся нажатием кнопки, то словацкая поваренная книга, согласно указаниям которой жареную картошку следовало готовить в духовке, а то и массажный прибор с резиновыми пупырышками или крохотный будильник — вместо привычного звонка он как-то противно жужжал. Подобные новомодные предметы становились все дороже, так как потребность населения в художественно разрисованных кафельных плитках, светильниках или керамических рыбках — им в пасть гости стряхивали пепел — все возрастала.

А теперь вот этот самый мопед!

Всякий раз, получая подарки, мать восклицала: «И зачем ты столько денег на меня, старуху, тратишь?» При виде мопеда она произнесла эти слова дважды. Но, честно говоря, самым привлекательным в подношениях и была их дороговизна. Маме ужасно нравилось, что Ева (Рудольф и так уже был доктором) имела возможность тратить столько денег. Но сами подарки она немедленно убирала, и подалее, как только дочь уезжала, приговаривая: «Нет, это не для меня!» В подобном мнении особенно укреплял ее утюг для глажки, которым человеку прямо на ходу впрессовывали складки на брюках, а также заморский рецепт по приготовлению жареной картошки... Но решение Евы, что она должна ездить верхом на мотоцикле (мопед она иначе не называла), да еще с небольшим транзистором в авоське, — это уж было чересчур! К счастью, дочь на следующий день отбыла к своим гончарным печам, а еще день спустя мать заявила отцу: «Поставь эту штуку в гараж!»

С тех пор никто уже не упоминал о «штуке».

Юрген высвободил мопед из одеял и откатил во двор. «Штука» тихо жужжала, в баке поплескивал АИ-79. Колеса тоже не нуждались в подкачке. Конечно, Юргену давно

бы его выдали, но мать не соглашалась, движение на улицах Нойкукова она считала чудовищным. Юрген бы ее уговорил. Немного агитации и пропаганды, да одного замечания, что у Хеннинга Доргело есть такой мопед, хватило бы. Хеннинг Доргело был младшим сыном смотрителя шлюзов. Когда Ева была еще студенткой, отец Доргело нет-нет да заходил и спрашивал, какому такому «искусству» она обучается.

У Хеннинга Доргело действительно был мопед. В этом все дело. И первый во всем Нойкукове. Однажды он с довольно гордым видом прикатил на привокзальную площадь, где по вечерам собирались ребята на «Штарах», «Ласточках» и «СР-2», разрисованных длиннохвостыми кометами и всякой красно-желтой чертовщиной.

От удивления все замолчали. Но тут долговязый Брюзехабер, учившийся на жестянщика, каждую субботу бегавший по деревням на танцульки и уже получивший отставку у нескольких невест, задал тон. Скептически осмотрев мопед со всех сторон, он придурковато спросил:

— А это что за зверь?

— Козел, — ответил Доргело.

Брюзехабер на это возьми да скажи:

— Это я и сам вижу. А колеса-то ему зачем?

И что бы потом по этому поводу ни говорили, на мопеде в Нойкукове нельзя было показаться. Разве что ты заранее дашь согласие записаться в деды. Или тебе, правда, уже тридцать стукнуло.

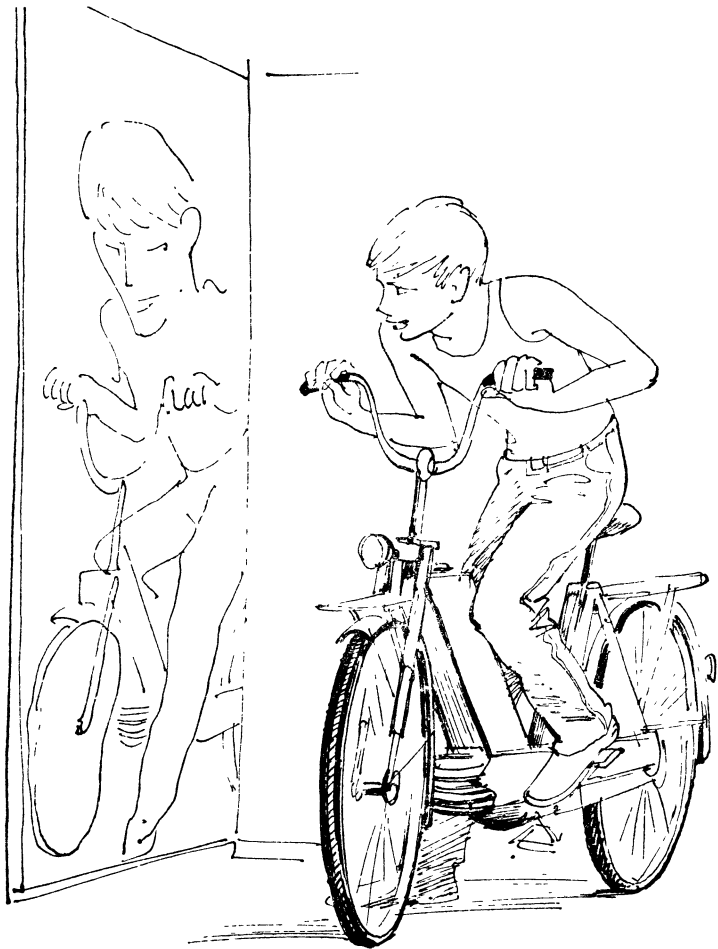
Зато теперь Юрген Рогге решил взять быка за рога — он подкатил штуку к раскрытой двери шкафа, смахнул с зеркала пыль, включил двухсотсвечовые лампочки, сел в седло и принялся любоваться собой.

— Мике Агостини на своей сверхмощной «Хонде»! — крикнул он довольно громко.

Потом наклонился вперед, сделал «брум-брум», несколько раз «бжим-бжим» (очень высоко), выпрямился, тщательно осмотрел и коня и всадника в несколько мутном зеркале, слез, поставил мопед поперек, снова сел в седло и проверил «вид сбоку».

— Эй, — крикнул он своему отражению в зеркале. — Водитель и пешеход, будьте взаимно вежливы!

Где-то далеко послышался звонок. Оказалось, это поч-

тальон на своем желтом велосипеде. Он привез телеграмму.

Юрген присел на ступеньки крыльца. Так-так. Телеграмма, значит. Гляди-ка! И что же в ней значитсся? «Ваше присутствие на конференции в Рёригке крайне необходимо. Ждем нетерпением». И подпись: «Августин. Спец-

группа «Папоротники и мхи». Юрген читал это все, и его охватило странное чувство. Он даже не мог бы сказать, какое, собственно. Скорее всего, он ощутил волшебную силу печатного слова. Совсем еще недавно — какая-то глупая мысль, и вдруг черным по белому, так сказать, вполне официально, даже с подписью — «Августин».

Добрый старый Августин! Да-да. Юрген попытался представить себе, каков он из себя, этот Августин. И представил. Точно таким, как тогда на экскурсии. Они ведь чуть не совершили грубейшую ошибку — приняли лесной плющ за обыкновенный первичный папоротник.

Ну и посмеялся тогда Августин над ними — до слез. Кругленькие такие слезки, они выкатывались из-под очков в золотой оправе, нос так и дергался, а баки ходили ходуном. Он же настоящий ученый, этот Августин, но и товарищ хороший. Весь термос мятного чая с ребятами разделил. Итак, в Рёригке! Неплохое местечко они выбрали для своей конференции. Но почему это Августин обращается к нему на «вы»? Разве они тогда на брудершафт не...

«Хватит, Рогге! — сказал себе Юрген. — Передохни немного. Заварил, можно сказать, кашу. Ну что это ты? Пионеры и те во всяких конференциях участвуют. Надо ехать. Ясное дело».

Юрген встал и запел. Запел ту единственную песенку, которую отец мурлыкал себе под нос, обычно когда устраивал праздник с фруктовым вином собственного изготовления «О донна Клара! Ты танцевала...»

Весь вечер Юрген что-то делал, а под конец взял краски и кисть.

В комнате ожиданий доктора Рудольфа Рогге в Гютцове (Мекленбург), терапевта с частной практикой, царили тишина и порядок. И это, собственно, никого из тех, кто знал доктора Рогге, не удивляло. Он и сам был человеком чрезвычайно аккуратным, столь же строго следившим за чистотой гардин, как и носовых платков. К тому же он пользовался общей любовью и уважением, и потому ему ничего не стоило найти среди пациентов пенсионного возраста уборщицу для своего кабинета. Тишина там царила по нескольким причинам. Прежде всего потому, что доктор Рогге

принимал строго по записи, в результате чего в комнате ожиданий никогда не скапливалось более трех — пяти пациентов. В какой-то мере тишине способствовала и надпись — стишок, висевший слева от входа в кабинет:

Коли болен — не кричи
И не тужи напрасно!
Во-первых, это ведь небезопасно,
А во-вторых, уж лучше доктору
Как на духу все Расскажи.

В свое время сей назидательный стишок сочинил парикмахер, заказал рамку и преподнес предшественнику д-ра Рогге, старому д-ру Хоппе. Это, конечно, после того, как ему пришлось выслушать в комнате ожиданий историю болезни чрезвычайно общительной крестьянки и члена сельскохозяйственного производственного кооператива, между прочим, со всеми подробностями. Парикмахер Луттер был человек, твердо веривший в практическую пользу поэзии, и украсил свой салон всевозможными рифмованными советами, касавшимися преимуществ регулярной стрижки и массажа головы.

А когда доктор Рогге перенял практику и хотел выбросить рифмованную вывеску, ибо ему, как врачу с высшим образованием, эти самодельные вирши были ни к чему, то старый доктор Хоппе так старательно убеждал его — народ, мол, это лучше поймет, — что в конце концов Рудольф Рогге выбросил на помойку только плакат «Спасайте утопающих на водах». Сделал он это потому, что текст рекомендовал старый и малоэффективный способ искусственного дыхания, да и потому, что, как он довольно остроумно заметил, в его приемной вряд ли следовало ожидать большого наводнения. В остальном новый доктор посвятил себя покупке новой мебели и занавесок, женился на молодой медицинской сестре, нанял пожилую и ввел до минуты обязательную предварительную запись, которую окружной врач, так сказать его непосредственный начальник, объявил образцово-показательной.

Итак, в приемной доктора Рогге царили тишина и порядок, когда в нее вошел, вернее, приковылял стройный, светловолосый молодой человек. Он волок левую ногу так, как будто она вот-вот должна была оторваться, и, стиснув

зубы, молча опустил на белоснежный стул. Кроме него, в приемной находилась только одна очень худая, немолодая женщина, которая жаловалась на ишиас и пришла по этому поводу посоветоваться с доктором. С явным сочувствием она следила за молодым человеком, как тот, мужественно, словно индеец, преодолевая боль, ковылял через приемную, даже не удостоив взгляда яркие цветные обложки, аккуратно разложенные на почкообразном журнальном столике.

Вскоре открылась дверь кабинета. Послышался голос доктора Рогге. На самом-то деле у него был бас, но время от времени он весело взвизывался и даже срывался, как это бывает у людей весьма довольных тем, что они говорят и как они говорят.

— Надеюсь, вы меня не опозорите, дорогой Кожаный Чулок,— пробасил доктор за дверью.— Очень скоро вы сможете вновь справляться с дикими кроликами, как в свое время Нимрод справлялся со львами или какую он там еще живность уничтожал.

Затем в дверях показалась спина человека в мундире лесничего. Когда он обернулся вполоборота, на лице его можно было приметить вежливую улыбку, которая постепенно, по мере того как владелец мундира приближался к выходу, затухала. Столь уверенная в своем радикулите пожилая женщина ободряюще улыбнулась молодому человеку с переломанной ногой, как бы говоря: не вешай носа, наш доктор тебе ногу починит!

Снова открылась дверь кабинета. Выглянув в приемную, ассистентка спросила:

— Фрау Молькентин? — Но тут же прервала себя, увидев храброго юношу, бережно обхватившего колено.

— Кажется, ваш брат пришел,— сказала она, повернувшись к кабинету.

— Сестра! — слышался вибрирующий голос из глубины.— Нам ничего не должно казаться. Мы должны ставить диагноз — и точка! — В конце тирады у доктора голос все же сорвался, он вышел в приемную.

Это был крепкий мужчина со стрижкой бобриком, в очках с золотой оправой. Руки он держал в карманах сверкающего нейлонового халата. Стетоскоп на шее завершал элегантное зрелище.

— Посмотрим, посмотрим, — лукаво заявил он, прищурив глаза. — О, это, безусловно, Юрген Рогге из Нойкукова! Сдается мне, случай весьма серьезный. Сестра! Наточите большой скальпель, и побыстрее, пожалуйста! — И уже по-отечески добавил: — Заходи, заходи, дружок.

Юрген встал и, сильно хромя, проковылял в кабинет. От такой демонстрации у доктора челюсть отвисла. Сотни хромых людей видел он на своем веку, но так бережно, можно сказать, ласково ни один из них не хромял. Прошло еще несколько мгновений, прежде чем доктор, взяв себя в руки, проговорил:

— Ну, где у нас бо-бо?

При этом он даже обнял братца, и поддерживая, проводил его в кабинет. Картина эта была достойна большего числа зрителей, чем одна фрау Молькентин. Как бы то ни было, но прием строго по записи имел и свою обратную сторону.

Как только дверь закрылась за трогательной парочкой

братьев, младший высвободился из объятий старшего и легким пружинящим шагом направился к креслу, где обычно происходили самые доверительные разговоры с больными. Кресло из гнутых стальных труб еще некоторое время покачивалось, после того как Юрген с разбегу плюхнулся в него. Хотя доктор Рогге и был весьма высокого мнения о своем врачебном искусстве, но во внезапное исцеление наложением рук он все же не верил.

— Ты что же, братец, совсем спятил? — сказал он. — К чему это цирковое представление? Возможно, ты со скуки, понимаю. Но мы ведь здесь работаем. Может быть, звонкая затрещина вернет тебя к реальности? Выкладывай! К чему это все?

— Из-за тетки.

— Какой еще тетки?

— Да той, что в приемной сидит, с завитушками.

— Фрау Молькентин?

— Ну да, если уж ее так зовут.

— Да, да, именно так ее и зовут, черт бы тебя побрал! Но почему из-за нее? Что, она просила тебя особенно искусно проковылять мимо себя?

— Нет, конечно. Так просто. К тебе ж только больные ходят. А если здоровый человек придет...

— Перестань! Прекрати немедленно. Не хочу слушать этой ерунды!

«Он прав,— подумал Юрген. Ковылять по приемной, как подстреленный заяц, это, правда, ерунда какая-то». Но он же сделал это не со зла. Не для того, чтобы кого-то довести до белого каления. А получилось все равно так. Кто-нибудь да обязательно дойдет до белого каления. В этом все дело.

Почему-то — и очень даже трудно объяснить почему — Юргену было неприятно явиться в приемную брата здоровым и невредимым. Так нечего людям зря голову морочить!

— Извини, пожалуйста, — сказал Юрген. И это вполне устроило брата. Старший по опыту знал, что если уж Юрген Рогге извинился, то это кое-что значило.

— Знаете, сестра Элли, — сказал он, — попросите, пожалуйста, нашу дорогую фрау Молькентин немного обождать. — А уж Юргену: — Давай рассказывай, как там

твой Нойкукук? — Он любил говорить «Нойкукук». — Еще стоит град? Не закатали его бульдозерами? А родители? Хорошо доехали?

— Нормально, — ответил Юрген.

— Заскучал, значит. Вижу, вижу. Сбегал бы испугался. Говорят, у нас новую вышку построили. В вашем Кукушкине такой нет. А вечером я тебе покажу прошлогодние слайды. Те, что я снимал на Балатоне. Гудрун их уже приготовила, я еще никому не показывал. Нет, это ужасно! Стоит тебе начать работать — ничего не успеваешь. Скоро ты и сам это поймешь. Или у тебя что-нибудь стряслось?

Нашупав телеграмму в кармане, Юрген сказал:

— Ты не мог бы дать мне немного денег?

Доктор положил сигарету, которую только что намеревался закурить, в золотой портсигар. Взгляд его помрачнел. Но не следует думать, что он был жадным, скрягой, жмотом. Нет, нет, он не был ни тем, ни другим, ни третьим. Еще студентом он охотно помогал тем, кто не умел растянуть стипендию на месяц, а позднее, когда уже хорошо зарабатывал, помогал и родителям, оплачивал мелкий ремонт, а сестре выдал денег на покупку и установку драгоценной для нее печи обжига, когда она открыла свою мастерскую. Все это доставляло ему даже радость, давало понять, что он чего-то стоит, но сейчас взгляд его сделался мрачным и тяжелым — он явно заподозрил какое-то нарушение порядка.

— Как же так? — воскликнул он. — Что это? Родители тебе разве не оставили денег? Или ты их все уже растратил? Не может быть!

— Нет, нет, ничего подобного. С этим все в порядке, — объяснил Юрген. — Но видишь ли, предстоят траты, непредвиденные траты, дополнительные расходы...

Все это были слова, которые Юрген заранее подготовил, найдя их убедительными и достаточно благозвучными. Но сейчас, на пути от мозга к языку, под тяжелым и мрачным взглядом брата, взглядом «профессора Зауербруха», они почему-то потеряли и убедительность и благозвучность, стали какими-то вялыми и хрупкими, заставляли произносящего их содрогаться, бросали в пот, делали его даже заикой. Больше всего этот заика хотел бы прова-

литься сквозь землю вместе со всеми навязчивыми идеями и дурацкими планами. Хотел бы удрать, и немедленно.

Да, Юрген, «этот неугомонный стайер с севера нашей республики», хотел бы улизнуть, но вместо этого он дрожащей рукой достал телеграмму от спецгруппы «Папоротники и мхи» и протянул старшему брату.

С чувством некоторого облегчения доктор взял телеграмму — хоть что-то конкретное, черное по белому! Сначала он быстро пробежал глазами текст, как какое-нибудь извещение, но затем уже медленно прочитал. Отдав ее Юргену, он безразлично сказал:

— А кто этот Августин?

— Секретарь, — ответил Юрген. — На самом-то деле он аптекарь. Лекарственными травами занимается. Секция такая есть. Раньше-то он был...

Доктор прервал:

— Лекарственными травами, говоришь? — При слове «травами» голос его звучал уже строго, но затем стал резким. — Лекарственными травами, значит. Отрадно. Может, когда-нибудь станет начальником отдела мятного чая? Очень мило с его стороны. А тебе я сразу выложу сотню марок? Может быть, лучше две? Ну? Что скажешь? Вот что, дружок, если ты здесь кого-то за дурака считаешь, то имей в виду: ты сильно ошибаешься. Кое-что я, правда, видел на своем веку, в том числе и с твоей стороны. Но это, пожалуй, чересчур! Приходит тут ко мне, врет как сивый мерин, и еще ведет себя как заправский мошенник. Требую, чтобы ты немедленно покинул мой дом и не переступал его порога до тех пор, пока я не выясню всех обстоятельств дела с родителями. Черт знает что такое! Вон, вон и еще раз вон!

Быстро вскочив, Юрген с опущенной головой промчался через приемную, разумеется, к великому удивлению фрау Молькентин. Как только она услышала громкий голос доктора, доносившийся из кабинета, и затем увидела скачущего как ни в чем не бывало Юргена, она подумала: «Наш доктор, хоть и немного ворчлив, даже вот собственного брата не пожалел, но дело свое знает отлично». Душа ее исполнилась надеждой.

Выскочив на лестничную площадку, Юрген на минуту остановился и даже облегченно присвистнул. В ту же мину-

ту за его спиной открылась дверь. На ней была приклепленна эмалированная дощечка с надписью «Служебный вход». Женский голос произнес:

— Подожди, заправский мошенник!

Это была тетя Гудрун, называемая просто Гудрун, общепризнанная красавица, между прочим. Как-то вечером мать Юргена, положив на колени вязанье, мечтательно заметила, что никогда в семье, включая кузин и более дальних родственников, не было подобной красавицы. Хотя никто тогда ей не возразил — отец делал это только в крайних случаях, а для Юргена красавицы старше семнадцати были так же красивы, как занавески или скатерти, и тем самым не представляли никакого интереса, — мама все же стала копаться в семейном фотоархиве в поисках доказательств своего постулата. И действительно, ни среди Аннетт, ни среди Берт и Луиз, ни среди Анна-Мари, ни среди Эрик или Гильдегард, ни среди Гриц, Бриц и Кармен не нашлось ни одной, которая красотой могла бы потягаться с Гудрун. Разве что некая Анна (снимок 1913 года), но с уверенностью этого нельзя было сказать: все ее достоинства были сильно умалены латоподобной одеждой, и к тому же она стояла так неловко прислонившись к картонной скале, как будто обязана была поддерживать ее — не дай бог обвалится! — что, разумеется, и отразилось на оценке ее красоты. С тех пор мать включила в золотой фонд своих изречений следующее: «Настоящая красавица наша Гудрун! И в домашнем хозяйстве знает толк. В доме врача ведь непочатый край работы!»

А сейчас Гудрун сказала:

— Не смотри ты так! Да, я подслушала ваш разговор и прошу тебя, покажи мне, пожалуйста, чем ты так разъярил Рудольфа. Я сгораю от любопытства.

Юрген несколько неуверенно взглянул на дверь приемной, но невестка изящно отвела его опасения.

— Ну что ты, он уже опять работает. Не бойся.

Юрген вручил ей сильно смятый телеграфный бланк. Тетя Гудрун принялась разглаживать его прямо на стене — перламутровые ноготки так и сверкали при этом. — Какой же ты выдумщик! И от кого это у тебя? В семье у нас еще таких не было. В этом Рёригке что-нибудь важное?

— Ну да,— ответил Юрген.— То есть нет, хотел я сказать.

— Тогда мне все понятно.— Она опустила руку в карманчик своего серебристо-зеленого брючного костюма, достала новенькую двадцатимарковую бумажку и сказала: — На, возьми!

Юрген колебался ровно столько, сколько требовало приличие.

— Не беспокойся и поскорее отчаливай. А то еще дядя доктор выскочит и выпустит из тебя целый литр крови. И без глупостей, пожалуйста.

— Да нет, что вы... И спасибо вам.

На улице вокруг его мопеда толпились девяти-десятилетние мальчишки, в одной руке плавки, в другой — мороженое. Заметив, что он имеет какое-то отношение к мопеду, они, подтолкнув друг друга, вдруг разразились диким издевательским воем. А Юрген весьма степенно уселся в широком и удобном седле, ласково помахал маленьким шакалам и, несколько раз провернув педали, тронул с места. И хотя подвигался он не так уж быстро, но немного да напылил.

В настоящее время мы присутствуем при том, как фрау Прюверман и ее супруг Людвиг Прюверман, владельцы самого ярко начищенного наружного градусника во всем Нойкукове, заполняют свои лотобилеты. Каждый делает это в отдельности. Господин Прюверман играет «5 из 45», а его половина в телелото. Больше чем три правильных цифры ни тот ни другой еще ни разу не отгадывали. Но это и не так важно для них. Зато каждый понедельник они тщательно просматривают таблицы выигрышей и без конца спорят о том, кто выиграл бы больше, если бы отгадал все цифры.

— Сколько градусов у нас сегодня? — спрашивает Людвиг Прюверман.

— Тридцать,— говорит фрау Прюверман.

И господин Прюверман ставит крестик под тридцаткой.

Иоганн Фридрих Мёллендорп («Часы — оптика»), можно сказать, спаситель близоруких и дальнорукых,

стоит за прилавком и который раз пересчитывает солнечные очки — осталось ведь всего четырнадцать пар. И если в ближайшие дни не поступит новая партия... Заказ отправлен уже давно! Так что жители Нойкукова будут обеспечены солнечными очками.

Один-то из этих жителей обеспечен вполне — Эрих Клифот, старший сын Клифота. Это он сидит с Дорис Шрёдер на берегу озера и показывает ей солнечные очки, купленные в Джибути. А Дорис Шрёдер в белых бикини еще красивее, чем в белом халате! Эрих что-то рассказывает ей о причудах своего капитана, то и дело называя его стариком. Впечатление создается такое, будто он и тот самый капитан плавают на двухместном паруснике и вся команда этого парусника состоит из самого Эриха и старика. Так что все идет своим чередом.

Но где же наш Джони Рабе? Очень даже далеко. Шею можно свернуть, ища его. Он сидит на пляже у самого Черного моря с рыбаком почти таким же здоровенным, как он сам, только волосы у того черные как смоль. Оба уплетают жареную рыбку, запивая ее красным вином из бутылки солидных размеров, и ведут беседу об уловах и о вине. О Нойкукове Джони начисто забыл.

Папе и маме Юргена Рогге тоже сейчас неплохо живется. Сидят они себе в знаменитом ресторане «Пальмира» в Зелёной Гуре и только диву даются, что здесь растут и пальмы, и комнатные липы, и какие здесь шустрые официантки, и какой непонятный язык, и сколько ни стараешься, а только и слышишь «пшт», «пшт». Но вот они перестали удивляться: им подали сбитые сливки, к тому же посыпанные орешками и утыканные изюмом и курагой. Необыкновенно вкусно! Отлично!

— Отлично! — громко произносит и доктор Блюменхаген, хотя никого, кроме него самого, в саду нет. Очевидно, именно поэтому он беседует с самим собой. Он достаточно стар для этого.

Справедливости ради надо сказать, что говорит он не с самим собой, а с георгинами. Хвалит их за хороший рост и яркость красок. И он прав. В этом каждый своими глазами может убедиться.

А наш Юрген Рогге едет себе и поет. Только что он пел «Иветту», а сейчас «Крэйзи хорсес», хотя и не знает ничего, кроме этих двух слов и завершающего ржания. Да это его не смущает, он поет и мотает в такт головой — «Крэйзи хорсес, ви-хи-хи»¹. Как тот пастух из сказки, который успел победить двух многоголовых драконов, научил уму-разуму двух великанов, женился на принцессе и получил в приданое полцарства. Он едет по своей стране — мимо ее разноцветных полей, где трудится ее народ, проезжает через ее леса, мимо ее синееющих озер, он весело машет ее гражданам, то тем, которые обгоняют его, то тем, которых обгоняет сам.

Однако гораздо чаще он приветствует тех, кто его обгоняет. Ведь продвигается он со скоростью, необременительной даже для мотора «лилипут» и при которой ласковый ветерок успевает остудить капельки пота на лбу ездока.

Да, не самым быстрым был он на этом шоссе. Несколько километров его сопровождали два парня в настоящих гоночных шлемах, с белыми флагами у руля — то они обгоняли его, выкрикивая остроумные замечания, то плелись в хвосте, столь же остроумно подбадривая. К счастью, его освободил от них народный полицейский в ближайшей же деревне. Ему, видите ли, не понравилось, что ребята заехали на узенькую пешеходную дорожку, выложенную цементной плиткой и бегущую вдоль домов.

Но и самым медленным он не был. Например, лихо обгонял тракторы, играючи оставлял позади тяжело нагруженные телеги и всяких бабушек на старинных велосипедах. А уж о пешеходах и говорить нечего! Эти-то, по его мнению, передвигались со скоростью улитки.

— «Крэйзи хорсес, ви-хи-хи!» — пел он и катил вперед, уезжая все дальше от Нойкукова.

¹ Начало песенки из киноевника «Crazy horses» (англ.) — «Бешеные кони».

Он улыбался и думал о всякой всячине. Например, о том, как свободно и вольно сейчас у него на душе. Должно быть, это и есть то, что называют свободой! Тут ему и вспомнился учитель обществоведения Витками. Тот как-то сказал: «Свобода — это осознанная необходимость». Но ни в какие другие объяснения поначалу не пустился — план урока не позволил. Однако Юргена слова эти задели. Об-

думывая их, он проделал несколько этапов. На первом он постучал себе пальцем по виску и деловито констатировал, что здесь имел место случай учительской зауми: не хватало еще, чтобы свободу осознавать! Такое занятие всякую охоту отобьет сто лет прожить! Вот если бы учитель Виткамп сказал: «Обедать, в особенности обедать в школе, есть осознанная необходимость», — это еще как-то можно было бы понять. На следующем этапе он рассердился сам на себя — ведь ничего разумного словам Виткампа он противопоставить не мог. Разумеется, у него хватило соображения сказать себе: «Свобода — это когда можно делать что хочешь». Но это и ему самому показалось подозрительным и звучало вроде: «Паровоз — это когда черный и из него пар валит». А потом, с таким заявлением может кто хочет прийти. И тогда уж это будет значить: каждый делай что хочешь. Ну, это уж никуда не годится! Это и дурак поймет. Даже в Нойкукове Юрген знал несколько типов, которым он ни за что не предоставил бы такой свободы. Зигфрид Хальгабель, например, весь день только и делает, что бегаёт со своей духовушкой и стреляет воробьев! Невероятно вредные они, оказывается. Но и на людей он смотрит тоже так, как будто и их считает чрезвычайно вредными. Или этот толстый Древский. Когда-то давным-давно, когда киношки принадлежали частникам, у этого Древского был свой кинотеатр. «Капитоль» назывался. Этот теперь всюду рассказывает, что, кабы была его воля, он бы всех за решетку посадил: и тех, у кого слишком длинные волосы, и тех, у кого слишком короткие юбки. И наоборот тоже. Даже для некоторых вполне достойных людей, как, например, для городского садовника Тюбке, тоже это не подошло бы. Дай такому свободу, он бы целую улицу вместе с домами снес, чтобы посеять травку и разбить клумбы. «Как оно и предусмотрено в чертежах и планах, дорогой мой», — обычно говорил этот последний защитник древних городских стен Нойкукова.

Чертежи эти, нечто вроде главного плана озеленения города Нойкукова, Тюбке составил еще до войны, когда его сразу после экзаменов назначили городским садовником. Согласно чертежам-планам, Нойкуков должен был быть превращен в нечто похожее на ботанический сад, в котором кое-где попадались бы жилые дома. Никто, конечно, этот

план всерьез не принимал. С течением времени листы поистрепались — сколько раз Тюбке, сперва в «Нойкуков-вер Хоф», а затем в «Заходите к Рабе!» раскладывал их на столе и елозил по ним желтыми от табака пальцами. А однажды один из главных супротивников, владелец магазина строительных материалов Карл Иоганн Фридрих опрокинул на них кружку пива. Разумеется, это было случайностью. Ведь к Тюбке все относились одинаково хорошо, да и властью он никакой не обладал. А вот советский комендант, несомненно обладавший властью, перечеркнул в 1945 году весь план красным карандашом и написал сердитое «нет». Он бился над тем, где разместить и приютить переселенцев, прибывающих в Нойкуков кто пешком, а кто на отощавших лошадях, а тут этот Тюбке, решивший, что новое начальство особенно любит природу, пристаёт со своим планом озеленения.

Сначала комендант, молодой еще человек, ругался довольно громко, рассказывал впоследствии Тюбке об этой замечательной встрече, однако велел подробно объяснить, внимательно слушал переводчика, и все дело вроде было уже одобрено. Но вдруг коменданта охватил совершенно непонятный гнев, и он вышеупомянутым красным карандашом перечеркнул весь план. На прощанье он сказал или, вернее, выкрикнул два слова: «До свидания, Мичурин!»

Загадочные слова эти оставались неразгаданными до тех пор, пока в театре «Капитоль» не прокрутили фильм под названием «Земля в цвету». Смотрело его, за исключением нескольких классов, очень мало людей, но Тюбке смотрел его три раза и долго потом спорил с другими жителями Нойкукова, не желавшими ничего знать обо всех этих новомодных затеях, о прививках и выдумках седовластого селекционера Мичурина, которого как раз и показывали в фильме. В конце спора Тюбке обычно возвращался к своей дружеской беседе с комендантом и говорил:

— А я вам о чем? Чуть было тогда это дело не выгорело, только вот средств у нас не хватило.

А когда в 60-х годах пошел разговор об охране окружающей среды и бережном отношении к родной природе, он три месяца кряду внимательнейшим образом читал от корки до корки «Фольксцейтунг» и «Нойесте Нахрихтен»,

затем убрал со своего письменного стола эмалированную плитку, на которой от руки было намалевано «Пей до упаду, жри до отвалу, в политику ни шагу!», и вступил в одну из антифашистских партий. Вскоре после этого он даже баллотировался на выборах в городской Совет. Тогда-то он и стал депутатом. Разумеется, его на первой же сессии избрали председателем комиссии по охране окружающей среды, хотя некоторым из его коллег было не очень по себе, когда они за него голосовали, — теперь-то он получит власть, не такую уж большую, но вполне достаточную. Очень даже скоро он стал грозой всех «диких» застройщиков, нерадивых директоров предприятий и тех горожан, которые потихоньку выбрасывали свои старые диваны в городской парк.

Всего этого о городском садовнике Тюбке Юрген, конечно, не знал, но он хорошо знал, что свободу «делать что хочешь» Тюбке тоже давать нельзя. По правде говоря, такую свободу заслуживал бы только предельно благородный, разумный, даже мудрый человек. Однако во всем Нойкукове Юрген знал только одного такого человека — мудрого и благородного юношу по имени Юрген Рогге. Но при всем уважении к собственной персоне ему в конце этого этапа размышлений все же стало ясно: такое объяснение ломаного гроша не стоит, раз оно применимо лишь к одному-единственному жителю из всех семи тысяч четырехсот шестидесяти девяти жителей Нойкукова!

На третьем этапе своих размышлений о свободе Юрген стал спрашивать всех и каждого о том, каково его мнение насчет свободы и осознанной необходимости. Оживление это вызвало немалое.

Начал он с Джони Рабе, когда тот потребовал от него, чтобы он, Юрген, раз в неделю не меньше ста раз бегом поднимался на Дубовую гору и бегом же спускался с этого большого, поросшего травой холма неподалеку от нойкуковского озера. И это только для начала. Позднее предстояло вбегать и сбегать каждый день. Один из австралийских бегунов именно таким образом выработал в себе невероятную выносливость, так что и Юргену предстоит идти тем же путем. Это ему придется осознать! Джони Рабе, пропустивший вначале столь важный вопрос о свободе мимо ушей, переспросил:

— Чего-чего?

И с ним случилось то, что в бестселлерах описывается примерно так: «В его ледяных глазах вспыхнула ярость, губы сжаты, желваки под натянутой кожей ходят вверх и вниз». Рабе здорово разозлился. Юрген это хорошо видел, хотя и не очень разбирался в физиогномике. Да и времени у него для этого не было. Джони тут же разомкнул свирепо сжатые губы и произнес на классическом родном языке: «Заткнись, умник!», что Юрген и поспешил сделать. И так поступил бы каждый на его месте, кроме, пожалуй, Мухамеда Али, который тогда был еще в своей лучшей форме. Понять Джони он, правда, тогда не понял, потому что и не подозревал, какой взрыв ужаснейших воспоминаний он вызвал, воспоминаний о дне, когда из молотометателя Джони вдруг превратился в кабатчика. Юрген успел только подумать, что Джони Рабе потому только так разозлился, что чего-то не понял. Это ведь и с ним самим порой случалось.

Первым он, значит, спросил Джони Рабе, а последним — своего старшего брата. Приберег его, так сказать, на закуску. Рудольф Рогге представлялся ему подлинным специалистом в области осознания необходимости. Тот и правда сделал этакое добренькое лицо, словно говоря: «Сейчас, сейчас, еще минуточку... Вот мы и справились! Не больно ведь было, право, не больно!» А вслух он произнес:

— Да это же обвед! Я уже давно покинул стены своей альма-матер. — Обвед звучало как имя албанского форварда или название саксонской фабрики леденцов (владелец Гергард Вельдке), на самом же деле было сокращением, каким студенты называли лекции по обществоведению.

— Так-так! — отметил доктор Рогге, после того как подумал над этим обведом. — Понимаешь, это примерно вот что: существует целый ряд необходимостей, и это, так сказать, всем известно. Законы природы, например. Они же существуют, хотим мы того или не хотим, знаем мы их или нет. Лучше, разумеется, чтобы мы их знали. Если мы их знаем, мы можем считаться с ними, учитывать их; еще лучше, если мы их используем. Ну, это, я надеюсь, тебе понятно?

Что ж, это Юргену показалось и впрямь понятным.

— Ну, так вот, — продолжал доктор Рогге, — а теперь

скажи мне: кто свободней по отношению к природе — тот, кто знает ее законы, или тот, кто их не знает?

— Это ясно, — сказал тогда Юрген. Сосчитать, сколько будет дважды два, он уже давно умел.

— Не правда ли, это же действительно абсолютно ясно? — сказал его брат и, должно быть, так увлекся своими воспоминаниями о лекциях по обведу, что тут же привел еще один пример. — Разумеется, я могу спрыгнуть с десятого этажа и перед этим заявить, что умею летать. Гравитация и всякие перегрузки, появляющиеся при свободном падении, меня ничуть не интересуют. Я вовсе не зависю от них! Однако зависимость эту мы устанавливаем уже после экзитуса.

— После чего?

— После экзитуса, то есть после того, как мы установим смерть.

— А-а!

Тогда Юргену стало все еще ясней. Смерть... Что может быть убедительней?

— Да, да, — продолжал тогда Рудольф Рогге, — только после того, как человек познал соответствующие законы природы, стал с ними считаться, научился выбирать между различными возможностями, он создал и самолет и космический аппарат. Смог, так сказать, освободиться от силы тяжести, научился летать. Не правда ли, так ведь оно и есть? Осознанная необходимость равнозначна свободе. Так и с общественной необходимостью. Вот и все.

И Рудольф удовлетворенно откинулся на спинку кресла. Мать, слушавшая самый конец рассуждений, принесла бутылку пива «Любсатор» — марку, которую Рудольф предпочитал другим и которую трудно было достать, а Юргену выдали бутылочку колы.

Однако Юрген не был удовлетворен. Конечно, ход доказательств ему казался вполне понятным. Особенно понравилось, что такие же люди, как он, научились летать. Но что-то во всем этом было чересчур уж просто, трезво, что ли. А ведь в слове «свобода» слышалось что-то дико-вольное, похожее скорее на водопад, чем на оросительный канал, на девственные леса, чем на ровные грядки огорода. Но, должно быть, в рассуждениях брата, особенно в его последнем замечании относительно общественной не-

обходимости, и была зарыта собака. Об этом Юрген сам был наслышан. За этим могло скрываться очень многое и отнюдь не только приятное.

Юрген выпил тогда колу, которая ему совсем не понравилась — отдавала кофейной гущей, и поднялся наверх, в мансарду.

Там он сразу придумал и свой пример.

Что ему сейчас лучше делать — осторчертевшее домашнее сочинение писать или в «Капитоль» идти, картину «Кровавая земляника» смотреть???

Взвесив все эти возможности, он все осознал. Еще один потерянный вечер в кино — и он опоздает сдать сочинение или же напишет его небрежно и наспех. А это, в свою очередь, ставит под угрозу пятерку; в конце концов, он первый ученик, лучший из лучших, да и привык к такой отметке.

Таким вот образом и закончилось состояние «несвободы» и он вновь обрел «свободу».

Строя отвратительные гримасы и изрыгая весьма крепкие проклятия, Юрген принялся за сочинение. Написав первые три предложения, он подумал: «Вот мы и обрели ее! Именно так я и представлял это себе! Красота-то какая — свобода!»

— «Крэизи хорсес — ви-хи-хи!» — протрубил он снова и отбросил все воспоминания и тяжкие умозаключения.

Большой, сильный, смелый Юрген Рогге сказал маленькому, такому старательному и добросовестному Юргену Рогге: «Ступай-ка ты в угол, сыночек. Это не для тебя, это, видишь ли, новый сорт, и называется он — свобода большого Юргена Рогге!»

А маленький, такой старательный Юрген Рогге крикнул из своего угла: «Смех, да и только! А какая она? Как ее определить? Кататься на шоссе Ф-79 на мопеде и выкрикивать слова дурацкой песенки? Это, что ли? Вот уж смех-то!» Но большого Рогге не так-то легко сбить.

«Это все, что вы в состоянии сказать? Вам непременно подавай определение, и дважды два, и где запятую поставить, и когда жуешь — не чавкай! Нет-нет! Свободу большого Рогге — ее не записать, не разложить на главные и придаточные, не разделить или сократить, ее можно только чувствовать».

«Хи-хи! — пропищал маленький Рогге. — Что ж, на полчасика твоей свободы хватит, может быть, конечно. Но ты смотри не наскочи на угол вон того дома! Видишь, прямо поперек шоссе торчит».

Странные эти дома нет-нет да попадаются на дороге. Стоит углом чуть не на проезжей части. С каждой стороны по узенькому оконцу. Юрген даже как-то предположил, что люди, жившие раньше в Мекленбурге при каком-нибудь великом герцоге, ставили в эти оконца фонарь «летучая мышь», превращая таким образом дома в сухопутные маяки для всяких там почтовых карет, скотогонов и допотопных самокатов.

Он осторожно проехал мимо грязно-белого строения и вскоре очутился вблизи маленького города. Маленький город узнаешь по маленьким садикам перед домами. В деревнях маленьких садики не разводят. Крестьяне себе гаражи строят, в окнах витрины с цветами устраивают. А вот городской житель — тот так и рвется садик посадить. Заведет себе сад и непременно беседку построит, такую чистенькую, аккуратненькую, что на крыше хоть завтрак подавай. Юрген прожужжал мимо этих самых беседок, думая о том, что в дождь очень даже уютно сидеть там и читать книжки. Но не в хорошую погоду. В хорошую погоду надо другим заниматься, например взять да укатить в Новосибирск! Но можно и книги читать. Книги читать всегда хорошо, но при хорошей погоде для этого никакой беседки не надо, только вот если дождь...

За последней беседкой показался склад строительных материалов, а дальше улица резко пошла вниз. В конце стоял павильончик, в котором продавалось печенье, газировка и жареные сардельки. Там начинался город. Название его было Пренцлин. И тут придаться было не к чему. Но вот вид мостовых в этом самом Пренцлине заставлял призадуматься: не следует ли выпустить немного воздуха из колес? И вообще, не опоздали ли пренцлинцы при распределении булыжника? Не пришлось ли им забирать те камешки, от которых все остальные отказались? Юрген крепче сжимает руль своего мотоцикла, до минимума сбрасывает газ и, то и дело резко подскакивая, старается объехать самые крупные скалы и пики. Мопед из Зуля, твой верный друг и спутник на все времена года!

И средь раскаленных песков пустыни, и на ледниках Исландии, и даже на страшной Линденштрассе в Пренцлине...

Эта Линденштрассе вела мимо магазинчиков, где продавались перчатки, скатерти, кипятильники и поздравительные открытки, а также мимо кооперативов, в которых сыр еще резали огромными ножами, и так бежала до самого Линденмаркта. Здесь и правда росло несколько лип, но не очень много. Автомашин было гораздо больше. Так что на самом деле этот Линденмаркт был просто стоянкой автомобилей.

Сначала Юрген поставил своего «козла» там, где стояли более мощные «Штары» и тому подобный двухколесный транспорт, но почему-то усомнился в своем выборе и задвинул мопед в брешь между «краузе-пикколо» и выдавшим виды МЦ. Поглядывая в зеркальце заднего обзора, он тщательно причесался — за уши, за уши, как оно и положено. Спортсумку повесил через плечо, а вывеску, над которой так трудился накануне вечером и все же не прицепил к рулю, оставил завернутой в старом одеяльце на переднем багажнике. Она никому, кроме него, не понадобится, никто ее не утащит!

Вот Юрген и на чужбине! Но он ведь и подальше этого Пренцлина уезжал. В Берлин, например, или в Обервайсбах, где поднимался на горы в вагончике зубчатой железной дороги и где, оказывается, находился детский сад, который придумал и создал некий господин Фребель. Юрген тогда еще очень удивился, как это мужчине пришлось в голову изобрести такое. Правда, работать в детсаду пришлось все равно женщинам. Д-да! Случалось, что он уезжал гораздо дальше, но всегда на очень тоненьком и даже невидимом, но крепком поводке. Всегда ведь с ним бывали родители, а то и брат или учителя. И всегда-то очень много людей знало, что он уехал и куда. Но теперь он обрезал поводок. Он прекратил радиосвязь! Маршрут его и цель никому не известны!

Мурашки пробежали по спине. Он рассмеялся. Старая женщина, закутанная в платок, решила, что Юрген хороший и отзывчивый человек, и спросила, не знает ли он, когда они в Совете (в ратуше, значит) свою контору открывают. Чего Юрген не знал, того не знал. Но бабушка не обиделась, только махнула рукой, что вполне могло озна-

чать: «Этого, дорогой мой, никто не знает!» Но когда-нибудь они все же откроют? И она тут же рассказала ему, зачем идет в Совет. Намедни электрик заходил, все спрашивал, не продаст ли она Городскому Совету электрический столб, что стоит рядом с ее домиком, за девятнадцать марок и восемьдесят четыре пфеннига. Дело в том, что столб числится ее собственностью, а она этого и не знала совсем. О всех делах муж ее заботился, но он давно умер. «Если вы хотите, — сказал электрик, — можете столб оставить себе, но тогда вам самой придется красить и пропитывать его». Вот она умом и раскорячилась: вроде бы с одной стороны, а вроде бы и с другой... Как-никак собственность, расставаться жалко, но и олифить и пропитывать тоже хлопотно. Да и денег стоит. Не справится она сама. А сын далеко — директором школы в Шверине работает. Внуков нет — одни внучки. Хоть нынче и девушки сами на все руки мастера, но не хочет она их беспокоить. Пусть Городской Совет теперь сам решает...

Она испытующе посмотрела на Юргена и, заметив, как аккуратно парень причесан, спросила, не собирается ли он тоже в Совет? Нет, ответил Юрген, в Совет он не собирается. А когда старушка удалилась, ни на минуту не сводя глаз с городской ратуши, он даже позавидовал ей: она-то знает, что ей здесь надо, а он — нет!

Но тут вновь объявился маленький, аккуратный и такой старательный Юрген Рогге. А большой и такой щедрый Юрген Рогге тут же заткнул ему рот, сказав:

«Мы находимся на базовом лагере «Пренцлин». Я заканчиваю подготовку к крупной экспедиции! И это вам не съеденный жуками электрический столб! Карамба и крамбамбули!»

Юрген прикинул, что ему надо захватить с собой, — не так уж мало! Бóльшая часть состояния большого Рогге уйдет на это. Может быть, придется даже продать фамильное серебро.

Надо снарядить от двух до трех десятков вьючных мулов! Они ведь превосходят своих более элегантных родственников как в выносливости, так и в неприязнительности.

Надо запастись десятью особенно прочными палатками. Кстати, всепогодными.

Сорок спальных мешков из гагачьего пуха!

Надувные лодки!

Сырокопченая колбаса!

Котлы и сковородки!

Изрядный запас спиртного!

А также передвижная электростанция! Она одна, черт возьми, будет стоять более трех тысяч гульденов, или франков, или цехинов!

О вертолете не приходится даже мечтать! Разве что о каком-нибудь бывшем в употреблении. Но он, Юрген, вовсе не намерен довольствоваться снаряжением с пометкой «БУ». Это никогда хорошо не кончается.

Юрген остановился у магазина канцелярских товаров и через стекло, затемненное защитной пленкой, увидел рядом с кассой продавщицу. Больше никого? Ни разу в жизни он еще не видел пустующего магазина канцтоваров! Даже если бы все жители Принцлина были неграмотными, это сенсационное состояние не могло бы долго продолжаться, так как в магазине имелись и ситечки для кофе, и елочные украшения, и даже изящные корзины для бумаг. То есть предметы, в которых постоянно нуждается даже человек, не владеющий письменностью. В любую минуту этакий любитель попить кофейку, а то и страстный потребитель бумаги мог бы появиться и войти в магазин. А следовательно, нарушить это необычайное состояние.

Решительно нажав на ручку, Юрген вошел и оказался первым и единственным посетителем. Продавщица была занята подкрашиванием губ и, когда заметила Юргена, чуть не выронила помаду из рук. Испугалась, значит. Несколько мгновений она не могла проронить ни слова.

— Послушайте, у нас же закрыто! До пятнадцати часов,— возмущенно сказала она наконец.

К этому времени Юрген подошел к самой кассе и успел разглядеть, что продавщица — молоденькая девушка, до чертиков хорошенькая. Может быть, она ученица? В ответ на ее слова он обернулся к двери.

— Да нет, кажется, не закрыта.

И он вовсе не острил. Он хотел просто объяснить, что действительно вошел в дверь и что она не была закрыта.

Продавщица испуганно опустила руку в карман коротенького халатика и с некоторым удивлением достала от-

туда связку ключей. Другой рукой она откинула со лба огромное количество золотых волос — не менее двух тысяч единиц.

— Ах, я, должно быть, забыла. Вы что хотели?

Юрген чуть было не сказал, что зашел купить кастрюли, сковороды и спиртовой примус...

— Но я же не мог знать, что дверь закрыта, — произнес он. — Нет ли у вас логарифмических линейек марки «Рекорд»? Видите ли, я уезжаю в Новосибирск... И знаете, там без такой линейки не обойтись. Вот я и зашел...

Продавщица рассмеялась, однако вежливости ради прикрыла ротик рукой.

— Вы сейчас? — спросила она.

— Не знаю, — сказал он, запинаясь.

— Я спрашиваю, вы сейчас уезжаете?

— По правде сказать, да. Обо всем уже имеется договоренность. Меня ждут. Я...

— Но понимаете, — сказала продавщица, — до пятнадцати часов придется вам все же потерпеть.

Она подошла к выходу и приоткрыла для него дверь. На сей раз она не забыла запереть ее.

Было без пяти два, и у Юргена оставался целый час. Он купил себе мороженого (ванильно-малиново-шоколадного) и «Футбол за неделю». Потом нашел скамейку и устроился на ней. К этому времени от мороженого осталась одна шоколадная прослойка, и лучшего места, чем урна, для него не найти. Юрген сидел и листал «Футбол за неделю», в сотый раз задавая себе вопрос — правда ли, футболисты разговаривают так, как было написано в еженедельнике. «Нам удалось... и это редко кому удастся... мы упустили шанс забить гол...» Или: «Мы уже успокоились, когда вдруг жадные до голов форварды внезапно принялись бомбардировать наши ворота...» Может быть, журналисты и спорткорреспонденты заставляют их так говорить или сами футболисты, начитавшись «Футбол за неделю», стали говорить, как там написано? В Нойкукове он знал только нескольких болельщиков, и они говорили совсем по-другому. Когда он кончил читать, у него оставалось больше получаса. Пока он сидел и читал, на кладбище прошли несколько человек с лейками и тяпками, как будто на работу, идут, будто смена начинается.

Но ничего потрясающего, необыкновенного так и не произошло. Перед ним не пала ниц делегация нойкуковцев во главе с бургомистром, не молила его, чтобы он, великий сын города, немедленно возвратился к родным берегам. Не поступало и сообщений о землетрясениях, наводнениях или крупных лесных пожарах, что, разумеется, могло бы стать непреодолимым препятствием для его дальнейшего продвижения в сторону Новосибирска. Нет, ничто не препятствовало его решению. Никто ничего не решал за него, и это было так же непривычно, как и неприятно. Нехорошо поступают с маленьким Юрджи! Нехорошо так вдруг, мам, а мам...

...И тут же мать и впрямь подъехала на «трабанте» и остановилась у самой скамейки. Почему-то она сидела за рулем. На голове — «обсерватория». Опустив стекло, она как-то по-доброму посмотрела на него и сказала: «Вот так, мальчик мой. Ты теперь у нас большой, сам должен все решать. Я женщина старая и ничем помочь тебе не могу. Ты только береги себя, ради бога, и не забывай потеплее одеваться. А профессором ты все равно можешь стать. Я узнавала». Отец, сидевший на заднем сиденье, снял форменную фуражку и очень серьезно кивнул ему. Тут мать нажала на газ, и «трабант» умчался со скоростью молнии. До чего хорошо у него коробка скоростей отлажена!

А Джони Рабе, которого никто не звал, явился в модном спортивном пиджаке и капитанской фуражке. «Бегать и бегать! — сказал он. — И лесом, леса вокруг сколько угодно». Сказал, приложил два пальца к козырьку и был таков.

...А Сусанна Альбрехт села рядом на скамью. Расстояние — пятьдесят сантиметров. Ударила по струнам гитары — шрум-шрум-шрум — и продекламировала: «Тысяча мыслей в голове и тысяча тысяч километров!..» Еще раз взяв аккорд, сделала книксен и удалилась...

...На докторе Блюменхагене была соломенная шляпа из искусственной соломки и куртка грубого полотна. Прежде чем что-нибудь сказать, он прошел несколько раз мимо скамьи, на которой сидел Юрген. «Да, мой друг, это совершенно верно. Я не буду от тебя скрывать, нет-нет. Мне приятнее было бы, чтобы ты остался в наших пенатах или,

вернее сказать, сформировался бы в наших пенатах, стал бы тем, кем ты станешь в том Дальневосточном краю. Быть тебе настоящим математиком! Итак, поезжай спокойно и передай мои наилучшие пожелания профессору Шарфутдинову. Как я хотел бы, если бы мог... Нет, нет, все в порядке. В путь добрый!»

А Юрген все таращился на первую страницу «Футбола за неделю», где красными буквами было набрано: «3:0 — еще один шаг Дрездена к вершинам высшей лиги».

— Так я ничего и не решил! — вдруг громко произнес он.

Времени без пятнадцати пятнадцать. Солнце печет немилосердно. Весь мир прекрасно освещен. До вечера можно еще уйму сделать. Можно, например, повернуть и к ужину быть в Нойкукове. С удовольствием полакомиться ливерной колбасой из лавки Кувады и по телевизору посмотреть на Даниэля Бенэ. Вот уж кому надо бы быть председателем сельхозкооператива! Правда, хорош этот Даниэль Бенэ! Даже когда сам себя избивает, он делает это аккуратно и добросовестно... Можно еще и здесь покататься, просто так, куда глаза глядят. Можно в Рёригк съездить — Сусанну Альбрехт поискать. Найти ее, предложить руку и сердце... жениться... а затем вместе внимать аккордам гитары: «На черном небе две звезды, одна — для тебя, другая — для меня...»

Много чего можно сделать, но все это не то, что надо! А надо идти по непроторенным дорогам. Даже если никто не удивится, не обратит внимания. Правильно он сделал, что вывеску нарисовал. А вот что в одеяло ее завернул, а не к рулю прикрепил — это уже трусость. Итак, вперед! Даешь Новосибирск! Никто, конечно, этому не удивится. Прежде всего потому, что не поверит: уж очень всем хорошо известно, что нужен загранпаспорт, виза и т. д. А во-вторых, никто и не испугается, никакого это не страшное известие. Все хорошо знают, где этот самый Новосибирск. Но ведь кое-кто прислушается, кое-кто и уши наострит, глаза широко раскроет и уж по меньшей мере одну бровь подымет чуть выше своих очков.

Перед магазином канцтоваров, где Юрген появился в пятнадцать часов двенадцать минут, его чуть не одолел приступ скупоści. У Юргена ведь уже была счетная ли-

нейка. Правда, маленькая и дешевая — рекламное приложение к поставкам медицинских инструментов, присланная брату Рудольфу, а затем уже подаренная ему. Впрочем, Юргену и такой было достаточно. А линейка марки «Рекорд» стоила двадцать восемь марок! Но он тут же разочлился на самого себя. Хорош, нечего сказать! Разве с такими расчетами до Новосибирска доберешься? А потом, новая линейка будет стоит только восемь марок. Двадцать-то невестка подкинула. Значит, они не в счет. Вроде бы с неба упали, волшебные, как в волшебной сказке.

Этот подсчет окончательно убедил его. Обычно Юргену хорошо удавалось убедить самого себя.

Пятнадцать часов тринадцать минут. Он вошел в магазин. Какой-то человек в синем халате покупал у хорошенькой продавщицы бумажных салфеток на пятьдесят марок и все убеждал ее, что ему совершенно безразлично, какой на них узор — елочки или виноград. Продавщица сказала, что ей это тоже совершенно безразлично. Если даже она была только ученицей, то кое-чему она уже научилась. Взглянув на Юргена, она одарила его улыбкой. Кроме дядьки, который покупал полцентнера бумажных салфеток, перед ним была еще супружеская пара, без конца вертевшая стойку с поздравительными открытками, и мальчишка, который в течение одной минуты дважды успел пересчитать свою наличность, сравнивая ее с ценниками на пластмассовых индейцах, разложенных под стеклом. На вождя с красивым убором на голове ему явно не хватало, но на косоглазого копьеметателя, должно быть, хватит. Юрген тут же решил помочь ему одной-двумя десятипфенниговыми монетами. Но в основном-то он думал о том, как поостроумней начать разговор с продавщицей, объяснить, что ему надо, да и напомнить, что они уже, так сказать, знакомы. «А вот я и опять у вас. Вы меня еще не забыли?» Нет, это не пойдет. Лучше уж: «Помните, я недавно заходил к вам и спрашивал 50 логарифмических линеек». Остроумнее этого ему сейчас ничего не пришло в голову, и он решил, что подобное обращение убьет ее наповал.

Но в следующую же минуту все его мучения оказались напрасными: из-за занавески, закрывавшей вход на склад, появился сам шеф. Вид у него был такой же скучный, как у

старого несгораемого шкафа. Да, этого никакими остроумными формулировками не проймешь! Он величественно игнорировал супружескую пару, в течение десяти секунд обслужил мальчишку, выдав то, что ему поручили купить, а именно пузырек канцелярского клея, и тут же несколько настороженно справился, чего желает молодой человек. Не прошло и новых десяти секунд, как на прилавке лежали вождь ирокезов и линейка «Рекорд». Юргену успели сообщить, что инструкция приложена к линейке, и «волшебные деньги» Гудрун плюс предусмотренные суровым бюджетом сменили владельца. И вот Юрген Рогге, нойкуковский гений, снова на раскаленной мостовой Пренцлина.

Несмотря на быстротечность торговой операции, Юрген сохранил присутствие духа, знаменитую свою сообразительность и оглянулся, ища глазами маленького покупателя канцелярского клея. Любитель пластмассовых индейцев шмыгнул как раз за угол, и Юрген австралийско-новозеландским шагом припустился за ним. Юрген Рогге — мекленбургский кенгуру! Заметив преследователя, мальчишка пригнулся, однако лицо его сохранило вполне невинное выражение, как у человека, который за последние полчаса не стащил ни одного яблока.

— Индейца дать? — спросил Юрген и показал ему на ладони вождя ирокезов. — Это вождь, дарю его тебе.

— Сам знаю, что вождь, — по перьям видно. Мне даришь? Почему?

Да, почему, собственно? Может быть, у мальчишки уже целая рота таких вождей дома лежит?

— Берешь или нет? — не то сердито, не то смутившись спросил Юрген.

Прохожий на другой стороне улицы остановился, явно заинтересовавшись беседой двух подростков столь различного возраста. А вдруг готовится похищение младенца? Среди бела дня, в самом центре Пренцлина?

— Беру, — ответил мальчишка, не торопясь засовывая индейца в карман. — И спасибо вам. Мы завтра уезжаем. В Саксонскую Швейцарию.

— Надо же! — сказал Юрген. — Смотри не упади там с горы.

— Я не боюсь. Я всегда с отцом хожу.

— Ну, тогда будь здоров! Гляди хвост не поджимай!

— Сам не поджигай! — ответил мальчишка.

На Линденмаркте уже не было ни инвалидной коляски, ни сильно помятого «МЦ». На его «козла» никто не польстился.

Подскакивая на мягком седле, Юрген покатил из города. Пренцлин распадался на составные части — хорошенькие домики с ялисадниками, кусты смородины, покосившиеся сарайчики... На этой окраине города еще не укрепились ни дачестроители, ни селекционеры роз. У самого выезда справа показался кирпичный завод, и наконец Пренцлин кончился. По обеим сторонам шоссе — темный буковый лес.

Юрген свернул на первом же повороте, проехал метров сто и соскочил у аккуратно сложенных бревен. Развернув старенькое одеяльце, он достал табличку с надписью, отстранил на вытянутых руках и внимательно рассмотрел. Недурственно! Желтые буквы на небесно-голубом фоне так и сверкали: «Экспедиция Нойкуков — Новосибирск». Поставив табличку-вывеску на штабель и зажав ее между двумя бревнами, он отошел шагов на двадцать, затем развернулся на каблуках и стал вновь приближаться небрежной походкой. Поглядывая по сторонам, не попадется ли ему на глаза душистая земляника, пугливая лань, а то и трудолюбивый дятел, он как бы случайно взглянул на некую поленницу и некую табличку. Впечатление — отличное! Даже для беспристрастного наблюдателя. Удар, еще удар! Серия ударов! Нокаутированного противника уносят с ринга...

Юрген достал из сумки несколько кусков мягкой, однако прочной проволоки и прикрепил табличку-вывеску пониже руля, точно так, как он это прикидывал в уме накануне вечером. Потом разбежался, плюхнулся в мох. Надо же было рассмотреть новую покупку — логарифмическую линейку!

Все это, конечно, хорошо и даже прекрасно, однако теперь пора! Пора выбираться из лесу, и не только из-за комаров, среди которых очень быстро распространилась молва, что некий Юрген Рогге, налитый с ног до головы кровью, почивает во мху.

Аккуратно уложив счетную линейку в спортсумку, Юрген крепко привязал весь скарб к багажнику, затем вскочил в седло, неприлично и неспортивно широкое и мягкое, и провернул несколько раз педали, чтобы привести в движение мотор. Это было ужасно глупым, даже каким-то дурацким делом и всякий раз напоминало ему бегущую и хлопающую крыльями курицу, которая надеется: а вдруг она и вправду полетит?

Он катил по шоссе совсем один, но вскоре на встречном курсе появился сверкающий хромом «вартбург». Впереди сидели мужчина и женщина. Женщина за рулем судорожно вытянула вперед шею, а мужчина смотрел на нее сбоку, как настоящий кинозлодей. Оба не удостоили экспедицию, возглавляемую «NN», ни единым взглядом. Что ж, скатертью дорога! Такие не обратили бы внимания и на белого слона, попадись он им на дороге. Разве что мужчина сказал бы своей обожаемой половине: «Чтоб тебя! Неужели не можешь принять вправо? На ваших шоферских курсах не проходили разве — при встрече с белыми слонами следует принять вправо!»

Затем его обогнал хрипящий, медленно ползущий и чадающий автобус. В проходе и на задней площадке люди толпились, как в пятницу в булочной. А когда автобус прополз мимо и заднее окно проплыло метров в двух-трех, Юрген увидел, что за стеклом стояли одни африканцы, совсем черные и в белых рубашках. Они, должно быть, сказали молоденькой девушке, весьма бледненькой на вид, что-то о нем. Девушка им что-то ответила, и все африканцы принялись дружно махать ему. Но тут автобус скрылся в синем дыму, а потом исчез за поворотом. Когда Юрген увидел его вновь, автобус уже имел метров двести фору. «Для таких гостей можно было бы тачку почище подобрать. Вон ведь откуда приехали!» — решил про себя Юрген. Наверное, эти африканцы хотели на все своими глазами взглянуть? Он-то знал, чего бы они лишились, проплыви они здесь в самолетных креслах новенького «икаруса»!

Следующая деревня называлась Цинцеров. Славненькая! Когда-то кто-то перекрасил свой дом, а другим стало завидно. И теперь и справа и слева от шоссе стояли небесно-голубые, и ярко-зеленые, и розовые, и желтые дома —

смотреть любо! Юрген подкатил к кооперативной лавке, которая по красоте сильно уступала другим домам. У входа на перевернутых корзинах сидели двое мужчин в вельветовых брюках. Они попивали пиво и поглядывали, как Юрген пристраивал свой мопед и затем зашел в кооператив. А когда он, неся в руках две булочки и кусок копченой колбасы, вышел, один из них, опустив бутылку, спросил:

— Ты что, еще сегодня собираешься туда добраться?

Юрген посмотрел на ручные часы и, улыбнувшись,

с сожалением покачал головой. Второй мужчина, кивнув на булочки и колбасу, сказал:

— Гляди не подавись. Всухую-то.

— Правда, всухую. Да у них нет ничего все уже продали.

Спрашивавший поднялся на вторую ступень крыльца и крикнул в открытую дверь:

— Паула, достань из холодильника бутылку лимонада и принеси сюда!

— Сам поднимись и достань, отозвалась Паула. У нас здесь магазин, а не ресторан, Отто.

— Это я еще давеча заметил,— сказал Отто, подмигнув Юргену, и снова преспокойно уселся на корзину.

Секунд через десять в дверях показалась Паула и кинула Отто зеленую бутылку лимонада с старинной «вечной» пробкой. А он, передав ее Юргену, показал на дверь и проговорил:

— Жена. Всегда такая.

У лимонада был такой же вкус, как и цвет, зеленый. Знатоки зеленых лимонадов отлично знают, что это значит. Остальные пусть думают что хотят. Юргену важна была температура. Хорошо бы похолодней. Он выпил бутылку одним духом, оставив на два пальца жидкости.

— Парень выпить может,— похвалил Отто, обращаясь к собутыльнику.

— Да брось ты! — сказал тот, явно не намереваясь вступать в разговор. Должно быть, он был из тех, что молчат, как цементные львы.

Зато Отто не собирался молчать.

— А ты когда-нибудь ездил так далеко, Вилли? — спросил он.

— Нет,— ответил Вилли и высморкался весьма элегантно, приложив палец к ноздре.

— Ничего я понять не могу,— сказал Отто.— Когда был молодой, я все в Париже хотел побывать, посмотреть на него с этой самой Эйфелевой башни, и какая-нибудь там Колетта чтоб со мной рядом стояла.— Честное слово, на велосипеде в Париж собирался. Да так и не рискнул.

— Ишь Колетту какую-то выдумал! С тебя станет.

— А потом вот женился на Пауле. А за ней не такие, как я, ухлестывали. Верно я говорю, Вилли Фезе?

Вилли Фезе ничего не ответил, а достал из кармашка громадную сигару и так основательно раскурил ее, что только искры полетели.

Юрген с удовлетворением отметил про себя: хорошо еще, что эти мужики не кровожадные сицилианцы и не мстительные курды! Но все же он решил утихомирить разбушевавшихся цинцеровцев. И кто бы мог подумать, что за этой Паулой так много народу ухлестывало! А ведь только благодаря его, Юргена, появлению, Отто об этом и вспомнил.

— Правда, погодка хороша? — сказал Юрген. — Для сельского хозяйства, я имею в виду.

Вилли Фезе опустил горевшую, как факел, сигару и посмотрел на Юргена так, будто он заявил, что огурец следует причислить к масличным культурам. А Отто, хлопнув себя по обтянутой вельветом коленке, сказал:

— Да-да, ничего не скажешь! — И расхохотался.

«Хоть у одного настроение поправилось», — подумал Юрген.

В дверях опять показалась пользовавшаяся таким большим успехом Паула.

— Да, парень, — сказала она Юргену, — сильно печет! А ты прав: увидят люди, как двое тут сидят, еще подумают, хлеб сам в амбар переберется. Сухота такая, что не до смеха!

Отто принял выпад Паулы на свой счет и сразу же перестал смеяться. У кого глаза зоркие, тот успел бы заметить: на лице Вилли Фезе промелькнула злорадная улыбка и тут же погасла. Должно быть, радовался, что в свое время достиг только почетного второго места.

— Пора мне, — сказал Отто. — Надо за порядком приглядеть.

— Да-да, — проворчала Паула. — Гляди-гляди, да не заглядывайся.

И этого нам не миновать: едет, едет себе человек и рано ли, поздно ли, а приедет он к перекрестку. И в романах это так же, как на шоссе: направо пойдешь... налево пойдешь... Невольно и призадумаешься. Вот основная дорога, вот второстепенная. Можешь ты первым ехать или надо подождать? Как выбрать новое направление и цель? Цель —

это, конечно, главное. К цели следует стремиться не окольными путями. Впрочем, это на дорогах и на шоссе. В романах иначе. Романам свойственно приближаться к цели именно окольными путями, то есть всякими объездами. Более того, они целиком состоят из окольных путей, даже самые прямолинейные. Разве это не окольный путь, если в романе, скажем, написано: «Небо было чисто-голубым, когда господин NN вышел из дому»? Ведь господин NN всего-навсего пешеход. Он не летчик, который через летное поле направляется к месту стоянки самолета, он и не яхтсмен, шагающий к лодке перед регатой. Да какой же это роман без окольных путей и всяческих объездов!

Юрген Рогге из Нойкукова, находясь примерно в десяти километрах за Цинцеровом, местом жительства Вилли, Отто и Паулы, подъезжал к перекрестку как на шоссе, так и в нашем романе.

Случалось так и в прежние времена. В старинных былинах, в сказках читаешь порой об этом. Принц, скажем, или его младший брат, которого все всегда считали дурачком, приближается к перекрестку, обозначенному всевозможными указателями, иногда даже ярко раскрашенными. «Пойдешь налево,— написано на одном из них,— пойдешь по красивой дороге в городок. Там царит райская жизнь, прямо с неба падают сахарные пряники, все сидят на пуховых подушках и так целый божий день. Пойдешь направо — тоже ничего плохого не случится с тобой, а после того как трижды три раза взойдет солнце, дорога приведет тебя туда, откуда ты пришел, как бы далеко это ни было. Но если ты хочешь добраться до яблоньки, на которой растут золотые яблочки, тогда следует тебе идти прямо. Но помни: впереди ждут тебя немалые опасности и препятствия — два великана, например, и оба людоеды, и у каждого по столетнему дубу в руках вместо дубины. И еще ждут тебя там пять отвратительных ведьм, которые, когда выйдешь ты на тропку, ведущую через болота, непременно напустят густого тумана; и еще повстречаются тебе дикие кабаны и единороги — это злонамеренные копыеносцы, им бы только кого-нибудь проколоть-просверлить! А под конец, перед самым деревцем с золотыми яблочками, встретишь ты чудовище, тридцатиголового дракона из тех... огнедышащих».

Но вернемся к современным перекресткам. На них одни названия городов, номера дорог да числа километров — все черным по желтому. И ни слова о великанах, злодеях, ведьмах, единорогах или о невероятных вознаграждениях, не говоря уже о говорящих вóронах, которые кричат тебе вслед последние предупреждения. С другой стороны, для Юргена Рогге (география — «отлично») его местонахождение было вполне ясно и определено.

1. Он — в ГДР.

2. Дорога, ведущая на север, приведет в Штральзунд и далее на лохматый остров Рюгген — и так до самого Засница.

3. Дорога на северо-запад пройдет через несколько городов и кончится в Рёригке. Это дорога к Сусанне.

Все так ясно и четко, что не надо даже на секунду задумываться.

Быстро отметив, что справа нет помехи и можно ехать, Юрген резко свернул на дорогу, ведущую в северном направлении...

«Куда это ты едешь, Юрген Рогге?» — спросил он себя.

«Еду-еду не свищу, а наеду — не спущу», — ответил он сразу.

«А тебе какое дело?»

«Не будь дураком!»

«Сам дурак!»

«Не видишь, что ли, куда я еду?»... и тому подобное.

И так до самой той минуты, когда он вдруг одновременно нажал на тормоз и дал газ и его моторизованный «козел», чихнув, заглох. Юрген соскочил и затеянный разговор довел до конца уже в заросшем травой кювете.

В этой дружеской беседе слово брали разные люди, высказывавшие много вполне разумных мыслей, вроде: «Никогда не выпускай цели из виду». Или: «Планомерно продвигайся вперед»... и все такое прочее. Но сколько они ни выдвигали аргументов, с одним из участников мы так и не справились. Этот со своей страстью заявил, что Засниц есть самый северный город республики, что до него рукой подать, и да падет позор на голову того, кто не стремится как можно скорей повидать самый восточный... западный... южный и северный город страны. Пингвин он — и только! Председательствующий сделал замечание: не следует, мол,

употреблять нецензурных выражений. Однако, как и все остальные участники беседы, констатировал, что самого-то простого так никто и не предложил! Бесспорно, Засниц — самый северный город республики. Разве не следует его посетить? Непременно следует. Итак, передать через все радиовещательные станции и дать объявление во всех газетах: «Отважный путешественник Юрген Рогге взял курс на северный полюс (в местном масштабе, конечно)». «Долой папоротники и мхи! Долой стихотворения, те, что без рифмы! Рёригк, я покину тебя! Засниц, я увижу тебя! Тру-ля-ля! Тру-ля-ля! Хорошо и даже отлично!»

В Заснице Юргену не повезло. Провал за провалом. И ясно это стало, когда он рано утром преодолел длинный подъем сразу после выезда из города. Впрочем, позднее, когда пройдет определенное время, ни о каком невезении, ни о каких провалах он уже не будет вспоминать. Позднее, годика через два, а то уже и через полгода, он будет говорить о Заснице совсем иначе. «Засниц? Когда-то я там переночевал в Доме моряка». Но может, он вспомнит и кое-какие подробности: «В этот дом далеко не всех пускали. Всю ночь там проговорили с одним штурманом...» Да-да, так оно примерно и будет. Что ж, и это правда, чистая правда! Он ведь действительно переночевал в Доме моряка. Не сразу, конечно. Нет, нет. Кто же это будет начинать с ночевки, если он еще до «Песочного человечка»¹ в чужой город приехал. Сначала он принял парад шведов. Туго пристегнутые к поролоновым сиденьям, они шурша катили от парома. Шуршали, правда, не сами пристегнутые шведы, а широкие покрышки автомашин. Но похоже это было, будто шуршали сами шведы, будто это сами шведы — существа с толстыми радиальными покрышками и сверкающими молдингами.

Потом он пешком спустился к волнорезу. Маленький мальчишка, обращаясь к своему отцу, все время тянул: «Па-а-па, па-ап!» Станным образом — отца это совсем не волновало. «Чудовище! — подумал Юрген. — Такого я сразу бы отправил в воспитательный дом!» Кого, собственно, — мальчика или отца? Папаша ведь тоже вызывал немалые подозрения. Он, видите ли, доказывал, что

¹ Передача телевидения ГДР, как у нас «Спокойной ночи, малыши».

крохотные рыбацкие лодки с отважными рыбаками на борту ходят ловить селедку не куда-нибудь, а в океан.

Юрген некоторое время шел за отцом и сыночком — ему было интересно, что этот «Па-ап» скажет про большие траулеры? Атомные ледоколы или ракетные крейсеры? Но к этому времени паром отчалил, и папаша с сыночком так припустились бежать к самому концу волнореза, словно их преследовали все дочери из «Лесного царя» Иоганна Вольфганга Гёте. На бегу папенька сумел достать из сумки фотоаппарат с огромным телеобъективом. А что, если этот папаша какой-нибудь особенно ловкий шпион? Всем ведь известно, что фотографировать на волнорезе строго запрещено!

Юрген еще подумал, не арестовать ли его, но потом решил предоставить это органам безопасности. Некоторое время он сидел на волнорезе и острым глазом морского волка долго глядел поверх волн в далекую даль... Должно быть, это выглядело очень здорово. Впечатление ослаблялось только тем, что на морской стороне полностью отсутствовали зрители и никому не суждено было полюбоваться, как это он сидел на волнорезе и как это он устремил свой взгляд в морскую даль.

Потом в маленькой побеленной ресторации, снаружи имевшей вид веранды без дома, а внутри — обыкновенной пивнушки, съел шницель, щедро упакованный в панировочные сухари и украшенный петрушкой с картофельным салатом. Пьяный лесник или егерь, сидевший за соседним столиком, все хотел ему продать сначала кольцо с печаткой, а потом даже складной велосипед. Что ж, лесники тоже люди, и почему бы им не хватить иной раз лишку? А вдруг это с горя? Может, у него околел старый олень с роскошными рогами или пришлось свалить семисотлетний дуб? За кольцо он запросил двадцать пять марок. Кольцо было большое, а из зеленоватого камешка, разумеется, если его снабдить соответствующей надписью, можно было бы воздвигнуть небольшой памятник для канарейки. Пфеннигов за восемьдесят Юрген купил бы его не колеблясь. Но лесник дешевле двадцати пяти марок кольцо не отдавал. Велосипед наличествовал в виде квитанции камеры хранения Грейфсвальдского вокзала. Сначала он стоил сто сорок марок, потом сто, а под конец — семьдесят две марки. Без

доставки, конечно. Когда лесник дошел до семидесяти двух марок, вмешался сосед по столику, и Юргену удалось незаметно ретироваться. Он снова поднялся в город, по дороге думая о том, почему это у лесника, пившего пиво в Заснице, складной велосипед хранится в камере хранения на вокзале в Грейфсвальде? Но так и не сумел ответить на этот вопрос. Жизнь — сплошная загадка!

Чуть было он в кино не пошел. Но в довольно большом и солидном для такого городка здании показывали картину «Умереть из-за любви». Такое название нокаутировало Юргена Рогге на месте. В голове у него гудело: «Умри из-за любви! Умри из-за любви!» И слышалась печальная мелодия, исполненная одинокой скрипкой... А правда, великолепная это была идея — посетить самый северный город республики! Почаще бы только это делать.

Напротив входа в кинотеатр стояло несколько скамеек, словно нарочно там поставленных, чтобы было где выплаться. Когда появился моряк, Юрген сидел там с вытянутой физиономией уже более получаса. Вид у моряка был загорелый, но табак он не жевал.

— Ну как? — спросил он. — Тоже на пенсии?

Моряк не только не жевал табака, но и вообще не походил на моряка. На нем не было ни тельняшки, ни капитанки, ни трубки в зубах. Одет он был в полосатую рубашку предпоследней моды и брюки с поясом из искусственной кожи. На ногах — вьетнамки без носков. Никаких «полундра» и тому подобного Юрген от него так и не услышал.

— Да нет, не пенсионер я, — ответил Юрген.

Моряк рассмеялся, так как ему и самому совсем недавно стукнуло двадцать два. И у того и у другого еще был хороший запас времени, а это, как известно, настраивает на веселый лад. Но разговор почему-то не завязался. Оба молчали. Минут семь. Моряк достал гребенку и начал причесываться. А Юрген, поведив своими выдавшими виды «кларками» по песку, хотел было уже уйти. Он подумывал о том, не забраться ли ночью в одну из пустующих пляжных корзин. Где-нибудь да должны они стоять. Морской курорт ведь! Недурно было бы провести ночь в двух сдвинутых пляжных корзинах под южным небом на берегу уснувшего моря. Чего там, совсем недурно! Шикарно было бы! Но тут моряк возьми да скажи:

— Нездешний, что ли?

Вроде бы и пора было об этом спросить. И вообще, где бы Юрген не появлялся, всюду его об этом спрашивали. Должно быть, в радиусе ста миль другого такого не найти! Но Юрген скромно ответил:

— Нет.

— В отпуске? — спросил моряк.

В отпуске? Что-то в этом роде, но уж, конечно, не то, что подумал при этом моряк. Он-то небось решил: папочка и мамочка сидят себе в профсоюзном доме отдыха и слушают лекцию на тему «Наши пернатые друзья». Ну, а сыночка отпустили погулять. На мороженое, наверное, дали. «Он же у нас сластена!» Ничего подобного!

— Нет, — сказал Юрген. — Так, поглядеть захотелось. Проездом вроде. Понимаете?

Моряк опять рассмеялся. Потом это случалось с ним еще много раз, но в этом месте это было второй раз. Он сказал:

— Проездом, говоришь? Неплохо. Отсюда ты хорошо до Кёнигштуля и Аркона¹ доберешься. А дальше — водичка. Гляди не утони!

К этому времени Юрген еще не знал, что моряк этот был действительно моряком. Будучи гениальным мыслителем и ходячим арифмометром, Юрген при слове «водичка» должен был бы задуматься: от моряка ведь следовало ожидать таких выражений, как «большая лужа», «море» или хотя бы «старик океан», но уж никак не «водичка».

Тут следует сразу сказать: не только с городом Засницем, но и со всем островом Рюгген Юргену действительно не повезло. Но как уже известно, он ничего еще не знал. А когда узнал — и это случилось несколько минут спустя, — он забыл про «водичку», ибо тем временем были произнесены великолепные, полнозвучные слова — «Дом моряка».

— Жилье-то у тебя есть? — спросил моряк.

— Пока нет.

— Пока, говоришь? Лучше б сразу сказал, что нет. Ты не найдешь здесь жилья. Разгар сезона!

Тогда Юрген поделился своими мыслями относительно

¹ Кенигштуль, Аркони — мысы на острове Рюгген (ГДР).

сдвинутых пляжных корзин. Моряк слушал его внимательно и в конце концов сказал:

— Корзины такие здесь есть. В сторону Мукрана. Если там не сидит уже какая-нибудь парочка и не целуется... А ты хоть раз ночевал в такой корзине?

— Нет, — ответил Юрген.

— Так я и думал, — сказал моряк. — Это только когда не попробовал, думаешь, что ночевать в них хорошо, а потом — ни за что! Будешь дрожать от холода, глаз не сомкнешь. Дело не стоящее.

«Такой всегда найдет что сказать. На почте, должно быть, работает. Окно № 2, — подумал Юрген, — а то и официантом в гостинице «Митропа»¹. Шведам виски подает, а дома сидит укутанный пледом с электроподушкой на ногах. Мягкотелый тип!

— Дело не стоящее, — сказал моряк. — Пойдем со мной в Дом моряка. Койка Брюдигама все равно свободна — у него невеста в Заграде. А багаж-то твой где?

Вместе они зашли на вокзал, достали из ящиков-автоматов ободранный и помятый чемодан и спортивную сумку. Съели две черные и холодные котлеты, выпили по кружке пива и так шаг за шагом добрались до Дома моряка. А моряк-то оказался настоящим моряком. Его рыболовный траулер стоял у погрузочного причала, принимал на борт помидоры, матросский хлеб и другой груз. И Брюдигам, должно быть, действительно уехал к невесте — койка его стояла пустая. Все это было точно так, как говорил новый знакомый. А может быть, все-таки и не так? Может быть, этот Брюдигам, которого Юрген так и не увидел, был гораздо интереснее — настоящим опытным моряком, не то что его знакомый по скамейке у кинотеатра. Может быть, он рассказал бы что-нибудь о Нептуне, о водяном, о Бермудском треугольнике, о причудах капитанов и таинственно исчезнувших кораблях.

Юрген и сам себе иногда представлял, как он неожиданно оказался на японском судне, по загадочным причинам покинутом командой... Уже многие сутки корабль

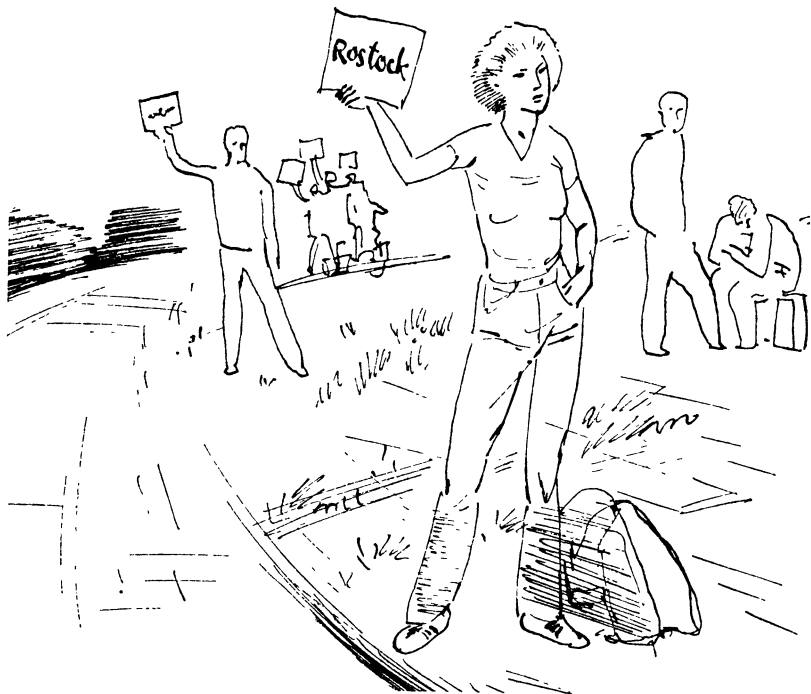
¹ «Митропа» — объединение гостиниц и ресторанов, обслуживающее в основном пассажиров воздушного и железнодорожного транспорта в ГДР.

дрейфует по необозримым просторам Тихого океана. В трюме полным-полно транзисторов, магнитофонов и портативных цветных телевизоров. Все японского производства. А еще там шикарная капитанская каюта. И горючего для дизелей судовой электростанции хоть отбавляй. Отличнейший корабль! Жаль только, что в судовой библиотеке все книги на японском языке...

А его моряк ничего о Нептуне, о таинственном синем огоньке на самом кончике грот-мачты не рассказывал. Разве что назвал несколько морских отмелей у канадского побережья, где они брали сельдь. Да и то эти названия в его устах звучали не иначе чем Шверин, Росток, Гюстров. А потом он дал понять, что ничего приятного нет, когда тебе ночь напролет надо вкалывать на палубе. По пояс стоишь в скользкой рыбе, кругом мокрые сети, канаты, ветер воет, и корабль идет по большой волне... Но с другой стороны, у них и кино на борту показывают, и зарабатывают они неплохо. А иных укачивает. Морской болезнью болеют.

Но в основном моряк совсем по-сухопутному рассуждал на тему получения квалификации и соответствующего разряда. Это его больше всего волновало. Не ради золотых лычек на погончиках и не ради денег. Он даже потерять готов был. Если он, Юрген, правильно понял, то этот моряк даже злился, что сельдь, да и вся рыба, плавает в океане и так далеко от рыбокомбината. За ней с сетями, видите ли, приходится гоняться, на каких-то там мелях, а затем ножами разделявать, как какому-нибудь охотнику или грибнику. В двадцатом-то веке! Он прямо одержим был идеей все механизировать, автоматизировать! Потому и хотел учиться.

Что ж, ничего плохого в этом не было. Но лучше бы ему выбрать что-нибудь другое. В связь пойти или в пищевую промышленность. Там много чего можно пооткрывать и изобретать. А иначе рыболовецкому делу грозят немалые опасности — уйдут из него парни, и останутся одни полные дамы пожилого возраста, или оно перейдет народным предприятиям по промышленному выращиванию цыплят, по совместительству, конечно. Слава богу, пока до этого еще не дошло. Нет, не настоящий ему попался моряк, не та квалификация!

Недалеко от развилки, в конце длинного подъема, на свежем утреннем ветру заняли свои посты голосующие. Те, что автостопом хотят ехать. Юрген одну за другой читал их вывески, а они смотрели на его вывеску. А может, и не смотрели. У этих ребят взгляд особый, избирательный. Все внимание направлено на транспорт, который может и даже хочет их подвезти. Например, на вымытый до блеска, сверкающий хромом «трабант» они взирают с меньшей надеждой, чем на покрытую пылью «ладу», за рулем которой сидит человек артистического вида. Этот наверняка не прочь скрасить свое путешествие беседой со случайным спутником. Зазывно они поглядывают и на «Запорожец», владельцы коего любят продемонстрировать, как лихо, вопреки всем наговорам и слухам, способна передвигаться эта машина. Самым загадочным в этом смысле следует

считать автомобили марки «Вартбург» — на них кто угодно может ехать: и бургомистры, и пекарских дел мастера, и каменщики, и педагоги, и пианисты, и подполковники...

Но фиксируются ли их сетчаткой мопеды, собачьи упряжки и вьючные ослы, пожалуй, никто не может сказать. Сам-то Юрген зафиксировал всех голосующих. Фиксировал и думал, что они все похожи друг на друга, как похожи индейцы одного племени. И почему-то все девчонки казались хорошенькими. Или это только хорошенькие выходили вперед? Может, они хорошели оттого, что голосовали на обочине?

С определенностью этого тоже нельзя было сказать. Сусанна Альбрехт, например, с каждой страницей классного сочинения делалась красивей. И это он не раз наблюдал своим непредвзятым взглядом. Точно. Он поворачивал голову и видел, как нос делался тоньше и как-то изящней, губы влажно алели, глаза расширялись. Уши розовели. Нет, правда.

Потом он въехал на дамбу, соединяющую большую землю с островом Рюгген. А чуть позднее это и случилось. И на то и на другое Юрген вполне рассчитывал. Он был почти уверен, что за ночь никто за ним дамбу не разрушит. Но что у его транспортного средства на долгом пути до Новосибирска что-нибудь да сломается — к этой мысли он давно привык. Однако, что эта поломка будет такой идиотской — этого он уже никак не мог предполагать.

Он ехал по краю шоссе, солнце сияло с небесной высоты, и у самого края, почти на обочине, валялась брошенная доска, в которой торчал очень длинный, тонкий и острый гвоздь. «Надо же! — еще успел подумал Юрген, — лежит себе старая, расщепленная доска и с таким длинным и тонким гвоздем!» И еще он успел увидеть, не без удивления, между прочим, как переднее колесо коварно и своевольно направилось на этот самый гвоздь, и опомнился уже тогда, когда зашипела покрышка и мопед, несколько раз подпрыгнув, остановился.

Переднее колесо было сплющено, как никакое другое в мире!

Но на это никто смотреть не хотел, и меньше всех Юрген Рогге из Нойкукова. Сперва он взглянул вверх — нет ли поблизости стервятников? Пристально посмотрел

и на молодой сосняк — не смеются ли там олени себе в кулачок? Схватился и за голову — надо же было проверить: на месте ли она? Потом вспомнил монашку на велосипеде, которую совсем недавно, до наезда на гвоздь, обогнал. Он оглянулся: вон выезжает что-то черно-белое из-за поворота, решительно давит на педали и подъезжает все ближе и ближе на отлично накачанных покрышках...

Юрген закатил «козла» на крутой откос, да так, чтобы переднее колесо было скрыто от чужих глаз, а сам спрятался в соснячке, заняв наблюдательную позицию. Кто их знает, этих монашек? Еще соскочит и начнет осенять тебя крестным знамением, а то и пригласит пойти в монастырь. Но монахиня, даже не взглянув в сторону лежащего на откосе транспорта, а устремив взгляд строго вперед, прокатила мимо. Облачение ее оказалось хорошо приспособленным для использования попутных воздушных течений. Вот ее уже и след простыл.

Юрген лежал и высматривал из-под маленькой сосенки, не приближаются ли еще монашки. Появление их позволило бы ему подольше полежать в соснячке. Но разумеется, ни одной новой монахини не показалось на шоссе. Да и откуда бы им взяться, с неба, что ли? А почему бы и нет? Оттуда-то уж скорее всего. Чуть было он и правда не посмотрел на небо, но вместо этого принялся кататься по сухой траве. Правда это не помогло ему избавиться от назойливых мыслей о ближайшем будущем. Надо же было что-то предпринять. Ну, это понятно. Но надо же и других людей привлечь — скажем, какого-нибудь рыжего или лысого дяденьку. Может быть, и какую-нибудь толстую или, наоборот, худую тетеньку. Этот последний вариант был, пожалуй, хуже.

У него же не было запасной камеры! Только логарифмическая линейка!

Ничего не стоило представить себе, как будут развиваться события в дальнейшем.

«Что-что? У тебя нет запасной камеры?»

«Нет, что вы! У меня только логарифмическая линейка».

«Что-то? Логарифмическая линейка? А камера?»

«Нет, камеры нет».

И вот уже по всей округе распространилась весть

о странном типчике, который на таком-то и таком-то километре сидит в кювете. У него прокол, а камеры нет. Группа ребятишек из детсада приедет к нему на экскурсию, юные пионеры будут изучать его биографию, художники запечатлеют его на холсте («Портрет сидящего юноши без запасной камеры», гуашь). Ветераны станут советовать, расскажут, как они выходили из положения в 1429 и 1732 годах... Но что бы там ни было, а жизнь продолжается. До сих пор всегда так бывало. Так уж на свете все устроено.

Устроено-то устроено, но, должно быть, случаются и заминки. На шоссе ни души, никто не едет, не идет, не летит и не скачет на коне. Впечатление такое, будто вся округа вымерла, и самым громким сейчас было жужжание мух и жуков. Муравьи переговаривались друг с другом: «Это не вы тут кошелечек уронили?», но гораздо тише, чем жужжали мухи,— у муравьев ведь очень тонкий голосок, если судить объективно, конечно.

Итак, наступила тишина. Но очень не надолго — страна-то маленькая! А машины с хлебом, выстиранным бельем, монашки-велосипедистки, моторизованные бригады «Свободного дня», многочисленные делегации, тренирующиеся марафонцы и, возможно, даже один или два шпиона наверняка ежеминутно передвигались по ней. Стране нужны были все улицы и дороги, и даже такие латано-перелатанные боковые, по которой он ехал с утра до прокола. Она была обсажена яблонями. Не то чтобы ему очень хотелось яблочка, и уже во всяком случае, не такого — ядовито-зеленого цвета и жесткого, как примерзшая к вокзальной скамейке жвачка. Нет, яблоки были явно несъедобны. Да и не похоже было, что они когда-нибудь станут съедобными. Во всяком случае, Юрген не намеревался дожидаться этого. Но ему все равно было приятно, что дорогу окаймляют яблони, а не какие-нибудь бетонные столбы или мраморные статуи. Почему-то все вокруг напоминало сказочную страну Шларафию. Юрген ведь был за эту самую Шларафию. А ведь есть люди, которые не признают такой страны. Учитель родного языка Панель из Нойкукова, например, хотя он регулярно и съедает бесплатный школьный завтрак, не признает. Не обязательно ведь, чтобы тебе сразу сорок жареных голубей в рот залетело. Достаточно и четырех голуби не бройлеры, мяса

у них не так-то много. Ну а овощной салат — это уж для здоровья! На картинах про эту Шларафию всегда показывают, как там лежат кверху пузом какие-то толстяки, ленивцы и дурачки. Должно быть, художникам воображения не хватает. Нарисовали бы, как в эту Шларафию толковые ребята попадают и что они там делают...

Яблони, должно быть, сами понимали, что ничего путного они не произведут. Несколько километров, и они кончились. Потом он проехал огороженные пастбища. Но коров не было видно. Должно быть, отправились купаться на Черное море. Здесь ведь только и растет, что этот лесок, а он, Юрген, лежит на животе и ему так хочется, чтобы время остановилось! Хотя бы на месяц или на два...

Однако время не остановилось. Оно-то подвигалось вперед. Сначала в образе крепкого старика. Словно медведь, старик пробирался через молодой лес, и, только когда он уже вышел, Юрген увидел, что это был человек. Но первое впечатление — медведь, да и только! Спина широченная, плечи мощные, покатые, руки — будто лапищи. Спокойно так он раздвигал и отодвигал все, что было на пути, приговаривая: «Н-ну, н-на», как будто уговаривая ветви и сучья уступить ему дорогу. На этом человеке-медведе были очень широкие брюки. В прежние времена, когда еще не был изобретен паровоз, они, должно быть, были синие, теперь же они были совсем неопределенного цвета и пристегнуты парой помочей, тоже широких и в полоску. Подстраховывал их старый, потрескавшийся кожаный ремень. Нельзя было даже представить себе, что на нашей маленькой планете нашлись брюки, которые этакому детине были бы велики. Но вот, оказывается, нашлись! Кроме брюк, на нем была еще нижняя рубашка цвета промокашки, с белыми пуговицами, какие пришивают на пододеяльники и наволочки. Юргену были хорошо известны домашние брюки отца, но что-то он не помнил, чтобы они ему нравились, а на «медведе» понравились. Всякие там новомодные «Юмо», «Презент-20» и тому подобные ничего не стоили по сравнению с ними.

Юрген присел. Утомительно, оказывается, было, лежа на животе, смотреть вверх. Да и неприлично, когда гости! А человек-медведь (сколько ему дашь — семьдесят шесть или восемьдесят два? — старики ведь начинаются пример-

но с тридцати) не сообщив о себе никаких сведений, не спросив ничего и не представившись, тоже сел на серую сухую травку. Покряхтел, правда, усаживаясь поудобнее. Потом вытащил носовой платок величиной с хорошее посудное полотенце и вытер им вспотевшее лицо, да так, что любой актер, лауреат национальной премии, которому поручено изображать утирающегося старика, позеленел бы от зависти. Бывает же такое! Потом вытер и шею. Снова покряхтел и спросил:

— Хоть один гриб нашел?

— Не,— ответил Юрген, несколько удивившись.

— Я тоже,— сказал старик,— сухота! Не любит гриб сухоты. Год не грибной. Но если подумать, не будем же мы им воду в лес таскать. Этого еще не хватало!

— Что верно, то верно! — сказал Юрген, хотя он не очень-то разбирался в грибах. Ему просто ничего другого в голову не пришло по поводу лесного полива лисичек. Папоротники и мхи — вот его будущее! И с ними он выйдет на мировую арену. Не с грибами ведь. Они же из другого семейства.

Старик посмотрел немного влево, потом вправо, будто ища что-то, и, так не найдя ничего, спросил:

— Транзистора нет у тебя?

Это еще что такое! Про чернику бы его спросил. Ничего подобного. Ни про какую чернику его не спрашивали, а очень даже определенно про транзистор. Странно.

Что-что? переспросил Юрген. — Что вы сказали?

Но старик опять за свое:

Где транзистор-то у тебя, спрашиваю?

А, вы вон про что! Дома он у меня.

— Далеко ли до дома твоего?

Километров сто пятьдесят. Это по прямой, конечно.

Чего только на свете не бывает, — сказал старик, с любопытством рассматривая парня, как будто тот неожиданно сделал сейчас что-то похвальное.

Лицо старика следовало отнести к закаленным всеми ветрами, водонепроницаемым, коррозиоустойчивым и ударостойким лицам. С носом, правда, когда-то что-то случилось, его когда-то оторвали, а потом не очень ловко приспособили доморощенным способом. Утверждение о том, что лицо было нечувствительно к ударам, оказалось неверным. Разве бывают такие лица, которые были бы нечувствительны к ударам? Самая обыкновенная палка тверже человеческого лица. Под доморощенным носом виднелись квадратные, совершенно белые усы. Вид у них был такой, как будто они выросли еще до того, как в моду вошли усы. Глаза у старика были светло-голубые и очень подходили к дубленой коже лица и седому ежику на голове. «Зачем они во все фильмы этого Жана Габена пихают? Вот этот старик прекрасно мог бы сыграть старого человека, за грубыми чертами которого скрыто доброе, здоровое зерно...»

— И магнитофона у тебя нет? — спросил он.

— Нет, — ответил Юрген. — Да и откуда? Мопед не автобус.

Должно быть, это старику понравилось. Может, ему сказать, что нет у него с собой ни саксофона, ни горной гаубицы, ни брикетного пресса? Да и запасной камеры, между прочим? Что ж, ничего тут не изменишь. Теперь и Юргену захотелось кое о чем расспросить. Например, нет ли у старика при себе жевательного или нюхательного табаку и раскуривает он табак от огнива или от спичек? Он спросил:

— Скоро тут деревня будет?

— Скоро, скоро, — задумчиво ответил старик. — Да нет, не очень скоро, километра три еще. Первый-то дом — дом Люттояна будет, а за ним еще хороший конец. А тебе туда, что ли, надо?

— В том-то и дело, — сказал Юрген. — Прокол, понимаете? Нужен таз с водой. Иначе ведь дырку не найти. Ну и все такое прочее...

— Тогда давай с тобой к Люттояну потопаем.

Осмотрев аварийное транспортное средство, он приказал снять переднее колесо, схватил своей медвежьей лапой руль и без всяких разговоров поволок «козла» за собой. Седая голова светилась впереди, шуршали широкие штаны, помочи натянулись, а Юрген плелся сзади с проколотым колесом.

«Внимание, слушайте все! — сказал он себе. — Чинить, паять! Чинить, паять! Но я только ученик по этому делу».

Они шагали некоторое время под голубым небом. Затем лес, росший по сторонам шоссе, кончился, пошли луга, и очень скоро, сразу за поворотом, показалось странное сооружение, которое старик и назвал домом Люттояна. В самом доме не было ничего странного, стой он на ровном месте, в каком-нибудь Мальцдорфе или другом поселке на окраине большого города. Правда, был он построен весь из дерева и очень красиво раскрашен, особенно ставни — они были светло-зеленые и сверкали, будто совсем новенькие. Рубероидная крыша поблескивала серебром. А уж занавески на окнах были белее снега. И бузина пахла так, как она одна только пахнет. Правда, все было хорошо и прекрасно, но казалось удивительным потому, что дом ни с того ни с сего вынырнул из-за поворота и вокруг простирались одни выгоны. Бесконечно огороженные выгоны и слева, и справа, и позади. Будто в сказке, где за ночь исчезают дворцы и замки, а король на следующее утро себе локти кусает. Аладдин со своей волшебной лампой это здорово умел делать. Но как же это Люттоян такое сотворил и сразу целую гору впридачу? Дом-то действительно на горе стоял. Если, конечно, по правде, то гора эта была не выше двух метров. Но на фоне гладких, ровных лугов казалась даже невероятной, прямо чертовой горой. Не чертовой она была, конечно, а делом рук человеческих.

Ровная такая, с гладкими откосами, покрытыми дерном, а сверху аккуратно срезана — это чтобы дому было где стоять. Такой горы ни один черт не придумает и не сотворит. Черт — он спешит вечно, делает все со зла, и получается у него все вкривь и вкось. Но это тоже бывает неплохо. Какое-нибудь косенькое и кривенькое озерцо — оно красивее ровного и круглого. Спереди к дому вели каменные ступени, четыре или даже шесть, справа и слева росла трава. Вели ступени до самой калитки палисадника. На овальной эмалированной табличке затейливыми черными буквами значилось: «Карл Фридрих Люттоян».

Это я и есть, — сказал старик, показав огромным большим пальцем на табличку.

«Вот, значит, кто такой Люттоян!» — подумал Юрген.

Миновав кусты бузины, они вошли в дом. Люттоян — невозможно было даже про себя называть его Карлом Фридрихом — прислонил мопед к пропитанной дегтем черной стене сарая.

— Пусть пока постоит, — сказал он Юргену.

Из-за угла на прямых лапах вышла старая-престарая овчарка с совсем уже белой мордой. Должно быть, поглядеть хотела, что тут и как. Потом, вспомнив, что она сторожевая собака, словно бы прокашлялась разок-другой.

— Ну, ну, и тебе, значит, поговорить хочется, — сказал Люттоян.

В дом они вошли через кухню, как оно и положено в Мекленбургском краю. На кухне не видно было ни одного электрического прибора. Вот уж откуда по телеку никогда не будут вести прямой передачи: «Соковыжималка нашей фирмы как никакая другая выжимает морковный сок...»

Ясное дело, что не будут. Но все равно это была отличная кухня. За столом могли усесться не меньше шести тяжелоатлетов и свободно орудовать ножом и вилкой, не подвергая друг друга никакой опасности. Ну а если горшки и сковородки, которые стояли на плите, наполнить всякой едой, то можно и сытно накормить этих парней. И все же кухня была не только большой — она была и маленькой. По вечерам, например, она делалась меньше. Лампа, висевшая над столом, была снабжена нехитрым, однако эффективным механизмом: бери ее за абажур и тяни вниз, сколько тебе желательно. Желтый теплый свет осветит неболь-

шой кружок, а ты сиди себе в этом кружке, разбирай марки или чисть грибы, а то и читай о путешествии на Северный полюс или «Всадника на белом коне» Теодора Шторма.

«Всадника»-то прежде всего! Но об этом впереди. До вечера еще далеко, и до «Всадника на белом коне» тоже.

Сейчас еще светло как днем на этой кухне, и рядом с умывальником легко можно прочесть транспарант, хотя буквы на нем очень затейливые: «ВОДЕ СКАЖИ СПАСИБО КОЛЬ ЧИСТО ВСЕ И ЛЮБО!» Не хватало, правда, запятой, но сам лозунг был ясен, и транспарант, конечно, был не транспарантом, а так называемым вышитым подзором. Он как бы начальствовал над другим полотенцем, покрывал его, как занавеска. А вот вышитые на подзоре голубыми нитками слова были действительно как лозунг на транспаранте.

Человек-медведь Люттоян решительно стянул с себя выцветшую рубашку, подошел к крану, открыл его так, что вода била, как из брандспойта, и принял, можно сказать, слоновый душ. Он хватал воду горстями, словно ковшами, швырял себе в лицо, прижимал к груди, набирал в рот, полоскал горло, нагибался еще ниже, пускал целые ручьи через лицо на спину, кряхтел, чудовищно стонал и торжествующе фыркал. Однако вода, пройдя путь по просторному телу Люттояна, стекала на пол, и тут-то Юрген сообразил, что в доме Люттояна нет фрау Люттоян. Подобное бесстрашное и беззаботное обращение с водой иначе никак не объяснишь. Но надо сказать, что великолепному полу этой великолепной кухни вода была нипочем. Он был выложен красными, как кирпич, плитками с желобками. Вода собиралась в желобках, и весь пол напоминал озерную гладь, подернутую легкой рябью. Конечно, красиво! Но найдите такую хозяйку, которая терпела бы, чтобы у ней на кухне озера разводили! «Этого мы еще, так сказать, не достигли,— сказал бы учитель обществоведения Левкнехт.— Этого мы достигнем только при коммунизме, так сказать, в бесклассовом обществе». Во здорово, правда?

Люттоян набрал еще два ковша воды, выплеснул их на себя, отодвинул упомянутый транспарант или подзор, схватил из-под него полотенце и небрежно вытерся. Еще мокрый, очень похожий на водяного, он повернулся к Юргену и, приглашая его к умывальнику, сказал:

— Давай, если хочешь. Душа, как в городе, у нас нет.

Юргену очень захотелось умыться, во всяком случае, гораздо больше, чем возиться с камерой, резиновым клеем и вентилем. Умывшись, он поблагодарил и как бы про себя сказал:

— Воде скажи спасибо, коль чисто все и любо.

Но не совсем про себя он это сказал. Это был как бы пробный шар, пущенный в сторону Люттояна, — посмотрим, послушаем, мол, что скажет, когда ему вслух прочтут его собственные слова, вышитые на подзоре. Но Люттоян поднял свой огромный указательный палец и добавил к этой водяной строке еще одну:

— Вода наш друг, когда она укрощена, покорена!¹

Юрген, конечно, знал другой вариант: «Потому что без воды ни туды и ни сюды! Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!» Но его он сейчас не произнес. Беспардонным ему это показалось. Особенно «тра-ля-ля и тра-ля-ля»! В конце концов, он же был в гостях.

— Это и Шиллера и Люттояна, — сказал Люттоян. — А ты знаешь, откуда?

— Нет.

— Неужто? Вы этого уже не учите в вашей политехнической школе? — «Песнь о колоколе»! Небось таких длинных стихотворений теперь не пишут. Шесть страниц в мекленбургской хрестоматии «Родная речь». Или пишут?

— Понятия не имею, — сказал Юрген. — Этого еще не хватало: стихотворения на шесть страниц учить!

— Понятно. Теперь такие, значит, не нужны, — сказал Люттоян. — А звучит-то как! «Вода наш друг, когда она укрощена, покорена!»

— Это вы вместе с Шиллером сочинили? — спросил Юрген. Интересно было узнать. Да и надо же было как-то дальше двигаться.

Люттоян немного смутился:

— На самом-то деле об огне, о стихии речь. Когда колокола льют, там ведь огонь, тепло все решает. Потому Фридрих фон Шиллер так об огне и написал. Но для воды это вроде еще больше подходит. Если подумать, конечно.

Никакой охоты подумать об этом Юрген не ощущал.

¹ Перевод Б. Заходера.

Но хотел он этого или нет, он вдруг увидел перед собой огромную плотину мощной электростанции. Ничего не скажешь слова точные!

Вот, к примеру, снова начал Люттоян, подняв свой двестиграммовый палец, будто зная, — к примеру, «м е л и о р а ц и я».

Чего? — спросил Юрген.

Люттоян, чуть опустив палец, заговорил:

Под мелиорацией следует понимать систему организационно-технических мероприятий для коренного улучшения неблагоприятных природных условий мелиорируемых земель путем регулирования их водного режима и обеспечения повышения плодородия почвы. К мелиорации относится осушение и орошение почвы, регулирование рек и поверхностного стока воды, укрепление сыпучих песков и оврагов. Мелиорация путем осушения, орошения, а также глубинной обработки, как мелиоративная пахота, устройство дамб и террас, защитных сооружений против ветровой и водной эрозии имеет большое значение.

Все это Люттоян произнес почти скороговоркой. Большой и сильный этот человек, должно быть, боялся заблудиться среди всех знаков препинания. Но все же можно было уловить, что сыпучие пески и овраги его мало занимали. Зато осушение и орошение даже очень, и особенно регулирование водных стоков, устройство дамб и других оградительных сооружений.

— Вы здорово в этом разбираетесь, — сказал Юрген. — Прямо наизусть шпарите.

«Что это я мелю? — подумал он. — Нелогично же получается. Или он шпарит наизусть или здорово разбирается. Правда, те, кто действительно хорошо разбираются, — тут же подумал он, — к примеру, Юрген Рогге, тоже кое-что и наизусть шпарят. Теорему Пифагора, например, и еще кое-какие формулы. Ничего плохого в этом нет. И хорошо соображающему это вполне к лицу. Плохо, когда не соображающие ничего вызубрят наизусть, — вот тогда беда!»

Люттоян, совсем опустив свой огромный палец, сказал:

— Я только насчет отводных и обводных канав соображаю.

После того как Юрген тоже устроил небольшое наводнение и испробовал фыркание и прыскание, найдя его от-

менным, у него пропала всякая охота покидать дом Люттояна раньше самой поздней осени, во всяком случае, до начала больших дождей и ночных заморозков или всем известных великих мекленбургских снегопадов! В общем, до начала следующего периода оледенения. «А что, куплю себе такую же нижнюю рубашку, подтяжки и буду сидеть в этой чудесной кухне, беседовать о мелиорации и время от времени устраивать небольшое наводнение. А то пойдем прогуляться с Люттояном и выкопаем канаву поперек великих лугов и выгонов. Дома, конечно, возникнет переполох. Вот удивятся все эти тренеры, профессора, родители, братья, сестры и Августин! Да и все красавицы-девчонки, а больше всех — Сусанна Альбрехт...»

— Что ж, пора мне вроде! — сказал он вдруг.

— Поесть сперва надобно, — сказал Люттоян. — Чего бы такое нам съесть? — Он внимательно оглядел большие черные горшки, стоявшие на плите, будто крупнотоннажные танкеры в порту.

«А ведь правильно, хорошо бы поесть», — подумал Юрген. Правильным он нашел бы теперь все, что позволяло ему остаться в этой кухне. Например, правильным было бы соткать семиметровый ковер. Но ковер этот пусть Люттоян сам отнесет на выставку работ «Мастера будущего». «Это произведение знаменитого Юргена Рогге. К сожалению, сам он не мог прийти — болен, высокая температура, понимаете...»

Тут Люттоян хлопнул себя по лбу, что при ковшеподобных, лопатообразных лапищах было небезопасно, если, конечно, голова недостаточно велика и крепка.

— Погоди-ка, — сказал он. — Забывать что-то стал. Но мелочь всякую вроде бы хорошо помню...

При этих словах он открыл в коридорчике люк, спустился вниз и долго там что-то ворочал. Юрген уже решил, что внизу у него шахта, а то и целый рудник. В конце концов на свет явился огромный глиняный горшок с роскошным вишневым супом и другой, с манным пудингом. Почему-то Юргену это показалось гораздо интереснее, чем если бы из глубины подняли вагонетки цветных металлов и железной руды высокой концентрации. Кое-кто действительно мог бы сейчас задаться вопросом: почему всякие царствующие особы и монополисты-империалисты предпочитают

ют на званных обедах заливного поросенка и фаршированных фазанов вишневому супу с манным пудингом? Да, да, Юрген кое-что слышал об этом. Но, может, они секретничают, хитрят? Кто их знает! Ну и пускай! Ни Рогге, ни Люттоян отнюдь не бедствуют, и жаловаться им, собственно, не на что.

А вдруг все эти коммерции советники и графы вовсе не секретничают? Может, они и не подозревают о существовании такого блюда. Может, им их повара и камердинеры ничего не говорили про вишневый суп с манным пудингом? А вот Юрген и Люттоян сидят себе посиживают в большой кухне и большими ложками уплетают вишневый суп с пудингом, в то время как несчастные господа должны мучиться, глотая всяких устриц и перепелиные яйца. Может ведь так быть? Однако не следует забывать, сколько на свете всяких предательств и измен. Великая тайна вишневого супа!

Ну, как, Юрген Рогге, здорово жарко там на улице?

Наконец великие супоглотатели положили ложки на стол и победоносно отодвинули тарелки.

— Так жить можно, — сказал Люттоян.

— Согласен, — сказал Юрген. — И спасибо большое. Очень вкусно. Спасибо.

— Чего там говорить, — сказал Люттоян, — вишню эту генерал какой-то в Европу завез. Лукуллом звали. Плиний пишет.

— Кто-кто? — спросил Юрген.

— Плиний, — повторил Люттоян. — Плутарх — тот ничего об этом не пишет. Должно быть, считает, что пустяки все.

— Это греки, что ли? — спросил Юрген. Всех-то он тоже знать не мог.

— Вроде бы римляне они, — сказал Люттоян. — Правда, слово «керозос» это по-гречески, а от него слово *Kirsche* (вишня) и происходит. Честно говоря, все это я вычитал в энциклопедии у старого Тидемана. Энциклопедия Майера 1898 года. Но ее можно было бы и словарем Плюкхана назвать. Ты только представь себе, больше пятидесяти лет я к нему хожу и каждый раз семь километров. Три с половиной туда и три с половиной обратно. Читать-то у него можешь сколько хочешь. Мятного чаю дадут. Но прежде

велят руки помыть. А так хоть всю ночь читай. Безвозмездно, как старый Тидеман говорит. Но не подумай, что хоть одну книжку он тебе с собой даст. На один день и то не даст, ни-ни! Хоть ты его лучший друг — не даст! Я, к примеру, лучший друг ему, но на вынос не даст! Это он клятву такую дал Плюкхану, когда тот на смертном одре лежал.

Может, этой клятвы и не было, но Тидеман так говорит, он у нас всякие словеса любит. Не, не, не торопись, сиди! Я сейчас тебе картинку принесу. Посмотреть картинку — на это у человека всегда время найдется. Погоди, посиди тут.

— Ладно, — сказал Юрген.

Время-то у него было. Немного-то он, конечно, удивился. Вишневым суп они тут ели. Тарелки и горшок тут стоят. И точно ведь Kirsche происходит от греческого керозос или что-то в этом роде. Плутарх этого не знал. Плиний знал. Может, правда, и наоборот. Но кто этот Плюкхан? И так называемый старый Тидеман? У этого вроде бы своя библиотека. Но такая библиотека, где книг домой не дают. Ни на один день не дают. Зато чай дают. И всю ночь читать можно. Да, есть тут чему подивиться!

Так-то он думал, когда Люттоян вернулся и снова сел за стол — в одной руке коробка из-под сигар со всякими цветными наклейками, в другой картонка. Из коробки, немного порывшись, он достал старую фотографию, а из картонки — тонкую сигару. Ткнув сигарой в снимок, он сказал:

— Гляди! Вон он, Плюкхан! Чахоткой страдал. И немного сумасшедший был. Однако заразить никого не заразил. Разве что Тидемана и Люттояна. Но не чахоткой. Не-е...

Фотография, правда, была очень старая, выцветшая и совсем желтая. Плюкхан стоял слева у самой рамки перед обшарпанными кирпичными домиками и, вытянув руку, указывал на шеренгу ребят, будто дирижер своим фаготистам. Особенно сумасшедшим он не выглядел, вот только вытянутая рука, когда надо стоять, спрятав руки за спину. Бедный больной человек, маленький и тощий. Костюм на нем висит как на вешалке. И усы какие-то ненастоящие. И те, на кого он так величественно указывал, тоже не производили лучшего впечатления. Круглоголовые, стриженные, маленькие человечки в длинных чулках и коротких халатиках. И зачем это Плюкхан на них так важно указывает? Может, они в чужой сад забрались, яблок много стащили? А этот, который поздоровее других, с чернильным крестом над стриженной головой, — главный вор и разбойник?

— Это наш класс. С крестом — это я, Люттоян, — объяснил Люттоян. — Полгода спустя Плюкхан и умер. На пасху это было.

— Зачем он рукой показывает?

— Привычка у него была. Привычка такая. Вечно на что-нибудь указывал: «Смотрите, вон там горизонт!.. Смотрите, это кучевые облака!.. Обратите внимание — брачная игра грачей». Всегда ему хотелось что-нибудь показывать. Здесь-то он уже совсем плохой. Но когда в 1907 году к нам приехал, другой у него вид был. Должно быть, костюмчик только что из паровой гладильни получил. А что пальто у него не было — этого сперва никто и не заметил, потому как в 1907 году весна рано наступила. Насчет пальто — это только после, осенью выяснили. Пасторша, вдова старого пастора, у ней он квартиру снимал. Так та в первый день, как он приехал, даже сказала: «Какой приличный молодой человек. И состояние, должно быть, есть». Это у него поклажа больно тяжелая была. Позднее-то пасторша ворчать принялась. Одни книги, оказывается, Плюкхан с собой привез. И тоже только двух сортов — энциклопедия Майера, двадцать один том и «Всадник на белом коне» Теодора Шторма, семь книжек. Уж под конец, когда Плюкхан скончался, она еще приговаривала: «Ничего-то он не умел, ничего-то он не имел, и ничего-то он не хотел». А сам Плюкхан — он книгами своими гордился. Когда он, значит, учительствовать к нам пришел, то первым делом нам, ребятишкам, велел всю эту энциклопедию в школу перенести и сложить на старом шатком столе. Встал, руку вытянул — показывал, значит, — и сказал: «Смотрите! Вот они — знания человеческие!»

Мы-то перепугались тогда. Корешки у книг кожаные, а сами книги — и красные, и синие, и золотые. Старый Тидеман и ныне каждые полгода их бесцветной сапожной ваксой чистит. А об этом он «при смертном одре» клятвы не давал. Один том этой энциклопедии тогда десять марок стоил! Потому на пальто ничего и не осталось.

Сам-то Плюкхан тогда еще был веселым человеком. Знаниям человеческим хотел он нас научить. Тут мы еще больше перепугались. Тидемана он тогда первым вызвал, потому как тот за чтение вслух всегда пятерку получал. И велел ему читать, что в этой энциклопедии про школу

написано. Самое начало я до сих пор помню. Правда, я и позднее в это место энциклопедии заглядывал. «Школа» происходит от греческого «схоле», латинского Schola. Дословно — досуг. Ученый досуг, изучение искусств и наук и литературных плодов их.

«Взглянем сюда, — сказал тогда Плюкхан, — страшного тут ничего нет. Речь о досуге, об искусствах и науках».

Мне-то хотелось, чтобы он нам объяснил, про какие такие там плоды говорилось. Маленькие мы ведь были. Что ни говори, а в школе у нас тогда никаких плодов не водилось. Но он ничего больше не сказал. Думаю, что самое важное он не всегда нам объяснял.

Люттоян раскурил сигару, затянулся и сделал такое лицо, как будто и сейчас еще думает: что это, мол, за плоды такие?

— А этот, — сказал он, — уши у которого торчат, это Тидеман. Он у нас первый ученик был — по чтению, пению и закону божьему. Но счет плохо знал. Тут я лучше его был. Плюкхан всегда на меня пальцем показывал и говорил: «Смотрите на него — это математик!» Но счет-то тогда у нас был простой: большая таблица умножения, малая, деление да умножение. Позднее он меня и уравнения научил решать, с двумя неизвестными которые. Но это уж черт-те что было! Во всей деревне только Плюкхан да я это умели. Вот однажды он возьми да скажи мне про Хауке Хайена¹. Сразу после того, как я эти уравнения научился решать. Я, значит, сказал: «Икс равен двадцати четырем». А он говорит: «Хауке Хайен ты!» Сумасшедший был человек этот Плюкхан.

Люттоян махнул рукой, как бы отбрасывая от себя сумасшедшего Плюкхана не менее чем на два световых года. Но, должно быть, не насовсем. Только так, ненадолго. Вот они уже и снова вместе, в этом странном и давным-давно ушедшем 1907 году.

— Не-ет, хотеть он хотел, — сказал Люттоян. — Иметь он ничего не имел. А хотеть — хотел. Хауке Хайена найти хотел. А ты-то его знаешь, Хауке Хайена?

¹ Хауке Хайен — герой повести Теодора Шторма «Всадник на белом коне», смотритель дамб и плотин. (Т. Шорм. Новеллы, т. 2. ГИХЛ. Москва, 1965.)

Юрген вздрогнул. Он все смотрел на выцветшую фотографию с тощим Плюкханом, крепышом Люттояном, Тидеманом с торчащими ушами... Смотрел, как на кинокадр, когда демонстрация картины на минуту остановилась... Вот-вот на тачанках примчатся красные матросы и лихо обратят в бегство всех угнетателей, как бы они ни прятались. А эти маленькие, с такими серьезными лицами человечки в халатиках закричат: «Ура-а-а!» Но здесь на кухне никто ведь кино не показывает. Тоже мне кино, когда тебе всякие вопросы задают. В такое кино и ходить не стоит. Заплатишь целую марку, а тебя в темноте из-за спины спрашивают: «Уж не трус ли ты, как вон та трусливая сволочь с длинными волосами?» Или: «Ты же предатель! Чего ты только не выдашь, когда тебе ногти вырывать станут». А то и такой вопрос: «Хауке Хайен — ты-то его знаешь, Хауке Хайена?»

Хауке Хайен. Глупо, правда, получилось. Он же правда знал его. Не очень хорошо, но знал. Не очень-то он ему нравился. А этому Люттояну он очень даже нравился. Люттояну нравится, а ему, Юргену Рогге, не нравится. Вот и готов компот! Так оно всегда и бывает, когда объявляются общие знакомые.

— Ну, да,— сказал он очень осторожно.

— Ну, да,— сказал Люттоян.— Ты же как раз в том возрасте. А его в школе проходят. Вот если бы Плюкхан жив был! Нынешние дети — им этот Хауке не очень-то нравится. «Старье,— говорят.— Сложно что-то». Я их и не спрашиваю больше.

Последние слова прозвучали даже печально. И это было непонятно Юргену. Не к лицу печаль Люттояну. Он же дуб кряжистый, а не плакучая ива! Юрген задумался, как бы ему что-нибудь бодрящее сказать, но вспомнил он только, что, когда по литературе проходили «Всадника на белом коне», он не очень-то высокого мнения был и о самом сочинении, и о его главном герое Хауке Хайене. Правда, старая какая-то история и довольно-таки запутанная. Они там собачку живую в плотину хотели закопать или дамбу? Ну да, в дамбу. Вот ведь суеверные люди какие были! Но по-правилось ему, что этот Хауке Хайен, смотритель дамб и плотин, собачку у них отнял. Потому его и невзлюбили все, кто закапывает живых собачек. Насколько он помнит,

никто этого Хауке Хайена особенно не любил. Кроме жены, конечно. А то бы она за него и замуж не вышла.

— Нам эта история про Хауке Хайена не казалась такой уж старой, — сказал Люттоян. — Правда, не казалась. Мы вроде ближе к ней были. Плюкхан — он говорил, что не повезло, мол, этому Хауке Хайену. Все ведь в конце концов плохо кончилось. «Вот если бы немного счастья ему подвалило, — говорил Плюкхан, — тогда бы много чего хорошего вышло». А вот Люттоян — он другое говорит. Люттоян — он прочитал все семь изданий, все семь книг про всадника на белом коне и говорит: нет, братец, не так это. Очень даже повезло Хауке Хайену. Счастливый был человек. Но умен больно. Время-то было глупое, а человек чересчур умный, а никак это не согласуется. Тут тебе никакое счастье не поможет. И повезло ему потому, что отец его не такой долдон был, как наш Тидеман. Он же евклидову геометрию читать Хауке давал. Старый-то смотритель, когда Хауке у него еще батраком работал, велел ему счет учить, а не навоз возить. Хауке потом и дочку в жены получил, и все наследство ему досталось. Хоть он сам ничего за душой не имел. Потом-то они все равно его смотрителем выбрали. Понимаешь? Где же это не повезло ему, спрашивается? Надо было ему чуть-чуть поглупее быть, все бы и обошлось. Умному-то ему в университеты надо было идти, а не жить в своей темной деревушке.

— А дамба-то его лопнула, прорвало ее, верно?

— Не спеши, — сказал Люттоян. — Какой у тебя балл по литературе?

— Пять, — ответил Юрген.

— Вот как! Неверно ты говоришь: его-то дамба выдержала. Его дамба — она и сегодня еще стоит целехонькая! — Люттоян, словно старый паровоз, сердито попыхивал сигарой; он и впрямь рассердился, будто он сам дамбу строил.

— Это с т а р у ю дамбу прорвало, — сказал он немного погодя, — которая рядом с дамбой Хауке стояла. Потому как разница между ними чересчур велика была. С новой-то большая вода не справилась, и вся сила ее на старую дамбу обрушилась. Вместе-то они совсем не подходили друг другу. И не в счастье или несчастье тут дело. Умен он слишком был, Хауке Хайен. Такому уму царем надо было быть или уж по меньшей мере великим герцогом. Тогда бы он мог

приказать сразу везде новые дамбы ставить. Но может быть, ему тогда, как герцогу, не было бы никакого интереса новые дамбы строить? Что там ни говори, а был Хауке всего-навсего сын мелкого крестьянина, бедняка.

— Общественные условия еще не созрели, — решительно заявил Юрген.

— Чего-чего? — переспросил Люттоян. — А, ты вон о чем! Видишь ли, вот этого Плюкхан и не учитывал. Этих самых условий. А были они такие, что и не скажешь даже какие. Ну а потому как Плюкхан не видел этих условий насквозь, он по-своему был счастливый человек. И всегда-то делом своим увлечен. Только когда помирать время пришло, он очень рассердился: не по характеру ему, видишь ли, это было. Энциклопедия еще совсем новенькая стояла, никто вроде и не пользовался ею как следует. Чахотка-то старика легко одолевала. В человеке еле душа теплилась. Совсем маленький он был. И делался все меньше, вроде высыхал. Прямо на глазах. Тогда-то он и сочинил свое сумасшедшее завещание. Тидеману энциклопедия досталась, но не в собственность. Вроде как в управление. Завещал Плюкхан, чтобы стояла она в доме Тидемана, а если кто о чем хотел справиться, того, значит, пускать, пусть, мол, читает. Послушал бы ты батюшку Тидемана — этот скорее бы козу в дом пустил, чем энциклопедию поставил. Больше всего хотел он эти книги продать. Не вышло у него. Тогда он ее на чердак отправил. Наш Тидеман неделю целую ревмя ревел. Потом взял да стащил в бусеровской лавке два шотландских джутовых мешка. Эти, которые совсем крепкие, двойные. В тринадцатом году, стало быть, батюшка Тидеман помер. В четырнадцатом мы опять достали энциклопедию — поглядеть, где это самое С а р а е в о? Мешки, правда, крепкие были. Энциклопедия хорошо сохранилась, словно новенькая была. Но вот что Сараево — это война, того господин Майер из энциклопедии Майера знать не мог. После той войны у Тидемана осталась только одна рука. Пошел на почту служить. Но энциклопедию мы в его доме расставили. Да никто в нее заглядывать не хотел, кроме самого Тидемана и Люттояна. И только еще один раз вдова коннозаводчика Фосса. Она слово такое «инфляция» хотела посмотреть. Но узнать так ничего и не узнала. Там только значилось, что это что-то американское.

У нас в Мекленбурге инфляция была другая. Вас-то про это в школе учили или как?

— Учили,— сказал Юрген,— на уроках истории.

— Да-да, уроки истории! — сказал Люттоян.— А у тебя что по истории?

— Пять,— ответил Юрген.— А вы сами, вы тоже наследство от Плюкхана получили?

Люттоян собрал тарелки и ложки, поставил всю посуду рядом с умывальником на табуретке, аккуратно прикрыл горшок с вишневым супом и отнес его в свою таинственную шахту. Потом снова сел за стол, закурил сигару и сказал:

— Ничего такого особенного. Семь книжек «Всадника на белом коне». И кличку в придачу. Но ее теперь тоже забывать стали.

Натянув широкие помочи, он громко хлопнул ими.

— Какая кличка?

— «Какая-какая!» Смотритель. Это ж сразу все подхватили. Потому как Плюкхан вечно про своего всадника на белом коне рассказывал и о том, что быть, мол, и мне смотрителем дамб и плотин. Голова у меня для этого подходящая. Под конец Плюкхану совсем худо стало. Жар у него лютый был. Тонкими, желтыми пальцами показывает и говорит: «Смотри, друг мой, море!» И все торопил меня, чтобы я дамбу скорее возводить начал. Очень хотелось ему, чтобы мне немного счастья подвалило. Повезло бы мне! «Да что вы, господин Плюкхан,— сказал я ему,— у нас тут моря никакого нет». А он мне: «Есть. Есть. Слышишь, шумит как!» Я ему: «Дорогой господин Плюкхан, не море это, а наш Плюмпер». Это ручеек у нас за околицей течет, понял? На самом-то деле это у Плюкхана все от высокой температуры было. Как у домового слух у человека должен быть, если он ручеек за околицей у себя дома слышит. Немало я страху натерпелся. Вот так-то я книги эти и получил. И кличку в придачу. Из-за нее у меня две невесты сбежали.

— Это как же? — спросил Юрген. Спросил, должно быть, неспроста: у него ведь тоже вроде бы невеста сбежала.

— А вот как. Злились девки очень. Придешь с какой-нибудь на танцульку — все сразу: «С м о т р и т е л ь идет! Смотрите, смотритель идет! Уступите место господину смотрителю! Рюмку водки не желает ли, смотритель?» Только

уж третья — та выдержала. И бог его знает, хорошо ли это было.

Но Люттоян превосходно знал, что хорошо. На его словно дубленом лице появилась улыбка, и он сам себе кивнул с признательностью.

— Тогда здесь как раз дело с лугами началось. Решили пастбище создавать. А Люттоян и сказал: нужна, мол, м е л и о р а ц и я. Это такое дело насчет воды и насчет земли. Но ближе к смотрительским делам никогда не подходил. Луг, правда, хороший отвоевал. На нем мы свой дом и поставили. Плюкхану это, может быть, и не понравилось бы. Он же хотел, чтобы я на белом коне окрест скакал или хотя бы следил, правильно ли профиля канавы выкопаны. Сумасшедший был человек. Мы-то были довольны тем, что имели.

Юрген посмотрел на довольного собой Люттояна и спросил:

— А горка — она всегда такая была? Кругом все ровно и плоско очень.

Немного смутившись, Люттоян потер большим и указательным пальцами нос, с которым ему когда-то чуть не пришлось расстаться, и сказал:

— Гора эта или горка, как ты говоришь, она гора в тысячу тачек. Из-за н а в о д н е н и я.

И он засмеялся от души. Юрген вслед за ним. Наводнения? Это когда могучий Плюмпер выйдет из берегов, что ли? Люттоян ладонью смахнул слезу.

— Да-да,— продолжал он, покачивая головой. Озорство это все, веселья ради. Был у нас тут обер-инженер один, господин Стетиниус, славный человек. Он подсчитал, сколько мне понадобится кубометров. Сам-то я не смог бы. Быстро у него это получилось, раз-два и готово.

Юрген только на минуту представил себе холм, поросший травой, и дом на нем под палящим солнцем и сказал:

— Ничего тут сложного нет. Думаю, что это усеченная пирамида.

— Точно,— сказал Люттоян, усеченная пирамида. Но ведь это тебе не кротовина какая-нибудь.

Да нет, что вы! Если бы он вам тогда формулу подсказал, вы бы и сами это подсчитать могли. Листок бумаги найдется у вас?

Минуту он напряженно подумал и быстро рассчитал несколько вариантов. Формулу, конечно, лучше всего проверять по учебнику. Но в этом доме, стоящем на усеченной пирамиде (из-за наводнения), никаких учебников не водилось. Юргену очень уж хотелось поскорее доказать этому обер-инженеру господину Стетиниусу.

— Все! — сказал он наконец. — Посмотрите. Вот так:

$$V = \frac{h}{3} \cdot (g_1 + \sqrt{g_1 \cdot g_2} + g_2)$$

и пояснил: — Вам тут только цифры подставить, и все пойдет как по маслу. h — это высота. Верно? А g_1 и g_2 — это обе плоскости. Сперва надо подсчитать все, что взято в скобки, а потом умножить на одну треть h . Ясно?

— А это что? — спросил Люттоян и попытался своим огромным пальцем мелиоратора и смотрителя дамб и плотин воспроизвести знак квадратного корня.

— А-а, вы про квадратный корень! Наверняка он сам их не высчитывал. Они в справочнике Шюльке приводят-ся. Его издают с 1895 года. Так в предисловии написано. Были бы у вас формула и справочник, вы все сами могли бы подсчитать.

— Ну ладно, — сказал Люттоян. — Он же это не со зла. Но ты вот скажи, какая у тебя отметка по математике?

— Пять, — ответил Юрген.

Насторожившись, старик посмотрел на него. А немного спустя как бы ненароком, как бы исподтишка спросил:

— А пение?

— Пять.

— Батюшки ты мои! — чуть не испугавшись, воскликнул Люттоян и так долго молчал, что Юргену стало неловко.

— Ты вот скажи мне, — спросил он очень тихо, — у тебя что ж, по всем предметам пятерки?

— Да, можно сказать, да, — ответил Юрген, сделав небрежный жест.

— С ума можно сойти! — сказал Люттоян. — Вот это да! Об этом даже громко не скажешь — Плюкхан в гробу перевернется. А родители твои? Отец твой что, пивом торгует или он адвокат?

— Ничего подобного. Он на железной дороге работает, сцепщиком.

Хитренько подмигнув правым глазом, Люттоян сказал:

Нешуточное дело это. Тебе, значит, теперь учиться и учиться. В высшей школе, значит? Надо же!

— Ну что вы, дедушка Люттоян, — сказал Юрген. Здесь же моря никакого нет...

Бог с тобой! Стыдно тебе смеяться над стариком. А завтра мы с тобой с утра к Тидеману пойдем.

Рано утром, в шесть часов, день был еще совсем свежий, словно новенький. Ангелы из сферы обслуживания — чистка, стирка, поливка улиц — за ночь развесили довольно большое количество росинок на траве. Птицы в этот час выступали со своими лучшими номерами.

Юрген, еще не очень проснувшись, обходил дом Люттояна, столь остроумно защищенный от наводнений. Диван в чистой комнате под полкой с семью книгами «Всадник на белом коне» был, конечно, больше приспособлен для сидения, чем для сна, но сниться Юргену все равно ничего не снилось. Он-то думал, что ему обязательно что-нибудь приснится. Должно быть, с годами человек видит все меньше снов. Когда Юрген был маленьким, то ему казалось, что он всегда видит что-нибудь во сне.

Престарелый пес с трудом выбрался из конуры: надо же поглядеть, не утащили ли за ночь дом и все хозяйственные постройки.

— Иди, иди в дом! — крикнул Люттоян из кухонного окна. — Яичню жарю. Три яйца хватит?

Потом они довольно быстро заклеили камеру, смонтировали и поставили колесо. Люттоян еще спросил, выдержит ли такой стальной конь его, Люттояна? И Юрген настоятельно упрашивал его попытать счастья.

— Нет, лучше не надо, — сказал Люттоян и даже отошел на шаг. Он еще посоветовал Юргену до смерти не убиваться, защитный шлем завести. Голова, мол, человеку нужна очень.

У Тидемана все еще торчали уши, как на старом снимке. Но вообще-то казалось, что он стал меньше. Голова была

обтянута голой кожей и еле держалась на тоненькой шее. Воротник рубашки был слишком велик...

Привел вот к тебе,— сказал Люттоян.— По всем предметам пять. Погляди на него! В жизни такого больше не увидишь.

Тидеман сказал:

— Здравствуйте!

И кого бы ни привели к Тидеману в дом — чемпиона мира по stokлеточным шашкам, мастера-плиточника или мальчишку, у которого одни пятерки, — прежде всего надо сказать «здравствуйте».

Ах, Тидеман, Тидеман! Хотя ты и украл два джутовых мешка и был первым учеником по родной речи, просидел ты всю жизнь сиднем в своей комнатухе, все ждал, когда зайдут люди, жаждущие знаний. А они так и не пришли! Только один раз Тидеман покинул свой дом, и сразу же ему руку отстрелили. И вот теперь он первый человек на счет «здравствуйте». Люттояну больше повезло: он собственноручно соорудил усеченную пирамиду, так славно защитившую дом от наводнений. А сколько канав вдоль и поперек лугов проложил? И смотрителем был. Правда, моря не было. Так сказать, без моря смотритель. Ох уж эти Тидеманы, Люттояны и Плюкханы! Могут они человеку на строение испортить. Главное-то, оказывается, в том, что само по себе в жизни ничего не дается. А с другой стороны, как ты ни старайся, тютелька в тютельку по-твоему не получается. А если...

Визжат тормоза. Справа клюет носом «дача», и красивый дядька с орлиным носом (и орлиной шевелюрой), высунув из окна голову (орлиную голову), резким голосом (орлиным голосом) кричит:

— Не можешь повнимательней быть, глупый ты парень!

— Не могу, — огрызается Юрген, — я же глупый!

Но «орел» уже включил скорость и по-королевски укатил. На заднем стекле румынского автомобиля сверкнули серебристые буквы «Рено», и промелькнула вязаная шапочка.

Ну, ладно, то, что Юрген лишил его права первого проезда, — не такое уж страшное преступление. И все же быть внимательнее следует. Здорово надо быть внимательным!

...В Рёригке все было так, как обычно бывает на побережье Балтийского моря в летние месяцы. Одни шли из дома на пляж, другие — с пляжа домой. Третьи сидели в ресторане, четвертые покупали игрушечные маяки с градусником внутри и миниатюрные консервные банки с паштетом. Не менее тридцати процентов населения, очевидно, состояло из девушек. И добрая половина этих де-

вушек была похожа на Сусанну Альбрехт. Это несколько озадачило Юргена. Некоторое время он бесцельно толкался среди идущих на пляж и возвращающихся с пляжа девушек и кончил тем, что поставил свой мопед, прислонив к стене, где висела аккуратная табличка, воспрещавшая стоянку велосипедов. Подумаешь! Это же про велосипеды сказано. Разумеется, тут же появилась какая-то недовольная женщина лет пятидесяти — шестидесяти: «Ты что, читать не умеешь?» Юрген, глядя мимо этой тетеньки, приложил ладонь к оттопыренному уху и спросил:

— Извините, пожалуйста, скажите, где вы находитесь?

— Ну, это мы еще посмотрим! — сказала тетенька. — Вот-вот муж должен вернуться.

Юрген купил себе порцию желтенького мороженого и две жареные сардельки. Мороженое было невкусное, зато сардельки явно удались. Но с другой стороны, они гроша ломаного не стоили по сравнению с холодным вишневым супом, который подавали в стоящем на усеченной пирамиде и так хорошо защищенном от наводнений доме. Однако об этом Юргену не следовало вспоминать. Уж очень там его все за живое задело! И теперь потянуло обратно силой в сотни лошадиных сил. А то и сам Джеймс Ватт потащил его обратно к усеченной пирамиде. «Воде скажи спасибо, коль чисто все и любо!»

Но может быть, это чувство следовало бы назвать тоской по дому? Но тоска по дому и сквозняки — эти два понятия для Юргена Рогге из Нойкукова не существовали. Да и не могло это быть тоской по дому. Его дом стоял в Нойкукове, его дом — это папа и мама, а вовсе не Люттоян. Да-да. Его дом у папы и мамы — этих таких славных и смешных стариков-родителей. Там стоял его стул, его чертежная доска, его кровать, его полки. Там его тайнописи, там он показывал родителям свои пятерки. И все это было не так уж плохо. Нет, нет, чего там! И он с удовольствием там опять побывает. Но не сейчас. Не сразу. Сначала надо найти Сусанну Альбрехт и после такой болезненной разлуки вновь заключить в объятия горячо любимую... У Люттояна ему, собственно, больше нечего делать. Да и кто знает, примет ли старый поклонник энциклопедии его еще раз — он же отправил его учиться на смотрителя дамб и плотин! Ну а если это нельзя назвать

тоской по дому — это, скорее всего, обжорство! Вишневый суп не дает ему покоя. Ну, может быть, он там немного и занесся: «h — это высота, не так ли?... это же все в таблицах Шюльке значит... только цифры подставить, и все пойдет как по маслу...» Или ты, Юрген, по своей вывеске соскучился, обратно получить ее хочешь?

Вывеску-то он, оказывается, оставил у Люттояна. Рано утром, еще до того, как они пошли к Тидеману, он отвязал дощечку от руля и, повернув надписью к стене, поставил у сарая. Кто-то когда-то ведь должен сказать — шутке конец! Но Люттоян поднял вывеску с земли и прибил большими гвоздями к стене. «На память», — еще сказал. Юрген подумал: «А ведь старик до этого ничего про вывеску не говорил. И про грибы, и про транзистор, и про пятерки спрашивал, но ни разу не спросил про вывеску «Нойкуков — Новосибирск». Раз старик, как уже доказано, не был слеп, то этому можно дать только одно объяснение: он сумасшедший. Но тут кто-то другой в голове Юргена попросил слова и сказал: «Именно потому ты и хочешь туда. Одного сумасшедшего тянет к другому сумасшедшему. Ты же пустился в путь ради Сусанны Альбрехт? Чего же ты?»

«Разве?» — ответил Юрген.

Этот, что сидел у него в голове, вроде бы обиделся и теперь молчал. Юрген подождал немного, но никто не отозвался.

«Эй, — позвал он, — ты чего это?»

«Катись-ка ты! — сказали там наверху. — Это же твоя невеста!»

«Не может этого быть, — сказал Юрген. — Так быстро все не делается. Ни в одной кинокартине этого нет. Разве что у Казановы в книге Удо Шлорфа. Там это так же быстро происходит, как у кроликов: другой город — другая девочка».

Юрген так долго думал о Сусанне Альбрехт, что даже хорошо себе ее представил. Но что-то голова у него не закружилась и теплая волна не захлестнула его. Да и весь мир не стал ничуть милей, как оно бывало прежде! Мороженое по-прежнему было невкусное, но сардельки — в норме. «Что ж, посмотрим. Наверное, я просто отвык. Но ведь так же не годится — взять да убежать, ничего не сказав! Да-да, надо ее найти!»

Приняв решение, он примкнул к демонстрации махровых полотенец и бикини, направлявшейся на пляж. Перед ним на солончешке вышагивал высокий дядька с невероятно белыми ногами и спорил с женой относительно дурных привычек семейства Кёкериц. Муж считал, что Кёкерицы уже отдыхали в Рёригке, а жена твердо придерживалась мнения, что Кёкерицы на время отпуска снимают квартиру только в Цинцовице.

На одном из маленьких балкончиков сидел парень с транзистором огромных размеров. Оттуда неслась не совсем приличная песенка: «Курить в лесу запрещено. Целовать в лесу — разрешено».

Дойдя до моря, юный смотритель дамб и плотин встал на крутом берегу. Взгляд его скользил поверх людских голов и волн морских. Голов было многовато, однако и море проглядывало. Он стреножил белого коня и крупными шагами направился вниз, приветствовать родную стихию...

Вниз прибыл некто Юрген Рогге из Нойкукова. Он, видите ли, искал известную гитаристку Сусанну Альбрехт. Отдыхающие курортники из Кримичау, Любенау, Пренцлау не обращали никакого внимания ни на смотрителя дамб и плотин, ни на молодого человека, ищущего свою невесту. Они натирались кремами для загара, слушали «отпускную волну», играли в волейбол или нежились лежа на песке. Рогге в своих маршевых «кларках» топал между распростертыми телами и был при этом очень похож на знаменитого путешественника-естествоиспытателя! По заказу телевидения он плавал на своей «Калипсо» от одного лежбища тюленей к другому. «Подобные дикие лежбища, — объяснял при этом диктор, — последнее прибежище великолепных и миролюбивых созданий. Но долго ли еще? Вон там вы уже видите грозных предвестников современной цивилизации». Камера резко панорамирует, и зритель видит два пустых шведских пакета из-под молока и баллончик аэрозоля, покачивающиеся на воде.

Прошел час, и Юрген не выдержал! В купальниках девушки еще больше походили друг на друга, чем в джинсах или платьях, занимались они одним и тем же и напоминали большой девичий цех.

Белого коня, конечно, тоже как не бывало. Но «козел»

стоял на месте целый и невредимый. Под вывеской, строго запрещающей стоянку. В окне как раз над ним сидела все та же сердитая женщина.

— Давно пора тебе обратиться отсюда! Вот-вот муж вернется...

— Если бы вы знали, как я бежал! — сказал Юрген, подумав, что, может быть, стоит подсмотреть из-за ближайшего угла, придет ли вообще этот грозный муж. Нет, подсматривать нехорошо. А вдруг она на самом деле очень хорошая женщина, умеет печь вкусные пирожки?

После обеда он выкупался на маленьком пляже близлежащей рыбацкой деревни. А вечером еще целый час бесцельно бродил по улицам Рёригка. Потом поехал на молодежную турбазу. Директор очень испугался и тут же достал список заявок.

— Да нет, я никакой заявки не подавал, — успокоил его Юрген. — Так просто проезжал мимо, турист-одиночка.

— Вон оно что, — с облегчением вздохнул директор. — Мы ведь загружены сверх всякой нормы.

Перед главным зданием сидела группа парней — шестого или седьмого класса. Все дружно писали открытки. Очень было похоже на классное сочинение.

— Эй, братва! — крикнул Юрген. — Пишите: «Доехали хорошо. Погода прекрасная». Погода — с большой, прекрасная — с маленькой.

— Ребя! Гляди! Отличник к нам явился! — сказал один из мальчишек.

— Угадал, — сказал Юрген. — Оценка правильная и соответствует действительности. Если вы уступите мне койку, я всем продиктую открытку домой. Шестьдесят четыре разных у меня в запасе. Усекли?

— У нас мест нет, — сказал один светловолосый.

Но ему сразу возразил тот, который разглядел в Юргене отличника:

— Нет, есть. Койка Якова Домко свободна.

— Как же это случилось? — спросил Юрген. — Где же вы потеряли старого, доброго Домко?

— Родители за ним приехали. Тетка из Билефельда у них гостит.

— Ай-ай-ай! Какая добрая, хорошая тетка! Нежданно-негаданно вдруг взяла и приехала! Хорошие тети живут

в ФРГ. В ФРГ живут хорошие тети... Может, мне вашего учителя спросить?

— Вон он, видишь, в боксерской стойке.

И впрямь неподалеку молодой человек в спортивной майке прыгал вокруг рыжего парня, как обычно прыгают боксеры.

— А зовут?

— Никель.

— Вы сами-то откуда?

— Из Любенау.

— Как же вы дальше-то будете жить? — сокрушенно спросил Юрген. — Ваш Шпреевальд скоро совсем засыплют: дыни будут разводить. Плантация дынь. Понятно?

Кое-кто из ребят рассмеялся, но только очень немногие. Юрген быстрыми шагами направился к учителю. Тот сучил кулаками около носа своего партнера, приговаривая:

— Чемпион набирает очки. Его левая прямая обеспечивает ему успех...

— Извините, — сказал Юрген, все еще находясь под впечатлением решительных слов чемпиона, успешно защищающего свой чемпионский титул.

— ...и во второй раз гонг спасает претендента от нокаута, — проговорил учитель. — И вы желаете?

— Не представится ли у вас возможности, — сказал Юрген, — понимаете...

— Представляется. Весь первый этаж в нашем распоряжении, — ответил учитель. — Помолчать можешь?

Ночью на небесах, должно быть, приняли новое решение относительно метеорологических условий. Когда Юрген пришел на пляж, с севера дул беспокойный холодный ветер и взбивал небольшие волны. Несколько туристско-моционщиков (ранние пташки) стойко топали по прибитому волной песку. А пришедшие принимать солнечные ванны с недоумением поглядывали на резко изменившийся пейзаж, прижимая к груди свои пледы и простыни. Дежурные пловцы, члены спасательной службы, встретили крепкую волну с обычным для них хладнокровием — подняли сигналы штормового предупреждения и исчезли. Купаться запрещено!

Вот так и всегда. Во-первых, купаться в Балтийском море можно хорошо, только когда волны. Во-вторых, когда волны, купаться запрещено. Всегда так!

— Но мы поборемся с штормом, без страха ринемся в бушующую стихию! — проговорил Юрген, это отчаянное дитя суши.

Быстро раздевшись и не успев еще замерзнуть, он плюхнулся в воду, прежде чем появились предостерегающие сигналы разума. Так всегда и бывает: сначала человек плюхается в воду, а потом уже разумно рассуждает. Как хорошо! Как все просто! Ведь вдруг тебе уже восемьдесят стукнет, а ты еще ни разу не купался в штормовом море! Дорогие мои, так ведь тоже нельзя! И Юрген бросился в пенящийся прибой, нырял, как тюлень или дельфин, взмывал на гребень волны, летел вниз, пыхтел, крихтел, отдувался, даже закричал, как чайка, и заревел:

— «Воде скажи спасибо, коль чисто все и любо!»

И все время Юргена не покидало ощущение, будто кто-то восторженными глазами следит за ним. Неотступно следит за одиноким безумным пловцом...

И действительно, зоркие глаза следили за одиноким безумным пловцом. Он еще только вошел во вкус, как раздался свисток и чей-то предупреждающий крик. На пляже появились два долговязых типа. Одного из них Юрген сразу окрестил Свистуном, а второго — Крикуном. Но махать они махали в унисон. Он тоже приветливо помахал им, высунув руку повыше из воды, и тут же нырнул в зеленую бушующую стихию. Когда он вынырнул, Свистун, должно быть чувствуя себя превосходно в этой самой стихии, подплыл уже довольно близко. Тут-то выяснилось, что он умеет не только свистеть, но и говорить.

— А ну-ка, дружок! — сказал он.

Никогда подобные обращения не нравились Юргену, и он отплыл подальше. Однако Свистун оказался из хватких. Он схватил руку нелегального безумца-пловца, сдвинул ее силой в 120 атмосфер и не отпускал до тех пор, покуда оба не обрели твердой почвы под ногами. И если честно признаться, то и здесь он не отпустил Юргена. Говорить он хоть и умел, но почти не пользовался своим даром. Только еще один раз сказал: «Ну-ка, дружок!» Но зато Крикун, как и следовало ожидать, был более велеречив. Похожий

на своего товарища, словно это были два гребца из одной команды, Крикун сказал:

— Ваше безответственное поведение ставит под угрозу и вас и других. Неужели вы думаете, что мы заинтересованы рисковать жизнью из-за вашего легкомыслия? Вам, должно быть, неизвестно, сколько человеческих жизней уносит каждый год подобная безответственность?

Свистун тоже переключился со знака восклицательного на знак вопросительный. Он спросил:

— Ну, как, дружок?

— Я, конечно, сознаю, но это же так весело.

— В штормовом море ничего веселого нет. Нам, например, совсем не весело выуживать ваш посиневший труп из воды. Совсем не весело.

Понятно, что это был невеселый человек.

— Забирайте вещи и следуйте за нами.

— Куда это?

— На лекцию.

Что ж Юргену было делать? Удрать? Или дать обоим по физиономии? А может быть, намекнуть, что перед ними не кто иной, как смотритель дамб и плотин?!

Юрген подобрал с земли свои вещи, и они гуськом зашагали к станции спасения на водах.

Свистун предупредительно открыл перед ними дверь. При этом ему, должно быть, пришло на ум еще одно слово, и он сказал:

— Так-то, дружок!

Он мог бы сказать что угодно. Мог бы даже запеть арию Фигаро или подпрыгнуть козликом — Юрген ничего не слышал, ничего не почувствовал, не ощутил ничего на вкус, сейчас он только видел!

На некоем подобии больничной койки, где обычно откачивали полуутопленников, поджав по-портновски ноги, сидела юная позтесса и гитаристка Сусанна Альбрехт. Загорелая, в белоснежном свитере с воротником гольф, она являла собой картину прелести и очарования.

— Юрген! Чудила! Это ты? — сказала она, небрежно отложив гитару. — Ты как сюда попал?

— На лекцию, — ответил он. — Ты тоже?

— Су! Ты еще скажешь, что мы твоего маленького

братика поймали? Вы что, друг друга знаете? Откуда? — спросил Крикун.

— Дружок... дружок... — скептически произнес Свистун.

— Еще чего! Мы в одну школу ходим, — сказала Сусанна.

...Он сидел на обочине тротуара и то и дело поглядывал на почтовый ящик на противоположной стороне улицы. Он удрал. Удрал со спасательной станции, из этого чисто побеленного логова, где некая поэтесса и гитаристка предала его, обменяла на одного Свистуна и одного Крикуна. Не то чтобы они хотели его обидеть в этом самом логове. Нет, нет! Шумно, весело встретили его. Правда ведь, они ходили в одну школу, а теперь вот встретились здесь, да еще при каких обстоятельствах! Ни о лекции, ни о выговорах не было и речи. Свистуна звали Майк, Крикуна — Бодо, а

поэтесса отзывалась на кличку Су. И его дружелюбно хлопывали по плечу, нежно тыкали в бок и даже сразу принесли с одной-единственной капелькой рома. И тут же выпили за такую своеобразную встречу. Да, да! Но как-то ему все же удалось удрать. Спасатели, и Майк и Бодо, совсем не удерживали его. А прекрасная поэтесса Су сделала небрежное движение рукой...

Вот он и сидит теперь на тротуаре. Так, значит, все и вышло. Сидит себе и смотрит на почтовый ящик на противоположной стороне улицы. Сидит и ждет почтальона. На ящике написано, что почта обязуется три раза в сутки опустошать его. Юрген решил во что бы то ни стало забрать свое письмо.

Пока он его писал, письмо ему даже нравилось. Но стоило ему завалиться на боковую, как оно показалось ему ужасным. Честно говоря, с самого начала письмо было ужасным. Но почему-то он этого сразу не заметил.

Конечно же, он знал его наизусть! Но сейчас, сидя на обочине, он перебирал его в уме, как человек осторожно перекатывает во рту горячую картошку. Время от времени какое-нибудь предложение стучалось о черепную коробку и производило фальшивый тон. Например: «...всегда думал, что нас связывает большее, чем школа».

— Никогда бы я теперь такого не написал! — говорил он себе жестким голосом зрителя дамб и плотин. — Какая жалкая, слезливая писанина!

Но увы! Стоило только удрать от Майка, Бодо и Су, как его охватила страшная жалость к самому себе. В какую-то минуту он буквально ослеп от слез. Ах, какое это прекрасное чувство — будто слюнявый поцелуйчик!

Выла буря. Не то морской, не то береговой ветер свистел в ушах, стихии негодовали. Так, во всяком случае, ему казалось. Он тогда железно повернулся к Сусанне спиной и теперь даже не знал, помахала ему землячка и школьный товарищ или нет? Может быть, даже гитарой? Вот-вот! К счастью, слез хватило не надолго. И не от обиды они у него набежали, а от злости, от досады на самого себя, от гнева на всё и вся! И было-то их всего несколько капель, никак не фонтан! Только оскорбленное самолюбие, совсем не «муки любви». Но он не отказался бы их испытать, лишь бы они так не назывались. А сейчас вдруг стало ясно

то, что он накануне только подозревал и тогда же отбросил: Сусанна Альбрехт, по кличке Су, некогда ученица тренера-конькобежца Рогге — довольно известного и любимого, между прочим! — Сусанна Альбрехт, поэтесса, сама себе аккомпанирующая на гитаре, была ему совершенно безразлична. Да-да, он был абсолютно равнодушен к ней. В какой-то точке своего путешествия, таинственной точке, между прочим, он потерял любовь. Черт бы ее побрал! И почему так мало слов? Они же все стираются, а потом не подходят как следует. Но тут же он перестал хныкать. Остановился и вслушался в себя. Эй, есть там кто? Нет? Нет там ничего! Только немного злости и чуть-чуть досады: как-никак, а он потерпел поражение. А проигрывать он не очень привык. К сожалению, он все же вернулся и написал письмо — преступление, хотя только на бумаге. Наказание за него он отсиживал здесь, на тротуаре. Интересно, в каком виде предстанет перед ним ее величество почта? Лучше всего в виде такого славного, уютного дедушки. С таким бы он договорился. Но дедушки бывают и совсем не славные. Тидеман, этот страж во храме энциклопедии Майера, совсем не славный дед. Нет, нет, деды — они всякие бывают. Уж лучше пускай явится в виде какого-нибудь помощника почтальона, может быть, даже школьника — с таким можно поговорить, как со своим человеком. Но такой тоже может не согласиться. Не захочет взять на себя ответственность, заставит сперва пойти к заведующему и написать несколько заявлений, да еще печатными буквами. Ну и как же быть?

Прошло битых два часа и еще двенадцать минут, и явилась эта самая почта. А он уже было подумал, что ящик мертвый — для всяких агентов и диверсантов, одна маскировка.

В образе почты явилась та самая женщина, которая вела решительную борьбу против стоянки велосипедов у себя под окном. Муж ее вот-вот должен был вернуться. Да, уж ничего не скажешь, судьба щедро награждала Юргена апперкотами! Он сразу узнал эту женщину, хотя на ней была очень смешная маленькая почтальонская шляпка. Она тоже сразу узнала его и строго посмотрела в упор. Чудно все вышло. Чудней не могло и быть.

На всякий случай он показал, что у него ничего нет в

руках. Потом, почесав правой рукой в затылке, произнес:

— Извините, пожалуйста... Мне бы письмо мое взять обратно... Я своей тете письмо послал... пригласил на день рождения, а когда — не написал.

Два часа и двенадцать минут он думал о чем угодно, а придумать предлог не собрался. Придумал за несколько секунд до появления почтальона. Вот он и вышел таким идиотским.

— Так, так! — сказала женщина, муж которой должен был скоро вернуться. — Вы что же, очень забывчивы?

— Да, да, — скромно согласился Юрген, грустно кивнув.

— И тетя ваша, должно быть, тоже человек забывчивый? — тут же среагировала почтальонша, словно игрок в шашки, торопящийся провести шашку в дамки.

Юргена это немного удивило. Он, племянник, не знал такого свойства за только что выдуманной теткой. Откуда ж знала почтальонша?

— Должна же она знать, когда у вас день рождения, — сказала почтальонша.

Ах, да, ну, конечно же! Да это и не трудно запомнить.

— Это вы верно сказали, — проговорил он. — Последний раз она даже свою собаку у нас забыла, а потом уехала к родственникам, а мы все это время...

— Если тут каждый придет и будет... — сказала почтальонша и вдвинула кожаный мешок под почтовый ящик. Дно открыла четырехгранным ключиком, и вся почта отпускников, в которой любимым родным сообщалось, что погода хорошая, кормят прилично, комната чистая, никто не сгорел на солнце, съехала в кожаный мешок. И этот-то мешок, доверху наполненный открытками и конвертами, почтальонша показала забывчивому племяннику забывчивой тетки, произнеся с возмущением: — Скажите, как мне тут ваше письмо найти?

— Желтый конверт. Продолговатый такой, — смущенно сказал Юрген. Он, конечно, не мог предусмотреть подобного рвения отпускников.

— Для вас все это просто, пустяк, можно сказать. Приедут и... Вы что, думаете, мы так, шутки ради, объявление повесили насчет велосипедов? Мало того, что стену портят, еще стоят часами, разговаривают и звоночками своими

тренькают. А то возьмут и лимонадом стену обольют — всегда большие бутылки покупают, а выпить не могут. Чего мы только не навидались! Вы, к примеру, разве объявление не заметили? А какими большими буквами написано! Никто не считается... Ну, вот, а теперь смотрите сами, сами ищите. Мне все равно по инструкции не положено. Юрген, словно важный гость на телевидении, который вытаскивает шары и награждает выигравших счастливых дудочками и дорожными кипятильниками, принялся рыться в мешке.

Первый желтый конверт оказался письмом, адресованным фабрике резиновых и асбестовых изделий в Ростке. Может быть, кто-нибудь хочет противопожарный костюм сшить?

И пока он рылся и искал, почтальонша прищелкивала языком и все оглядывалась, словно ожидая появления самого министра связи. Пятый желтый конверт оказался тем, который Юрген искал.

— Спасибо, — сказал он, — нашел.

— Нет, нет, погодите. Так быстро у нас ничего не выйдет. Дайте-ка сюда! Как вы можете доказать?

Правда, как доказать? Ну, он знает письмо наизусть. Мог бы устроить сеанс телепатии, без сетки, между прочим... «Я вижу, судьба повернулась спиной к молодому человеку». Этого еще не хватало!

Там моя фамилия написана, — сказал он. — Юрген Рогге, разве вы не видите?

— Правда, — рассеянно сказала почтальонша и не без интереса прочла: «Станция Спасения на водах, 2. Фролейн Сусанне Альбрехт». И это, значит, ваша тетья?

Юргену делалось то жарко, то холодно. Он подумал: «Неужели у них здесь, в отделении связи, держат Шерлоков Холмсов женского рода?» Но он все же ответил утвердительно на коварный вопрос.

Странно, — сказала почтальонша. — Вашей тете, значит, столько же лет, сколько вам. И уже пенсию получает? На инвалида совсем не похожа.

Почему это? спросил Юрген упавшим голосом.

Но тут почтальонша рассмеялась, но не издевательски, нет, а как-то по-доброму. И вообще она впервые посмотрела на него приветливо и дружелюбно.

— Я ведь девушку эту знаю. Мы же здесь не в Берлине и не в Сан-Франциско живем. Она койку снимает у Брюзехабера. На чердаке. А эти спасатели на водах — они рядом снимают, у Тепсов. В подвале. На, возьми свое письмо. Может, сам к ней пойдешь? Поговоришь по-хорошему?

— Нет, нет, — сказал Юрген. — Этого я делать не буду.

— Вот как! Ну, тебе лучше знать. Бывает, что лучше и промолчать. — Всякое дружелюбие мгновенно исчезло с ее лица. — Мне пора дальше идти, — сказала она.

— Спасибо вам большое.

Да, иногда лучше и промолчать.

Заправщик на бензоколонке очень старательно заправлял «козла» и что-то говорил насчет четверти литра, которую необходимо залить в бак... Смотритель дамб и плотин молчал. Теперь-то он знал, что такое непонимание, граничащее с издевкой. Он рвался домой. На это лето хватит с него! Да и его белый конь устал. Да, он рвался домой, но в Аренскоог все же заехал.

На лесной поляне километрах в двух от Аренскоога он остановился и соскочил с седла.

Самочувствие превосходное. Руки болели, голову не повернуть, а в сердце застрял крохотный осколок Сусанны Альбрехт. Но вообще-то он чувствовал себя превосходно! Впрочем, и соскочил он только ради того, чтобы набрать цветочков. У сестры Евы был цветочный бзик в самой острой форме. К ней можно было заявиться даже без ботинок, но никак не без цветов. Для этого у нее была даже своя теория: гость, явившийся в дом без цветов, не поможет тушить пожар, если дом будет гореть. Вот так вот. Но возможно, это была не теория, а японская пословица. Сам-то Юрген предпочитал японские транзисторы.

В конце концов он прикрепил пучок лугового сердечника вместе с несколькими неизвестными стебельками поверх своего багажа и подкатил прямо к живой изгороди, окружавшей дом сестры. Прошелся туда и обратно, поглаживая изгородь, как поглаживают любимую собаку. Круглая, словно подстриженная под ежик, высотой в два метра и шириной в два метра, изгородь эла-

стично поддавалась руке и тут же принимала прежнюю форму. На ней вообще не было ни одного неровного и ни одного лысого места. Каждый приезд эта изгородь приводила Юргена в восторг. А когда он был еще маленьким, она породила в нем желание стать садовником у короля. Только у королей или у таких дядей, как Роберт, бывают подобные изгороди. Но Роберт подрезал свою сам. Так, во всяком случае, говорила Ева. А кому же лучше знать? Роберт ведь ее муж. Лично Юрген никогда не видел, чтобы Роберт подрезал изгородь. Да и вообще Роберта никогда никто не видел. Говорили, будто он художник, живописец.

Я только горшечница, — объясняла Ева родителям. Художник у нас Роберт.

Мать потом говорила отцу:

А деньги-то наша дочь зарабатывает.

Юрген всегда был за Роберта, хотя бы из-за изгороди: он же сам ее подрезал. А так картинки — они и есть картинки.

Обойдя кирпичный дом с низко нависшей камышовой крышей, Юрген пошел на голоса, доносившиеся из сада.

За круглым столом под ореховым деревом, долженствующим отгонять комаров и мошек, сидело четверо мужчин и две женщины. У двоих мужчин были бороды. Одна женщина очень коротко подстрижена, другая с длинными волосами. Один из бородатых, нервно помахав рукой, сказал:

Если мне сейчас выпадет шестерка, вы можете сказать, что присутствовали при историческом событии.

Покатилась кость, и бросивший ее воскликнул:

— Merde!

— Я думал, это называется дерьмо, — сказал другой бородач. — Тебе выпала тройка. — Теперь он кинул кость, посмотрел, что выпало, и сказал: — Придется выставить тебя. Однако прошу рассматривать этот акт не как враждебный, а как вызванную обстоятельствами необходимость. Между прочим, он ни в коей мере не оправдывает эмоциональную реакцию с твоей стороны.

— Маккиавели! — возмущенно крикнул первый бородач.

Длинноволосая женщина четко, как новенькая учительница родного языка, сказала:

— Это ж теория ограниченной войны. И мораль ее.

«Ну и в игры они тут играют!» — подумал Юрген.

Подняв голову, стриженная под мальчишку женщина увидела его. Почувствовав, что его как бы поймали на подслушивании, Юрген поспешил подойти к столу. Игра представляла собой картонку, на которой была нарисована железная дорога с большим количеством маленьких кружков. Дорога проходила через мелкие населенные пункты, окрашенные в разные цвета. Посередине был изображен дядька, и казалось, что у него не только с обеих сторон болят зубы, но что у него явный приступ бешенства. Так что факт остается фактом: здесь, под ореховым деревом, столь успешно отгоняющим комаров и мошек, играли в нечто иное, как в трик-трак или «не сердись».

— А ну-ка, подвиньтесь! Еще один гость пришел, — сказала длиноволосая, но сама ни на миллиметр не подвинулась. Очевидно, предложение это никакого практического значения не имело, а, должно быть, было какой-то цитатой.

Со своим несколько потрепанным букетом Юрген имел довольно глупый вид, и вопрос, не видел ли кто его сестры, тоже мог прозвучать глупо, однако имел то преимущество, что намекал на родственную связь и одновременно оправдывал его появление в саду.

— Она у печи, — сказал один из бородачей.

— Д-да, — подтвердил другой, — она печет сегодня сине-зеленые пепельницы.

— Перестаньте! — сказала коротко стриженная женщина. — Пойдемте со мной. Поищем ее.

Вставая, она толкнула стол — нарочно или нет, кто ее знает, — и все фишки полетели на землю.

— Ах, какие красивые цветы! — сказала сестра Ева. — А ты их держишь, как пучок травы для кроликов. — Ее синий халат был весь испачкан глиной, лицу тоже кое-что досталось.

— Сядь вон там, я сейчас вазу принесу.

Юрген сел в старое плетеное кресло, на вид жесткое и неудобное, но таинственным образом преобразившееся, как только в него садился человек. Оно делалось и мягким и удобным и подходило сидящему, как хорошо сшитый костюм. А если знать правильное слово, то кресло могло подняться в воздух и полететь.

— Му-та-фу, — сказал Юрген.

Но в ответ кресло только негромко скрипнуло. Не такое это простое дело — найти правильное слово!

В маленькой белой комнате с волшебным креслом и столиком на одной ноге царил полумрак. Про столик тоже можно было сказать, что ему ничего не стоит накрыть себя скатертью-самобранкой — появится и красное вино, и жаркое, и серебряные ложки и ножи.

Зашевелилась занавеска, и сразу послышался шум при-
боя.

— Ну, море-то у нас есть, — сказал зритель.

— Что это ты сказал? — спросила только что вошедшая Ева, держа красивую вазу в руках.

На самом деле это была не ваза, а бутылка из темно-синего стекла. Тысячи людей веками передавали ее из рук в руки, и от этого она немного скособочилась, но краска сохранилась. Ваза была очень красива.

- Я сказал, что море здесь слышно.
- Да что ты? Роберт его тоже всегда слышит.

Вечером подали кресс-салат, бутерброды и красное вино. Сначала говорили о салате, потом о бутербродах и красном вине, а еще позднее — о литературе. Длинноволосая женщина, например, сказала:

— Главное — это второстепенно. Однако второстепенное тоже второстепенно. А вот то, что за этим второстепенным, — это и достойно воспроизведения.

Потом тот бородач, который знал, как «дерьмо» по-французски, спросил Юргена, какая его любимая книга.

— Впрочем, в твоём возрасте все это ещё очень неопределенно. Верно я говорю?

— Нет, — ответил Юрген. — Определенно. Моя любимая книга — «Всадник на белом коне» Теодора Шторма.

— Теодора Шторма? — переспросила длинноволосая женщина. — О! Это очень интересно.

— Я пойду наверх, к Роберту, — сказал Юрген.

Когда вдали на горизонте показались башни нашего любимого Нойкукова (аляповато окрашенная колокольня св. Георгена, труба газового завода, телевизионная антенна столяра Абрагама и три серебряных силосных башни народного предприятия концентрированных кормов), блудный сын этого города еще раз соскочил с седла, привязал запыхавшегося «белого коня» к дереву и задумался.

Если говорить точно, с точностью до миллиметра, то до самого Новосибирска, столицы физиков и математиков, он не доехал, но был очень близко. В доме Люттояна он приблизился к нему вплотную. И вообще с этим новым двигателем, работающим на Люттояновой смеси, использующей фактор Плюкхана, Юрген здорово подвинулся по Транссибирской магистрали. Он уже видел Новосибирск. И в следующий раз он там непременно приземлится. Надо будет только получше подготовиться. «Итак, экспедиция прошла успешно!» — отрапортовал он Юргену Рогге. Но тот: «Это еще как сказать! Правда, лучше мне не вмешиваться, но мне кажется, что ты отправился в путь из-за

Бригитты Вальтер, или как ее там звали? Сусанны Альбрехт? Давно это все было. Разве всех запомнишь? Под конец ее, кажется, назначили дежурить на спасательной станции. Кому-то надо развлекать этих парней. Что ни говори, служба у них тяжелая. Д-да. Ах, как горько! Но ведь и хрен горек, а душу веселит. Ничего мне не горько! Только вот удивляться никак не перестану. Словно бы проснулся, а чемпионом района не стал. Хотя бы по ловле форелей на спиннинг! Что же, по этому поводу горько плакать прикажете? Нет уж! Но странно: что-то с тобой было все это время и вдруг — нет ничего! Идешь себе по улице и думаешь: «Сусанна Альбрехт тебе все равно что Анетта фон Дросте Хюльсхоф¹».

Как, как?

Да это поэтесса такая. Она же это жуткое стихотворение написала — «Мальчик в болоте». Нет, нет. Ничего горького не осталось. Все прошло.

Да и вообще много кое-чего прошло. И миновало. Папоротники и мхи, например. Тайнопись. Да и почти весь Нойкуков. В Нойкукове зрители не нужны. Там можно родиться, в школу ходить, съесть довольно много картошки и капусты. Но остаться? Зритель в нем не останется. Будущий зритель кое-чему там научится, но и только. Для доктора Блюменхагена, пожалуй, хватит, а вот для профессора Люттояна — никак нет! Сам Блюменхаген так говорит, и Блюменхаген прав. И мать права, по-своему, конечно. И Джони Рабе по-своему прав.

Все правы. Все, кто хочет от него того, чего сами не достигли, и больше всех надо Люттояну, потому он больше всех и прав.

«Да-да,— говорит Рогге.— Ты только не спеши. Я сейчас чемодан упакую. Немного времени у нас еще есть».

Въехав в город, он смотрит на него как будто в последний раз.

Господин Прюверман вышел взглянуть, какая нынче погода, увидел Юргена и говорит фрау Прюверман:

— Видишь, вон младшенький Рогге едет. А посадка-то какая! Словно на коне скачет.

¹ Анетта фон Дросте Хюльсхоф — немецкая поэтесса (1797—1848).

— Несуразный ты человек! Чего тебе только не мерещится! — говорит ффрау Прюверман.

Мимо, мимо! Вот он уже проехал окна Прюверманов, на одном из которых висит термометр. «Мини-макс». До этого — мимо небезызвестного дома на Фогельзангштрассе, а сейчас едет мимо второй политехнической школы. Надо бы именем Плюкхана ее назвать. Хорошее имя. Вот уж и «Часы — оптика» — Иоганна Фридриха Мёллендорпа. Хозяин стоит и качает головой: партию солнечных очков до сих пор не прислали! Дальше — мимо «Заходите к Рабе!», но там жалюзи спущены. Джони Рабе все еще в Болгарии. А теперь лавка ффрау Дювель — сама она вышла прогулять свой шиньон. Вон Эрих Клифот прохаживается мимо магазинчика отца. На перекрестке стоит младший лейтенант Хольтфреттер и строго смотрит испытующим взглядом: «Соблюдайте правила уличного движения!» И вот он уже и дома.

Травой дороги за его отсутствие не заросли. И дом не скрылся в зарослях роз. И Нойкуков за это время не впал в вечный сон. Нет-нет! Жители его заняты своими делами, и Эрих Клифот с Дорис, и Мёллендорп со своими линзами и тикающими часами. И пекарша ффрау Шлееде по-прежнему снабжает население булочками и пирожными, и садовник Тюбке кое-что успел посадить, а кое-что и прополоть за это время, и фабрика концентрированных кормов непрерывно производит эти самые корма. И младший лейтенант Хольтфреттер добился улучшения общественного порядка и дисциплины. Может, кто-нибудь и родил ребенка за это время, а из этого ребенка, может быть, новый Гёте, Эйнштейн или капитан нашей сборной Густав Адольф Шур вырастет. А то и какая-нибудь оперная звезда. А может, изобретатель автомобиля, не загрязняющего окружающую среду, или первооткрывательница порошков от гриппа, или какой-нибудь форвард, бесподобно забивающий голы, а то и просто добрый человек. А всегда готовый поделиться Нойкуков пошлет их туда, где они принесут максимальную пользу. Не то со временем толчея может образоваться в Нойкукове. Нельзя ведь, чтобы выдающийся изобретатель ничего другого не делал, как регулировал карбюраторы в гараже Городского Совета, певица бы только в Доме железнодорожника арии пела, первооткрыва-

тельница в аптеке микстуру от кашля продавала, а несравненный форвард только бы и занимался тем, что нагонял страх на вратарей дворовых команд.

Нет, нет! Нойкуков на своих зрителей не скупится.

Перед домом Рогге гремит шум сражения. Введено в бой все наличное стрелковое оружие. Пш-пш-пшт! Бац-бац-бац! И кто-то блеет, как коза-заика. Однако слышится и человеческая речь.

— Это не считается! — верещит кто-то. — Бёльков давно уже убитый. Эй, Бёльков, ты убит!

Но убитый не сдается и кричит в ответ:

— Ничего не убитый! Меня только рикошетом задело!

Теперь подает голос еще кто-то и утверждает, что Вегенер, если по правде считать, тоже давно убит. Прямо в сердце ему попало. Он совсем убитый!

Снова слышится блеяние козы-заики. Может, это и есть Вегенер? Ему, видите ли, надо доказать, что он еще жив.

Наш путешественник, вернувшийся в родной дом, стоит и слушает. Не так уж много времени прошло с тех пор, как он тоже играл в эту игру. А вояки, и живые и убитые, вылезают из кустов и смотрят на него в ожидании, как будто он и есть высший судья и арбитр. Юрген делает этакий осеняющий жест над их головами и говорит:

— Эх, вы, дурачье! Вы же все живые, только чокнутые. Вот так-то! Где же это я ключ оставил? Надо ведь человеку отдохнуть хоть раз.

Открыв дверь, Юрген сразу же натывается на корреспонденцию. Квитанция из чистки, открытка от родителей из Польши. Быстро это они! На открытке — деревянный дом-гостиница. Огромная охотничья изба, экстрабунгало!

«Дорогой Юрген! Мы доехали хорошо. Наши таможенники проверяли, а поляки ничего не смотрели. Сейчас пьем кофе, как здесь говорят, «в кавярне». Крестьяне здесь еще на лошадях пашут. Твои родители. Не забывай запирать дверь».

Вот как! На лошадях, значит, пашут.

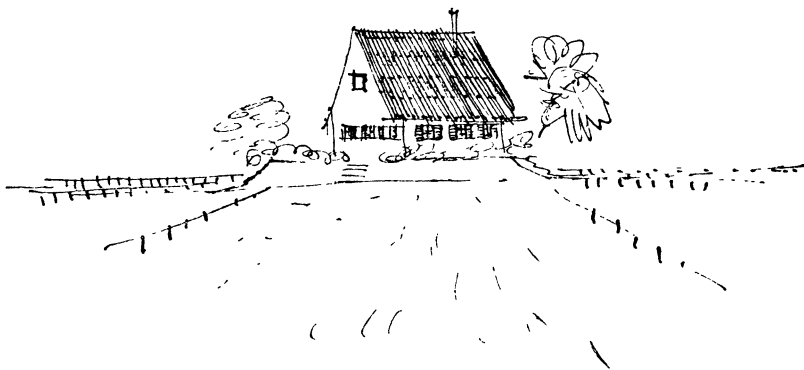
Из газет он выбрал только самую последнюю и взял ее с собой в комнату.

...На суде в Баварии один преступник, работавший

в концлагере палачом-убийцей, никак не мог вспомнить, как это все тогда было. Сталевары Хеннингсдорфа, несмотря на жару, перевыполнили план и выдали на одну плавку больше. А кооператив обеспечил население дополнительным контингентом прохладительных напитков... Д-да... Команды высшей лиги проводили какие-то смешные подготовительные игры, доводя число голов до умопомрачительных цифр. Даже «Заксенринг-Цвикау» не пощадил «Эмпор-Термосфляше» из Гельца.

Так все и написано. И еще многое другое. А вот о Юргене Рогге ни слова! Ни слова о путешествии Рогге в Новосибирск, о его встрече на высшем уровне с Люттояном.

— Ну, ладно, — говорит он, — вы про меня еще узнаете!

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге
издательство просит присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

УВЕ КАНТ

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ НОЙКУКОВА В НОВОСИБИРСК

Повесть

ИБ № 6792

Ответственный редактор Г. В. Языкова. Художественный редактор Е. М. Ларская. Технический редактор Н. Ю. Крапоткина. Корректоры В. В. Борисова и Л. А. Рогова. Сдано в набор 25 04 83. Подписано к печати 05.09.83. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1. Шрифт обычн. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,56. Усл. кр.-отт. 8,24. Уч.-изд. л. 7,81. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2999. Цена 45 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»